

A woman with long, dark, wavy hair is seen from behind, standing in a snowy forest. She is wearing a long, flowing gown with a blue and green pattern and a white lace umbrella. Snow is falling around her, and the forest is filled with tall, dark trees.

Ольга Польская

Снежный роман

Ольга Польская

Снежный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18574022

Аннотация

Это книга – синтез прозы и поэзии. Таково мироощущение героини этой истории. Таков ее характер .В книге есть всё.

Немного из жизни, немного из фантазий и снов. Это микс из многих судеб и переживаний. Один лишь персонаж здесь реальный – это иеромонах Михаил (Чепель). Ему и его служению Богу и людям я посвящаю этот роман.

Снежный роман

Эта книга – синтез прозы и поэзии. Таково мироощущение героини этой истории. Таков ее характер. В ней есть всё – немного из жизни, немного из фантазий и снов. Это микс из многих судеб и переживаний. Один лишь персонаж здесь реальный – это иеромонах Михаил (Чепель). Ему и его служению Богу и людям я посвящаю этот роман.

Ольга Польская

21 декабря. Начало и конец

21 декабря. Обычный зимний день. Мороз пощипывает щёки. Снежинки, мелкие, как крупа, тихо падают на аллею, по которой я иду. Иду защищать диплом. Шесть лет учёбы позади, а что впереди?.. Остаться в милиции... Я уже лейтенант, и что? Зарплата копеечная, да и та маслом да тушёной выдётся. Денег нет. Зато уже имею несколько ранений и удовольствие видеть, как пишут в больничном, что ты болел ОРЗ (какие такие ранения, их ведь оплачивать надо...). Так что так и СЛУЖИМ ТРУДОВОМУ НАРОДУ! Ладно. Надо сосредоточиться на защите, а то мямлить я не привыкла.

Мысли велись роем пчёл и, казалось, превращались в снежинки, которые и падали с неба. Мелкие, колючие и никому ненужные. Я тихо прошла в комнату моей подруги Татьяны.

– Привет! Готова, дочь попова?

– Да, всю ночь зубрила. Боюсь страшно!

– Не бойсь! Пошли! Как говорили классики: «Победа будет за нами».

Мы идём по подземному переходу, который соединяет академию и общежитие, а где-то там наши мысли, у каждого свои, но колючие и холодные, превращаются в снежинки и падают, падают, покрывая собой весь белый свет.

Защита прошла легко. У меня закрытая тема, и были только члены комиссии. «Сорок пять минут позора и полная свобода» – как говорят студенты. Ну мне до свободы ещё надо сдать документы в аспирантуру, и потом уже можно праздновать. Иду по серым, как моя жизнь, коридорам, сейчас сдам документы в спецчасть, и погуляем... Татьяна уже ждёт, да и ещё есть люди, страждущие моего общества. Мысли, мысли, какие они колючие... А снежинки за окном всё падают.

– Ты где гуляешь? Все уже за столом! Сдала документы?

– Да, сдала... Пойдём.

– Там твой Олег уже извёлся! У него машина через 3 часа подъедет, а ты где-то ходишь!!!

– Ох, какая забота о моей личной жизни... Успеем ещё. Ты посмотри, какой снег...

– А кстати, вы с Олегом сейчас к тебе пойдёте? Машина туда подъедет.

– Ну ты добрая, Татьяна!!! Хоть дай перекусить!

– Давай быстрее! Олег уже всё с ресторана привёз. Везёт же тебе с мужиками...

– Ну-ну, пошли...

Странно. Я никак не могу оторвать свой взгляд от окна. Чего мне дался этот снег?

Олег. Он добрый, надёжный и женатый. Я – замужем и очень устала от всего, что творится в моей жизни. Сладкая парочка. Обычный студенческий роман, который движется к финалу – такому же колючему и холодному, как снег за окном.

Наскоро перекусив и поздравив всех, мы с Олегом уезжаем ко мне. Всё предсказуемо.

Обычный прощальный вечер. Мы слишком привыкли друг к другу, и от этого было ещё больнее. Может, это любовь, но мы никогда себе в этом не признаемся – так спокойно.

Уже завтра всё изменится. Но это будет завтра, а сейчас у нас есть сегодня, и Олег не из тех, кто это упустит.

Время неумолимо, и вот он – час прощания.

– Я приеду к тебе на «Малый Совет...» – сказал мне Олег и закрыл дверь машины, которая тут же тронулась и быстро скрылась в ночи. Вот и всё. У меня остался только этот снег.

А он всё падал и падал, пытаясь навсегда засыпать следы уехавшей машины Олега и вычеркнуть его из моей судьбы.

В этом было что-то символичное.

Зимний вечер с пургой и туманом,

Радость встречи и горечь потерь –

Всё сплелось в этот памятный вечер.

Я всё помню – пойми и поверь,

Почему так всё вышло – не знаю.

Почему... Ты ответь себе сам.

Я за слабость себя презираю,
За порыв, что не властен словам.
Всё как бред, а чего мы хотели...
Если б знали, то всё бы сбылось.
Ах, во всем виноваты метели!
И желание согреться... до слёз.

Возвращение в родные пенаты
Ну что... Надо жить дальше.
«Депресняк» свой преодолевая,
Я смотрю на розовый рассвет.
Раз уж не видать ворот мне рая,
Буду жить... Пути другого нет...

Люблю писать стишки. Ну стихи стихами, а поезд ждать не будет. Из персонального транспорта – только трамвай. Так что вперёд – труба зовёт!!!

Вот он – перрон, поезд № 199, вагон 10, место 13. Всё как обычно. Восемнадцать часов в пути – и я дома. Только что считать своим домом? После очередной командировки в гористые районы я угодила в госпиталь, и трудно было сказать, что со мной будет...

Мой любимый муж, узнав это, перевёз мои вещи к моим родителям... Вот она, любовь...

Помню, как меня привезли на автобусе к дому матери, и мой брат взял меня на руки и унёс в квартиру. Это маленькая квартирка на втором этаже. Здесь я выросла и ушла от-

сюда...

Купила квартиру в чистом районе города, где мы и жили с моим мужем. Он хороший человек, но слишком любвеобильный для того, чтобы быть верным. Жаль, что я это узнала слишком поздно. Так что сейчас я приеду в квартиру матери и потом позвоню ему по телефону. За окном всё та же зима и снег – холодный и колючий, как мои мысли. Они кружатся и складываются в замысловатые узоры – такие же колючие и холодные, как и сами снежинки. И стихи... Снова стихи в голове. Они тоже как снежинки – колючие и холодные...

О, жизнь, ты воплощение зла и страсти,
любви и муки...

Какой бы ты с другим была,
коль были б мы с тобой в разлуке?

Каким бы призраком идей
затмила ты и ум, и разум?

Чем осветила б тьму ночей
и солнца свет затмила разом?

В какой поток вина и лжи
ты б бросила того – другого?

И сколько дней дала бы жить
до погребения рокового?

О, жизнь, ты не взыщи за стих...

Я не ищу себе пощады.

Хочу лишь, чтоб огонь утих

в душе пылающей с досады.

Стук колёс располагает к размышлению, и время проходит быстро...

Вот моя деревня, вот мой дом родной...

Мама, мой ангел-хранитель, встречает меня на перроне. Сколько тепла и любви в её взгляде. И снег уже не кажется таким холодным, и вовсе он не колючий, а очень даже пушистый, как пуховый платок моей мамы. Мы шли и просто болтали. Снег искрился и ласково кружил вокруг нас. Он, как в детстве, играл со мной в пятнашки, пытаюсь усесться мне прямо на нос.

– Мам, смотри – снегирь. Смотри, как он радуется снегу. О... Вот послушай:

Был снегопад. Снегирь ему был рад.

Он радостно парил над перелеском

Окрестных сел дымок и купол с блеском,

И луг и ель – накрыл всё снегопад...

Снегирь вкушал всю красоту зимы,

Что выбелила и дома, и веси.

Бесхитростно, по-детски веселясь,

Парил свободный в белом поднебесье.

Был снегопад. Снегирь ему был рад.

Земля сменила серый свой наряд.

– Поэтесса ты моя. Здорово у тебя получается. Запиши обязательно. Кстати, завтра идём увольняться с твоей «звёздной» работы. Ты мне обещала! Врачи сказали тебе –

если не хочешь умереть в полёте, то увольняйся.

– Мам...

– Ты обещала! Хватит героизмствовать. У тебя третий ДАН по КАРАТЭ – можешь тренировать. Сейчас вроде за это не сажают. Да и люди к тебе ходят – кто сглаз снять, кто спину поправить... Как-нибудь проживём. У меня пенсия есть, у отца – тоже. Да, бабушка ни дня не работала на государство и не умерла с голоду. А ты... Получаешь меньше, чем люди тебе за лечение дают... Да и у тебя скоро окончание учёбы в Москве, в твоей магической академии – может, тебе там работу предложат. А кстати, у тебя же письмо рекомендательное от академии. Ты будешь писать кандидатскую депортацию – может, тебя в администрацию города возьмут... Надо пытаться. Под лежачий камень вода не течёт!!!

– Ладно, ладно – уговорила! Какое небо...

Снег устал падать и взял тайм-аут. Он лежал и блестел. Безразличный к нашим дебатам.

Он просто любовался своим творением и собой. А небо – голубое и тихое. Вот оно-то нас слушало – по крайней мере мне так показалось... Оно не казалось мне безразличным, в отличие от снега, и мне каким-то странным образом пришли на ум строки:

Любуюсь я, как тают облака.

Меня влечёт лазурное течение.

О, небо, как судьба моя горька!

Так дай мне свое благословение!

Дай силы не сбежать!
Всё выдержать, постичь!
Все грани бытия увидеть дай мне!
Дай силы мне на свете этом жить,
И не прервать своё дыхание!
Да... То ли ещё будет, ой-ой-ой.

Здравствуй и прощай

Весь вечер мы проговорили с мамой. Она заставила меня написать рапорт на увольнение ещё дома. Утром мы поехали в отдел. Я вошла в отдел кадров и тут же услышала:

– Привет! Твои погоны пришли. Когда обмывать будем?

– Вот уволюсь и проставлюсь сразу за всё.

– Как уволишься? У тебя командировка на следующий месяц запланирована!

– Я ещё на больничном... Какая командировка? Всё. Вот рапорт... подписывайте.

– Ты...

– Я никуда не поеду.

– Тогда иди к начальнику. Думаешь, твой диплом тебя прокормит? Да ты через неделю прибежишь обратно. Нет, подписывать не буду! Вот съездишь в командировку, а потом посмотрим.

Не подпишу!!!

– Ладно!

Я поднимаюсь по родной лестнице на второй этаж. На-

чальник – у себя. После непродолжительного разговора и рассказа о моём будущем подписал.

И вот она, свобода!!! Я заехала в ГУВД, подписала, что положено, – и в путь.

Теперь я без работы! Ну ясное дело, что деньги я заработать могу, но надо официально работать, положено вроде так. Меня слегка покачивает от всех сегодняшних визитов, рана даёт о себе знать – опять температура... Ладно, надо ещё в администрацию города съездить, рекомендательное письмо показать, а вдруг предложат работу... Маму я отправила домой, а сама направилась в администрацию. Пока ехала в трамвае, наконец-то удалось рассмотреть погоду за окном. Серый день – небо серое, снег серый. Никакого лоска. Вот и здание администрации города – такое же серое, как погода. Ну да ладно – «вперед и с песней»! Смелость города берёт, а тут только администрация города.

Поднимаюсь на пятый этаж, показываю рекомендательное письмо одной доброй женщине из отдела кадров. Она, прочитав его и рассказав, сколько нас таких здесь ходит, ласково отправляет меня... домой. Примерно этого я и ожидала, но мой научный руководитель сказал, что сейчас мэром стал его выпускник, и в случае отказа в отделе кадров обратиться к нему. Меня готовили к общению с аппаратом власти заранее. Иван Васильевич, мой руководитель проекта, сказал, чтоб я пошла на приём к мэру и передала от него привет. Дальше мне надо рассказать о своих исследованиях и попро-

сдать разрешения продолжить их в администрации. Мониторить социально-психологический климат в коллективе – это сейчас модно. И мне надо убедить, что это я могу сделать.

Итак, получив отказ, я напрямёхонько направилась в приёмную мэра города. Его, конечно, ждало очень много людей, но это не проблема. Проблема была в другом – как объяснить секретарю, что я, собственно, хочу. А... скажу, что хочу передать привет из академии от Ивана Васильевича, а там посмотрим. Секретарь резко выделялась из всех присутствующих в приёмной. Подтянутая, ухоженная и уверенная в себе женщина средних лет. Во всём чувствовалась выучка определённого ведомства – профессионал в стиле милитари. Как ни странно, она первая, кто протянул мне руку помощи. Именно она научила меня, как обойти всех страждущих в приёмной и попасть прямо на мэра. Когда он вышел из кабинета и собирался уходить, она остановила его и представила меня. Он посмотрел и сказал: «Пойдёмте! Поговорим на ходу, если хотите».

Я передала все приветы и коротко изложила суть проблемы. Он осмотрел меня с ног до головы. Да... явно на Венеру Милосскую я не тяну, ну не за этим я сюда пришла.

– Приходите завтра в 7:30 утра, там и поговорим.

Отлично!!! Вот это день! Устала, как три собаки, но результат того стоит.

Я мчалась домой и свято верила, что Бог на моей стороне. Фонари освещали мне путь, и под этим светом снег пытался

искриться и соответствовать моменту. Сегодня мне так долго и много говорили, что у меня не получится. А нет, граждане, Бог на моей стороне!!!

Человек! Как же запутана может быть твоя жизнь! Пожалуй, так будет правильно:

Что в жизни видит человек?

Победы, встречи, расставанья.

Просты – как первородный грех.

Сложны – как муки мироздания.

Мы погибаем в суете,

Попав в капкан чужих мечтаний.

Блуждаем где-то в пустоте,

В потоке лживых обещаний.

Мы позабыли чудеса

И Бога в сердце не впускаем.

Помолимся – когда гроза...

И тут же чёрта призываем.

Но наше «солнечное Я»

Все ж к благородному стремится

Душа вдруг «встанет на крыло»

И в даль небесную умчится.

Приду, надо будет записать.

Да, странный сегодня день. Я где-то видела этого мэра...

Где?.. Надо вспомнить, как его зовут... Борис Михайлович!

Точно, не забыть бы.

Я открыла дверь своей квартиры и с порога, раздеваясь,

начала рассказывать маме всё, чего удалось добиться сегодня. На душе было радостно, как на Рождество. Да, скоро Рождество, и это здорово. Мама накормила меня сразу и обедом, и ужином, потом вколола мне уколы – и в люлю... Завтра – ответственный день. Ну а перед сном я все же поделилась своим сомнением с мамой:

– Мам, я где-то видела этого мэра. Ты что-нибудь знаешь о нём? Я точно знаю, я его видела, но вот где?

– Может, он на Олега твоего похож?

– Не... Абсолютная противоположность. Он обычный, но вот его глаза... Глаза у него необычные – это точно! Ну да ладно – утро вечера мудренее.

Усталость брала верх над моим телом и сознанием, и я заснула.

Сон мой был беспокойным. Мелькали эпизоды службы, учёбы в академии. Всё это перемешивалось и создавало ощущение круговорота. Но вдруг всё кончилось. Я как будто в какой-то комнате. Это явно деревенский дом. Нет, он не в деревне, он в городе.

Пожилая женщина смотрит на меня. Она укрыта полумраком этой комнаты, и я вижу только её лицо. Лицо женщины, познавшей жизнь, – мудрое и усталое. И эти удивительные глаза... Она была подвязана платком – белый платок с красными цветами.

Её когда-то голубые глаза смотрели на меня. Я часто вижу ушедших в мир иной. Они приходят, чтобы что-то сказать.

Эта женщина явно из этой категории посетителей.

Она, казалось, решала, говорить ли со мной. И всё же решила заговорить.

– Помоги ему – моему сыну.

– Кто он?

– Ты встретила с ним сегодня. Его зовут Борис.

– Он в опасности?

– Да!

– Он виноват в этом?

– Нет. Он хочет жить лучше. У него много врагов.

– Почему я?

– Ты сможешь.

– Хорошо, я обещаю.

Всё исчезло, как будто и не было вовсе. Звонил будильник.

Этот сон озадачил меня. Эти общения – мой крест. Это дар, который передаётся из поколения в поколение.

Да... Мать всегда остаётся с нами... Даже если уходит в мир иной. И молится за нас, грешных... Молитва матери...

Молитва Матери всегда тебя спасает.

С её молитвы – Бог благословляет.

Лишь Мать любым ребёнком принимает...

Лишь Мать твои слезинки утирает...

Лишь Мать любовью душу насыщает...

И наши все грехи в себя вбирает...

Хорошо. Пора выходить. Опоздывать как-то неприлично.

Снегопад

Пора, красавица, проснись... Ещё не расцвело, и я иду по освещённой дороге на трамвай. Снег хрустит под ногами, и этот хруст действует на меня убаюкивающе. Морозно, и воздух лёгкий и чистый. Какое хорошее время года – Зима. Как добросовестная хозяйка, она застелила всю землю белоснежным покрывалом, укутала серость веток инеем, и от этого мир стал уютным и сказочно-блестящим. Красиво, но мороз – этот парень не даст тебе расслабиться. Я ускоряю ход – уж очень морозно. В администрацию я приехала за 15 минут до назначенного времени. В приёмной была только секретарь. Мы с ней познакомились. Лариса Ивановна – приятная в общении и предупредительная. Она предложила мне горячий чай, что было очень кстати, и я, обмениваясь общими фразами, любовалась красотами зимы уже из окна тёплой приёмной. И так бы могло продолжаться ещё какое-то время, но вошёл Борис Михайлович.

– Доброе утро! Проходите, а то сейчас народ набежит, и нам не дадут поговорить.

Заходя в кабинет, я увидела, как приёмная начала наполняться посетителями.

– Ну, рассказывайте. Что за исследования вы проводите и какая помощь нужна от нас?

Я объяснила и показала реферат с основными тезисами и гипотезами, которые мы собирались доказать. Говорю и думаю: наверное, скажет сейчас, что подумает, и всё, пиши

пропало...

Но он не торопится отказаться от помощи. Задаёт разумные вопросы, и вроде ему действительно становится интересно. Поговорив так ещё минут 15, он вызвал своего заместителя и поручил ему обеспечить мне содействие в моём исследовании.

– Мне необходимо изучить ваш режим работы, Борис Михайлович. Сделать хронометраж рабочего дня и посмотреть, правильно ли распределена нагрузка.

– Хорошо. Только Вам придётся рано вставать и поздно ложиться. Вы готовы?

Я сейчас уезжаю. Вас подвести? Где вы живёте? Сегодня морозно.

– Было бы здорово, а то я продрогла сегодня утром. В трамваях не очень согреешься.

– Тогда поехали, а завтра с утра начнём ваши исследования.

Мы вышли из кабинета и спустились на лифте на первый этаж. Там, у крыльца, стояла белая «Волга». Это, конечно, лучше, чем трамвай. По странному стечению обстоятельств Борис Михайлович ехал на завод, который был рядом с местом моего жительства.

Когда мы сели в машину, он спросил:

– Ну рассказывайте, чем занимаетесь, кроме социально-психологических исследований?

– Я... вот закончила академию и пытаюсь писать диссер-

тацию...

– Это понятно. Вы здесь родились или к нам приехали в гости?

– А-а, вы про это... Да, это мой город, моя родина. Здесь я выросла и работала...

– А где работали?

– В милиции начальником следственно-оперативной группы. Занимаюсь карате. Имею чёрный пояс. Не пью, не курю.

– Серьёзная вы дама... Чёрный пояс...

– Да. Я профессиональный телохранитель. Так что обращайтесь...

Улыбка проскользнула по его лицу. Она проскользнула, а вот глаза продолжали улыбаться. Видно было, что его занимает эта беседа.

– Ну, что ж, тогда я, пожалуй, прибегну к вашим услугам. Женщины обычно очень хорошие телохранители. Вы не против?

– Что не сделаешь для хорошего человека! Тем более что я сейчас без работы.

– Да... Пока на работу я вас взять не смогу – горсовет утвердил штатное расписание, но мы что-нибудь придумаем. Это ваш дом?

– Да. Спасибо за приятную беседу. А вот и моя мамочка идёт.

– А у меня вот уже нет мамочки...

– Жаль... Это очень тяжело, наверное...

– Завтра в 7:15 машина приедет за вами сюда. Начнём.

– Спасибо. До завтра.

Я закрыла дверь машины. Она тронулась и скрылась из виду, укрываемая снегопадом, который решил обновить снежный покров и запорошить все следы моей прошлой жизни. Он кружил и старательно засыпал всё своими белыми и пушистыми хлопьями. Засыпал дома, дорогу, по которой только что уехала машина, тропинку, по которой шла моя мама, деревья, лавочки – всё. И жизнь, новая жизнь, казалось, начнётся с этого чистого, белого, искрящегося листа.

Но нет... Я подождала маму, которую тоже хорошенько припорошил снегопад. Она шла и улыбалась:

– Как дела? Это кто тебя подвёз?

– Борис Михалыч... Он на завод ехал и меня подбросил до дома. Знаешь, нормальный человек... Завтра начинаю исследования в администрации.

– Твой супруг приходил. Марина Болиславна приехала... И он сказал, что ты в командировке, и в субботу приедешь. Она встретиться хочет, да и Рождество... Очень сокрушался «твой», что так всё у вас... Хочет, чтобы ты вернулась.

– Ну да, ну да... Ладно, в субботу – значит в субботу...

И я вдруг подумала: вот снег, засыпает всё... А что там, под снегом?.. Хорошо бы, чтобы он посильнее засыпал всё, чтобы можно было писать на этом чистом, белом листе что-то новое и хорошее... И чтобы он, не дай бог, не продыря-

вился и не обнажил то, что должно быть покрыто, запорошено и забыто...

– Мам, я сегодня у Иринки переночую, ладно?

– Ладно... Привет Иринке...

Вот засада... За мной утром машина сюда приедет. А ладно, вернусь поздно, но сегодня.

Я забежала домой, поела и отправилась к Иринке. Стоит ли объяснять, что молодой организм требует поддержания его в тонусе. Моя личная жизнь была прозаична, как больничный лист. Муж – как диагноз и друг, как лекарство. С ним мы уже очень давно.

Когда мой муж оставил меня на попечение матери, то я, погоревав немного, рассудила как психолог – надо завести мужчину для поддержания нормального физического и эмоционального состояния. В этом не было больших проблем, потому что он всегда был рядом. Миша уже бросил попытки уговорить меня выйти за него замуж и довольствовался тем, что есть...

Вот так и встречались мы с ним – три раза в неделю – как по расписанию. Не было никакого обмана – он всё знал и принимал. Холодная правда жизни. Сверху – всё белое и пушистое, а внутри – холодное и колючее. Лучше жить и принимать всё как есть...

Зачем казнить и рыдать,
Ведь ты любви не изменяла.
Красавец – это лишь игра.

Тебе ж тепла не доставало...

Что из того? Ты отдалась...

Ведь он владел твоим лишь телом.

Ты телом с ним – душой с другим.

Любви же страсть с другим кипела.

Красавец – только инструмент,

Он подвернулся на момент...

И вот сегодня этот момент в укороченном варианте... Миша поймёт, он хороший...

Миша, Олег, муженёк мой, – столько мужиков вокруг, а я одна... Как трамваи – один ушёл, другой пришёл. Белые и пушистые, как этот снег... Белые и пушистые, да вот только не согреться с ними, не согреться. А снег всё шёл и шёл. Казалось, он отгораживал стеной меня от моей жизни. Хотелось опереться об эту стену, заслониться от всего, от своих мыслей, от своей жизни. Заслониться и начать чистую и светлую жизнь – с чистого листа... Но нет... Стена снегопада хрупка и иллюзорна, а его чистый лист – тонкий и ненадёжный. «Всё проходит, и это пройдёт» – вот то, что надо помнить, чтобы не замерзнуть в этом холодном, белоснежно-пушистом вальсе на балу у жизни.

«Всё проходит» – написано на моём кольце, которое мне подарили в Тибетском клубе.

Я часто кручу его на пальце, чтоб ненароком не завертеться в этом белом, снежном вальсе и не забыть, что всё проходит.

Белое и чёрное

К утру снегопад ослабел, и всё вокруг выглядело новым, свежим и накрахмаленным.

Машина подъехала ровно в 7:15. Я быстро вышла из подъезда и села в машину, стараясь как можно тише закрыть дверь.

– Доброе утро, Ольга! Меня зовут Пётр. Сейчас за шефом поедем.

– Очень приятно, Пётр! Утро сегодня действительно доброе.

Мы покатали по дороге, оставляя след на свежесвыпавшем снегу. Когда мы подъехали к дому Бориса Михайловича, снег уже окончательно закончил свою работу. Было тихо и приятно. Мороз несильно усердствовал, кажется, даже он хотел, чтобы это утро было действительно добрым. Открылась дверь машины, и Борис Михайлович появился в машине.

– Доброе утро! Как настроение?

– Доброе утро! Настроение замечательное. Природа сделала всё, чтобы утро было добрым и свежим.

– Да... Да Вы романтик, Ольга! Ещё и стихи, наверное, пишете?

– Иногда... Просто люблю природу.

На меня почти в упор смотрели его голубые, похожие на небо в апреле, глаза. Он явно оценивал меня по какой-то,

только ему ведомой шкале. Я не люблю смотреть в глаза, но эти глаза меня не отталкивали, если не сказать наоборот. Я люблю смотреть на небо, и вот оно – в этих глазах. Ох, надо быть осторожнее...

– А Вы замужем?

– Почти... Так что целиком могу отдаться работе.

– Как это почти?

– Так бывает. А какой у Вас сегодня распорядок? Я бы хотела присутствовать на совещаниях и приёме, если это возможно.

– Да, конечно, я и сам собирался представить Вас коллективу. Познакомитесь, осмотритесь.

– Огромное спасибо Вам за всё!

– Пока не за что. Но я надеюсь, Вы, Ольга, будете мне хорошим помощником и телохранителем.

Его глаза снова улыбались.

– Я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы было так.

– Всё???

– Борис Михайлович, давайте договоримся сразу... Я видела много дам у Вас в приёмной, и все они жаждут Вашего внимания. Я сделаю всё для Вашего благополучия и безопасности, а они... всё остальное. Так будет лучше для всех.

– Возможно, Вы правы. А что, так много дам, Вы считаете, жаждут моего внимания?

– Много... Очень пристального внимания и тесного общения – это я как доктор Вам говорю.

Да и не стоит сильно разочаровывать женский электропат...

– У Вас мужской ум, Ольга. Я поражён.

Мы въехали во двор администрации. Небольшая группа посетителей уже ждала на первом этаже. Меня это напрягло, так как это реальная угроза неконтролируемого допуска к телу, которое ты охраняешь. Стало ясно, что всё будет непросто.

Мы поднялись в приёмную и сразу прошли в кабинет, оставляя просителей в приёмной.

Борис Михайлович заметил мое смятение и, улыбаясь, спросил:

– Ну и как, Ольга, Вы собираетесь меня охранять?

– Кроме физических способов охраны существуют ещё и астральные, ментальные и информационные. Вот на этом и сконцентрируемся. Можно проверить, насколько Вы уязвимы, есть ли повреждения в полях. Далее я предлагаю перед обедом массаж, потом обед и чай. Это сможет помочь избежать или вовремя скорректировать повреждение Ваших энергетических полей. Мое присутствие на совещаниях и приёмах нужно для того, чтобы я вовремя могла нейтрализовать атаки. Никто ничего не заметит – я просто буду сидеть и писать или слушать. Ничего необычного.

– Откуда Вы всё это знаете и где научились? Это очень интересный подход, особенно массаж мне нравится.

– Ну вот и прекрасно. Я учусь в Москве – в Академии

психоанализа и гипноза, и ещё учусь в Тибетском клубе астральному КАРАТЕ... Так что Вы в надёжных руках...

– Сегодня перед обедом Вы мне расскажете побольше об этом, а сейчас пойдём знакомиться с коллективом.

Мы вышли из комнаты для отдыха, я села за стол, который был приставлен к большому столу для совещаний. Борис Михайлович попросил секретаря пригласить всех на совещание, и уже через пять минут кабинет был полон начальниками всех отделов и департаментов. Меня представили, объяснили, что я буду изучать и как мне надо помогать. Дальше совещание пошло своим чередом. Из всего многообразия подчинённых мой мозг выхватил трёх человек – двух женщин и одного мужчину. Они опасны. Каждый стремился приблизиться, но это не страшно, а вот цели и способы – вот это напрягало. Их любовь и дружба за показным лоском и мягкостью скрывали ненависть и зависть. Они готовы были задушить его в своих холодных объятиях для достижения поставленных целей. Были ещё несколько человек, которые хотели поехать на нём, но они не смущали меня. Я попробовала энергетически воздействовать на этих трёх – далось. Открыты, читаются элементарно. Ну и хорошо. Одна из этих двух женщин занимается чёрной магией и, кажется, РЕЙКИ, а другая прибегает к помощи бабки. Весело. Да и немудрено – «раздевай и властвуй»... Ну только он не из таких. Нет, он, конечно, мужчина, но чётко знающий, что ему надо, а чего не нужно. Он сможет играть с этими барышнями, но они

устанут, и тогда в ход пойдёт «тяжёлая артиллерия» – это мы проходили... Главное, всё проверить – время есть, игра только начинается. С мужчиной хуже. Там ненависть. Борис Михайлович мешает ему в каких-то аферах, и там уже зреет заговор, и, возможно, даже очень скоро мы это увидим. Ох и тяжёлая эта вещь – политика.

На войне всё просто – там враг, здесь друг, если не ты, то тебя... А здесь... Всё как будто запорошено свежим снегом – белым и пушистым, блестящим, манящим своей прохладой и мягкостью. Так и хочется распластаться на нём, влиться, соединиться с этим белым снежным ковром и дышать и наслаждаться свежестью... Ну попробуй, соблазнись, и ты пропал. Под белым и пушистым снегом – острые и жаждущие крови ножи, которые притаились под этим лоском и терпеливо ждут своего часа.

Совещание было долгим, и это было для меня подарком судьбы. Я успела «прощупать» всех, кто представлял интерес. Двум интересующим меня дамам я попыталась дать посыл на дружбу, и одна из них, блондинка, кажется, приняла его. Вторая была брюнеткой. Она свято верила в свои магические способности, и мой посыл рассыпался об её игнор. Обе они, кстати, восприняли меня как соперницу. Блондинка, перекрываясь дружбой, попытается выведать у меня всё, что её интересует. Ну это мы пожалуйста.

С брюнеткой хуже – она постарается сжить меня со своего пути, используя весь арсенал, который у неё есть. Ну что

ж, устроим астральный спарринг. Известно, что лучшая защита – нападение. Пусть у нее сегодня поболит голова, а я пока подружу с «блондинкой». Пока я разбиралась, что да как, совещание медленно, но верно близилось к концу. Это меня радовало, так как я уже хотела отдохнуть, да и «брюнетка» могла чего-нибудь вытворить, а это было нежелательно... После совещания «брюнетка» попросила разрешения у Бориса Михайловича, чтобы уехать домой. Она так при этом пускала в ход свои девичьи чары, что трудно было остаться равнодушным к её просьбе. Молодец, что тут скажешь.

– Ну что, война войной, а обед по расписанию...

– По расписанию у нас массаж, если Вы не возражаете...

– Тогда массаж... а Вы, Ольга, сами научились?

– Научилась сама, а учили другие. Рубашечку снимайте, ложитесь, я Вас не обижу. Кстати, можно называть меня на ты, когда нет «свиты» и посторонних?

– Можно.

– Если у Вас будут неприятные ощущения или дискомфорт, то скажите мне. А теперь постарайтесь расслабиться и закрыть глаза. Сеанс, я думаю, займёт минут 30, так что можете даже вздремнуть... Ну, Господи, благослови...

Я заметила ещё на совещании, что у него побаливает спина и голова. Начнём с этого. Нехитрые пасы и надавливания, энергетический обмен – вот что нужно для нашего случая. Я массажировала его сильное и хорошо сложенное тело, хоть и не лишённое нескольких лишних килограммов. Эти кило-

граммы его не портили, но могли сказаться на его здоровье. Да... Сколько бы отдали страждущие этого тела барышни за то, чтобы вот так массажировать и поглаживать. Я невольно улыбнулась этой мысли.

– Ольга, ты абсолютно точно знаешь, что мне нравится и что мне надо. Ты так чувствуешь моё тело – это поразительно...

– Я чувствую его, так же как свое – это нормально. А Вы пишете стихи? Когда Вы говорите, то в Ваших словах есть мелодия. Это встречается только у хороших поэтов...

– Да, пишу, только времени не хватает на всё. Мне очень нравится твой массаж.

– Вот и хорошо – значит, на пользу. Как минимум позитивной энергией Вы зарядились, а теперь и пообедать пора!

– Это точно... Идём?

Мы вышли и направились обедать. Наше появление не могло не вызвать внимания у окружающих, и с этим надо было смириться и принять как должное. Мы пообедали и снова пустились в пучину политических и житейских страстей. Приёмная весь день была наполнена народом, и я добросовестно вела учёт и мониторила время приёмов. День давно погас и вечер вступил в свои права, когда приёмная наконец опустела.

– Ну, как работа? Устала?

– Есть немного... А Вы себя не любите... Почему все к Вам идут, что замы не справляются? Это расточительно по

отношению к своему организму. Я понимаю, любовь народная, но дозировать её надо, а то на всех не хватит.

– Да... сейчас время такое, надо самому разбираться, а то знаешь, чего натворят эти «замы» за моей спиной...

Я вижу, как его глаза – эти кусочки неба, излучают усталость. Их цвет стал похож на знойное июльское небо, которое устало от палящего солнца...

– Как насчёт лёгкого массажа и чашки чая?

– Ох и балуешь ты меня.. Да я только за...

Он распластался на диванчике. Я сразу заметила, что мышцы спины были очень напряжены – перенапряжение. Я слегка изменила тактику массажа, но он от этого не стал более неприятным.

– Я бы хотела посмотреть и сжечь на свече негатив вокруг Вас. Вы не против?

– Это магия?

– Нет. Это молитва – Псалом 90 «Живый в помощи». Вы, наверное, слышали о таком?

– Нет. Я только «Отче наш» знаю, но в Бога верю и к магии отношусь негативно.

– Я тоже не очень люблю магов-самоучек. Они бесконтрольно используют силу, которая в конечном счёте губит и их, и тех, против кого они это делают. Кстати, в Вашем окружении есть такая дама.

– Да... Это кто? Откуда ты знаешь?

– Я, что, зря сижу на ваших совещаниях? Вычислила. Зав-

тра покажу.

– Какие у тебя чуткие руки...

Он обнял и смотрел на меня своими небесными, с поволокой глазами. Обычная «проверка на прочность»... Голубые глаза хороши, да только мне полюбились карие...

– Борис Михайлович, давайте пить чай... Это просто усталость...

– Тебе виднее... Давай.

– Я к Вам очень хорошо отношусь, но лучше не усложнять.

Я говорила это и чувствовала, что мне нужен «спасательный круг», чтобы не утонуть в этой небесной синеве глаз, которые смотрели на меня. Ох, опасный он какой... Чур меня, чур.

– Ладно. А ты можешь прочитать свои стихи? Мне интересно...

– Я просто пишу, как получается, как дышу. Поэтому не судите строго. Вот я недавно написала – называется «Снегопад».

Снегопадом белым улицу скрывает

И следы свиданий наших замечает.

Ледяной пургою к нам разлука мчится,

Белой пеленою к нам в сердца стучится.

А душа, как птица, бьётся в клетке страсти,

В кровь изранив крылья об сколки счастья.

К облакам желаний эта птица рвётся,

В мир любви и счастья, что мечтой зовётся.
Обними за плечи, отогрей губами,
В этот зимний вечер мы решим всё сами.
Растопи любовью ледяную стужу,
Ты такой желанный, мне другой не нужен.
Пусть душа как птица бьётся в клетке страсти,
В кровь изранив крылья об сколки счастья.
К облакам желаний пусть та птица рвётся,
В мир любви и счастья, что мечтой зовётся.
Тишина...

– И что, услышал тот, кому это адресовано? Растопил? В целом неплохо, но надо подработать немного...

– А некому слушать – это так, в пустоту написано. Просто настроение и ничего больше.

Ну что – по домам?

– Да пора уже. Тебя, наверное, муж заждался...

– Мы отдельно живём сейчас. И, наверное, уже не будем вместе. Я могу простить многое, но не предательство.

– Ну ладненько, поехали, а то Пётр уже заждался, наверное.

Мы вышли во двор. Снегопад как будто подслушивал и перерастал в метель. Позёмка стелилась по дороге и пыталась замести следы, но, увы, следы слишком глубокие. Они как раны на душе. Надо долго, долго мести и кружить этой метели, чтобы лишь сгладить эти следы, только сгладить, а рубец всё же останется. Когда мы ехали в машине, то разго-

варивали на всякие дежурные темы. На самом деле мы были каждый в каких-то своих мыслях. Они, как метель за окном, пытались сгладить следы на наших душах, которые оставила жизнь.

Рабочие моменты

На следующее утро машина подъехала, как и обещано, в 7:15. Утро было морозным. Мороз решил доказать, что именно он, а не снег, является хозяином зимы. И у него это получалось. Казалось, даже воздух замёрз от этого противостояния. Деревья покрылись инеем, похожим на иглы. Уют и очарование куда-то испарились, и воцарился холод. Холод во всём и везде. Природа, казалось, вытянулась «в струнку» и звенела под натиском ожесточённого и обозлённого чем-то мороза. Разговаривать не хотелось. Холод проник даже в душу и пытался безраздельно властвовать ею. Мы с Петром обменялись приветствиями и покатили за шефом. Казалось, машина не ехала, а разрезала это ледяное безмолвие. Она была островком тепла и уюта в этой холодной действительности. Мы подъехали к дому Бориса Михайловича, и он, подобно птице, впорхнул в машину.

– Морозно сегодня! Как настроение?

– Даааа... Настроение рабочее – слегка подмороженное.

– Это мы сейчас исправим. Я думаю, что мне удастся ввести тебя в штат администрации на должность моего помощника. Наверное, денег-то не хватает для хорошей жизни?

– Отличная новость, это как раз кстати. Вы прямо как Дед

Мороз желания угадываете.

Я, конечно, могу зарабатывать – люди ко мне ходят лечиться, но хотелось бы не отвлекаться от Вашего благополучия. Вокруг Вас слишком много всего, от чего стоило бы отгородиться.

– Значит, так и решили. Зайдёшь сегодня в отдел кадров и в орготдел и подпишешь все необходимые документы. Надо успеть до нового горсовета весь комплект документов подготовить. У нас сегодня приём граждан – день будет долгим.

– Замечательно. Для меня чем больше работы, тем лучше.

– От чего бежим?

– От себя...

– Тяжёлая задача... Сегодня тебе дадут кабинет – можешь обустроиваться там. Но это для приёма граждан и работников администрации, а основное твое место – рядом со мной. Я правильно рассуждаю?

– Абсолютно.

– Может, расскажешь, от чего бежишь?..

– Может, и расскажу, но не сейчас. А сейчас – горячий чай, легкий тонизирующий массаж и работа.

Его голубые, небесно-тёплые глаза смотрели на меня. Я смотрела в них и, кажется, согревалась. Было тепло и уютно. Лед, который покрыл мою душу, потихоньку начинал таять. Это ощущение было приятным и настораживало одновременно. Мы вышли из машины и юркнули в здание администрации. В приёмной уже был народ. Мы наскоро выпи-

ли чай, и я занялась массажем. Это был массаж лишь отчасти. Скорее, я формировала некое энергетическое поле вокруг шефа, для того чтобы уберечь его от негативного воздействия. На лирику времени не было, и я, окончив свою работу и прочтя заградительную молитву, сказала, что мы можем идти. Казалось, Борис Михайлович относился ко всем моим манипуляциям скорее снисходительно, чем серьёзно. Это, впрочем, не важно – важен результат. Сегодня придётся принять большое количество посетителей, а это уже серьёзно. Многие из них идут на «негативной волне» – болезни, горе, разочарование, мольбы и требования помочь. Этот груз не из лёгких и может свалить с ног кого угодно. Да, тяжела ты, шапка Мономаха! Странно, почему до сих пор не создали подразделение биоэнергетической защиты руководителей. Это необходимо!!! Обучать людей основам биоэнергетической защиты – это как обучать основам гигиены. Мы долго жили без Бога, и это наша беда... Когда-то всё это было. В каждом доме были иконы. Все ходили в церковь, молились и верили – вот главная защита. Сейчас всё иначе. Все образованные и легко объясняют промысел Божий с помощью научных терминов, а вот что было первым – курица или яйцо, сказать не могут... Умники... Мы уже давно не творим утренние, трапезные и вечерние молитвы. Мы не ходим в храм на службу, не венчаемся, а регистрируемся, заменили слово «союз» словом «брак»... Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт... Вот и вся жизнь наша – сплошной брак.

Ну да, надо жить этими реалиями и пожинать плоды. Там, где нет Бога, на его место приходит «лукавый» и царствует. Вот мне и придётся заниматься этим порождением «лукавого». Сегодня много посетителей с самого утра. Как на ладони видна мотивация их просьб. Они, кто-то в большей, а кто-то в меньшей степени, завидуют и тихо ненавидят власть. Это правда, но никто не скажет это открыто. А ведь тот, кто сидит перед ними – такой же, как они. На фоне всей этой «народной любви» я чувствую себя, как слон в посудной лавке. Как похожа эта «любовь» на сегодняшний мороз – колючая она какая-то.

Борис Михайлович обвыкся к своей роли и терпеливо, без надрыва, выслушивал и принимал управленческие, да и просто житейские решения. Казалось, всё шло легко и не причиняло ему никакого труда. Но это лишь казалось. Он всё пропускал через себя. Человек, который вырос в бедной семье и сам, только своим упорством и характером добился положения, которое сейчас занимает. Он прекрасно знает большинство тягот, которые ему сейчас рассказывают посетители, и прекрасно чувствует, когда ему начинают рассказывать «басни». За это его и не любят... Он принял 120 посетителей...

Это дикая нагрузка. Раньше я не предполагала, что так много людей можно принять за один день – оказывается, можно... Да что тут говорить – все устали и ждали конца этого действа. Люди устали от ожидания и напряжения, на-

чальники подразделений – от непривычного для них темпа работы и уровня нагрузки. И вот он, конец приёма. Мы вошли в кабинет шефа. Я попросила секретаря принести нам чай и закрыть приёмную.

Мы остались одни. Было такое чувство, что мы разгрузили состав с углём, и силы были на исходе.

– И что, Ольга, как денёк?

– Замечательный выдался денёк... А Вы отлично справляетесь с народом...

– Да, у меня опыт есть... Я на стройке начинал работать, а там хорошая школа...

– Да уж, мне мама рассказывала...

– Так от чего ты убегаешь?

– Вы хотите ещё и меня в качестве жалобщика?!! Ну уж нет!!! Займёмся-ка мы Вами...

Я зажгла свечу, которую припасла заранее. Встала за его спиной и начала читать «Живый в помощи». Свеча трещала и извивалась. Пришлось читать несколько раз, прежде чем она успокоилась и стала гореть ровно и бесшумно. Вот и хорошо.

– Справились, кажется, с негативом. Слышали, как свеча трещала?

– Это-то я слышал, а теперь что делать будем?

Его глаза явно выражали желание. И я лихорадочно думала, что с этим делать...

Он придвинул меня к себе... Пауза. Долгая, как мне по-

казалась. Я не торопилась с реакцией на его действия, а он не торопился действовать. Так мы и замерли. Каждый вычислял действия другого по какой-то своей, жизнью проверенной схеме. Я люблю ломать эти схемы, но решила ещё немного подождать с действием. Если бы на его месте был Олег, он бы не стал ждать – он бы действовал. Но это не Олег... Он теньше.

И это даёт шанс завершить всё без осложнений.

– Ох, Борис Михайлович, вот уволюсь от Вас, и тогда... Тогда – да, а сейчас... Давайте закончим все наши дела – и по домам. Вас уже заждались.

Он прошёл своей сильной рукой мне по плечу. В глаза друг другу мы больше не смотрели. Дружбы между мальчиком и девочкой не бывает – это так, но надо стремиться соответствовать. Не время сейчас романы крутить. Да... Наверное, думает обо мне, какая я холодная и колючая... Ох, знал бы он, чего мне стоит этот «холод».

Если бы он пошёл дальше, я бы не устояла, но он романтик и джентльмен, да ещё ранимый, как ребёнок... Он остановился. Значит, так и надо. Я человек практичный в этих отношениях, и, чтобы поправить свой эмоциональный фон, поеду к Мише. И всё будет под контролем.

Каждый сам выбирает свой путь

Вся эта ситуация с Борисом Михайловичем напрягала меня. Я ни в коем случае не хотела крутить с ним роман. Это против моих правил. Но я живой человек – я женщина... На-

до искать выход... Поразмыслив, я решила попробовать перевести это всё в игру. Лёгкий флирт и его не обидит, и меня от дальнейших осложнений освободит. Гениальная фраза, придуманная женщинами, – «мне нужно немного времени». Вот и попрошу – немного времени, чтоб разобраться...

Это сработало!!! Отношения наши не испортились, и сотрудничество не омрачалось обидами. Изо дня в день шла рутинная и тяжёлая работа. До того как начать исследования в муниципалитете, я думала, что самая сложная и грязная работа – в милиции. Как же я ошибалась... Поток, с которым приходилось справляться здесь, не шёл ни в какое сравнение. Да и к этому прибавлялись закулисные игры и подковерная возня.

Борис Михайлович – очень неудобный соперник, и этим раздражал бизнес-сообщество. Он не стремился продать всё и вся, пытался разобраться во всех тонкостях и умело затягивал, когда надо было отказать. Ни да и ни нет – это его лучшая защита. Мне многие коммерсанты жаловались на эту его методику, но это было оправданно. Торопись не спеши – это главное правило политика. Надо держать паузу, и он её держал. Он был похож на новогодний снег, которого все ждут, но он не торопится... И вот когда он всё-таки пойдёт, то ему радуется и стар, и млад. Всем он по сердцу – долгожданный. Но был наш шеф «долгожданным» не только для бизнес-сообщества, но и для светских дам и дамочек из сословия служащих. Я, конечно, со всеми была дружна и не раз утира-

ла слёзы дам от неразделённой любви и разбитых надежд. Я побывала у всех ворожей и гадалок, которые обслуживали этих дам. Работа у меня такая – всех понимать и успокаивать... Как я была довольна, что не поддалась очарованию этих голубых и всепоглощающих глаз. А дамочки сменяли друг друга, и работы с ними у меня было достаточно. За такой популярностью и моя персона стала волновать Бориса Михайловича намного меньше. Зачем возиться и добиваться, когда сами на грудь падают. Когда дамы слишком увлекались, я начинала присутствовать на всех их встречах и частных беседах – это помогало прекратить преследования. Вот так и жили.

Исследования мои проходили успешно, но мне необходимо было лететь в Москву. Там я планировала проконсультироваться по вопросам, которые накопились и требовали решения. И вот я собралась с духом и спросила у шефа разрешения вылететь в Москву.

– Я забыл тебе сказать, мы в среду вместе летим в Москву. Там будет совещание Союза российских городов, вот и поможешь мне и заодно свои дела сделаешь. Так что заказывай билеты и гостиницу.

– Будет сделано! А на сколько дней летим?

– На 3 дня. Успеешь свои дела закончить?

– Конечно! Я сейчас созвонюсь и назначу встречи.

– Это какие встречи ты назначишь? Рассказывай...

– Я должна зайти проконсультироваться в институт пси-

хоанализа и гипноза, потом посетить одно общественное объединение и заинтересовать их в исследованиях. Да, в общем-то, ничего сложного. Я ещё успею пройти тренинг в институте и, может, даже сдать экзамен – это как повезет. Если хотите, я познакомлю Вас с моим «учителем».

– Там посмотрим. А ты сможешь устроить, чтоб нас встретили и отвезли в гостиницу?

– Конечно, сейчас одному родственнику позвоню. У него скромный «Мерседес 600». Вас устроит?

– Устроит. Давай, дуй за билетами, а у меня встреча с дамой, и ты мне не понадобишься часа полтора. Она говорит, что очень хорошо делает массаж, и сегодня мне это продемонстрирует...

– Очень не рекомендую я Вам этого делать... Эта брюнеточка может здорово Вас попортить... Потом всю жизнь её вспоминать будете на больничной койке. Обещайте, что не станете делать массаж и не допустите её с манипуляциями до своего тела, это очень серьёзно...

– Ладно, иди за билетами. Поставь свою защиту и иди, а я сам с этой дамой разберусь...

Его глаза выказывали некую озабоченность услышанным, но его желание самовыражаться за счёт побед над этими светскими львицами брало верх. Это становилось опасно. Но делать нечего. Каждый кузнец своего счастья. Я поехала за билетами и постаралась поскорее вернуться обратно. На душе у меня было очень тревожно. Зайдя в свой кабинет, я по-

звонила своему «учителю» и договорилась о встрече. Я рассказала вкратце о визите этой «брюнетки» к шефу и своих опасениях.

«Учитель» сказал, что, скорее всего, она решит испортить его как мужчину – это так называемая привязка. Эту тему я знала хорошо – насмотрелась на мужчин, которые приходили на снятие порчи ко мне и к моей бабушке. «Учитель» – ясновидящий, и его словам стоит доверять. Я поинтересовалась, что мне-то делать, ведь это серьёзный вред, который отразится на всей его жизни. «Учитель» разумно заметил, что я ведь его предупреждала, но он выбрал свой путь и теперь его пройдёт до конца. «Ладно, я встречу вас в аэропорту, дальше посмотрим». Жесткий он человек – «учитель». Я поспешила в приёмную и позвонила напрямую шефу.

– Заходи. Всё сделала? Слушай, у меня после этой дамы голова разболелась и спина чего-то болит, посмотри, а...

– Что, зверские позы принимать пришлось, что ли? Массажистка-то ваша умаяла вас, я гляжу...

– Ревнуешь?

– Нет, констатирую факт. Сейчас посмотрим, что она с Вами сделала. Мне нужно Вас осмотреть. Вы очень близко общались или как?

– Много вопросов задаёшь. Это что, так важно? Она мне всё-таки массаж делала, уж очень просила... Вот и разболелась спина и голова после неё. Не дано ей...

– Ей другое дано... Она с вас сняла «мантию» и ещё кое-

что сделала, что вам вряд ли понравится. Я сейчас посмотрю и точно скажу.

Я зажгла свечу и стала читать молитву. Свеча неохотно горела и трещала, а возле почек совсем погасла, как будто её задули. Это плохо. Она добилась своего, но каким изощрённым способом. Опасная дама. Я осмотрела одежду шефа и, конечно, нашла волосы, закрученные на пуговице, и белую ниточку, которой когда-то были связаны пальцы покойника, за воротом пиджака. Все улики в наличии. «Учитель» был, как всегда, прав – шефа пытались «испортить».

– Вам надо срочно сходить к врачу, у Вас что-то с почками. Дама вас пыталась приворожить и основательно попортила вам организм. Это серьёзно. Я договорюсь о вашем визите в больницу, хорошо? Со своей стороны сделаю всё, что в моих силах, но и Вам надо быть поосторожнее. Я же Вас просила...

– Ладно, ходим завтра. Ты мне массаж будешь делать?

– Конечно, надо же хоть как-то это всё исправлять...

– Вот это другое дело, а то приходят тут всякие, массаж она делать умеет... Да ей только вагонетки на кирпичном заводе катать...

– Подхалимаж как раз кстати, а то я не ревную, но предупреждаю...

Я делала массаж, и его боль переходила ко мне. Злая, колючая, как куски льда, готовая разрезать всё на своем пути. Холод покрыл мою спину, и казалось, ещё чуть-чуть, и я рас-

сыплюсь на маленькие льдинки. От всего, что витало вокруг, веяло могильной пустотой и мглой, которая может поглотить в одно мгновение. Нужна помощь – надо просить бабушку и «учителя».

– Как ты это делаешь? Боль ушла! А ты говорила, что эта дама сильная. Истеричка она обычная!

– Не скажите, очень даже профессиональная дама. Вы её лет 10 помнить будете, а может, и всю жизнь...

– Не пугай меня. Ты же рядом – ты меня защитишь...

Его глаза смотрели на меня. Это был взгляд нашкодившего избалованного ребёнка. Он точно знал, что ему всё простят, потому что его все любят. Но он не знал одного – как он себя наказал и что этого он себе не простит никогда.

После того как Борис Михайлович пришёл в нормальное физическое состояние, мы отправились из кабинета во двор администрации. Воздух – это отличный лекарь. Погода была на редкость хорошая. Падал пушистый белый снег. Он деловито застилал площадь, слегка искрясь под светом фонарей. Он хотел угодить всем. Он летел и красовался, искрился и плавно опускался ко всем прохожим на одежду, как будто желая стать ближе и желаннее. Но каждый имел на него свои планы... Дворник сметал его в кучи и уничтожал весь лоск и красоту полёта – чем скорее он с ним разделается, тем лучше его будут ценить уважать. Вот так, и никакой поэзии.

Я смотрела на этот падающий снег, и казалось, что он залетал прямо мне в душу и таял там. Моя душа горела от ка-

кого-то плохого и неведомого предчувствия. Я прокручивала события и пыталась понять, как можно было этого избежать, но холодные слова «учителя» засыпали, как снег, все мои аргументы – «каждый выбирает свой путь и идёт по нему сам и до конца».

Отец Николай

Время изменило свой ход – начался обратный отсчёт. Так бывает под Новый год – каждый ждёт того, что загадал, и верит, что это обязательно сбудется. Верит и боится – вдруг...

Вот и я верила, что всё удастся исправить, и боялась... Для того чтобы понять сложившуюся ситуацию полностью, я погрузилась в глубокую медитацию – этому я научилась на семинарах в Тибетском клубе. Я видела эту женщину и двух мужчин, которые оплатили ей этот визит и действия, которые она совершила... Заказ – точно, что заказ! Они просто сыграли на пристрастии шефа к флирту с дамами! Я пошла дальше...

Здесь замешаны огромные деньги, и эти двое считают шефа виновником потери этих денег... Они готовы на всё, даже на физическую расправу...

Это озарение всё поставило на свои места. Недавно на меня выходили люди из «криминального мира» и «по старой памяти» сказали, что шеф обидел одного авторитета, зовут его, кажется, Джек. Он занимается алкоголем. Надобно «пробит» эту тему, что там произошло... Вот завтра и назначу встречу со сведущими людьми – пусть растолкуют, что

да как.

Утром мы с шефом сразу отправились к доктору. Спина у Бориса Михайловича болела, и настроение было соответствующее. Доктор подтвердила мои опасения – камни в почках... После осмотра доктор отозвала меня и тихо сказала: «Вам бы к отцу Николаю сходить. Он по этой части помогает». «По какой части?» – спросила я осторожно. «Больно быстро заболел твой шеф, надо бы посмотреть, почему... А священники в этом толк знают. Пиши телефон». Я записала телефон и стала дожидаться шефа. Он вышел, измученный процедурами. Взгляд его уже не был озорным, как раньше. Хорошо, что работы сегодня немного, и можно уделить здоровью времени побольше. Когда мы приехали в администрацию и зашли в кабинет, я начала разговор:

– Надо бы с отцом Николаем встречу назначить. Он, говорят, специалист по этим делам...

– Кто говорит?

– Врач, она очень рекомендовала с ним встретиться.

– А ты не боишься? Вдруг он тебя ведьмой объявит?

– Мою бабушку многие знают, и знают, что я её преемница. У нашей семьи с церковью проблем никогда не было. Я готова ответить на все его вопросы, мне скрывать нечего. Да и помощь его мне сейчас очень нужна. Так можно я встречу назначу?

– Назначай на вечер. Ты уколы делать умеешь?

– Умею, конечно, только не в вену...

– Уколешь меня в обед. Поколдуй чего-нибудь там, а то спина болит.

– Ложитесь, поколдую... заодно и спросить мне кое-что надо у Вас...

Что у Вас произошло с Джеком? Мне тут «сорока на хвосте принесла», что Вы сильно рассорились, и он или его друзья потеряли от этого много денег?

– Выдернуть бы хвост твоей сороке. Конфисковали у этого Джека состав поддельной водки на 12 миллионов долларов. Я тут ни при чем. Это налоговая полиция его прихватила, а я только разрешение дал на ответственное хранение этой водки на территории города, на оборудованных складах, и всё. Да я при тебе подписывал эту бумагу – помнишь, вечером приходил мой зам и полицейский из области. Я её особо и не читал. Они меня просили подписать ещё бумагу на утилизацию, но я не подписал – пусть сами расхлёбывают с этим делом. А при чём тут это?

– При том... Вас заказали этой барышне... И она, пользуясь Вашей доверчивостью, сделала, о чем её попросили. Но это не всё – они захотят вернуть свои деньги и пойдут на всё, вплоть до физического устранения виновных... Слишком большие деньги на кону.

– Ну ты меня так успокаиваешь, да?

– Да пока всё под контролем. Завтра улетим в Москву, там три дня. Встретимся с «учителем» – посоветуемся и что-нибудь придумаем. Да и сегодня я встречу кое с кем из

криминала и узнаю, что нам вменяют, а дальше – война план покажет...

– Смотри, чтоб тебя не обидели эти...

– Всё будет нормально, у меня дядя их адвокат. Я умею вести себя правильно.

– Это да... «Динамитель» ты мастер!

– А я не «динамлю» никого, просто мне нужно время, а у некоторых его нет...

Его глаза снова блеснули голубым сиянием. Он рассмеялся. И стал прежним, романтичным мачо – коллекционером, который ловит в омут своих глаз доверчивых и жаждущих красавиц – бабочек... Но я не из их числа, меня просто это порадовало – полегчало значит.

День мы отработали без особых переключений. Вечер, как всегда, пришёл незаметно.

Отец Николай прибыл в точно назначенное время. Я договорилась, чтобы он прихватил перевязь с молитвой для шефа.

В кабинете была включена только часть освещения, и это располагало к задушевной беседе. Нам принесли чай, и мы долго и пространно разговаривали обо всём, но только не о том, о чём надо было. Отец Николай подарил именную икону и Библию шефу. Я понимала, что надо просить, и взяла на себя эту роль.

– Отец Николай, не могли бы Вы посмотреть, почему Борис Михайлович после визита одной дамы заболел?

– Ольга, ты же сама всё понимаешь. Твоя бабушка тебя всему уже научила?

Ты какие молитвы читаешь?

– «Ангеле Божий, хранителю мой святыи, на соблюдение мне от Бога с небес данный! Прилежно молю тя: ты мя днесь просвети, и от всякаго зла сохрани, ко всякому деянию настави и на путь спасения направи. Аминь».

Молитва к Господу

Владыко Вседержителю, Святыи Царю, наказуй и не умерщвляй, утверждаяй низпадающия, возводяй низверженныя, телесныя человекоробов скорби исправляя и, молимся Тебе, Боже наш, раба Твоя (имя), немощствующа посети милостию Твоею, прости ей всякое согрешение вольное и невольное. Ей, Господи, врачевную Твою силу с небесе низпосли, прикоснися телеси, угаси огневицу, укроти страсть и всякую немощь таящуюся, буди врач рабы Твоей (имя), воздвигни её от одра болезненнаго, и от ложа озлобления цела и всесовершенство, даруй ей Церкви Твоей благоугождающа и творяща волю Твою, Твое бо есть, еже миловати и спасати ны, Боже наш, и Тебе славу возсылаем. Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Иная молитва к Господу

Владыка Вседержителю, Врачу души и телес наших, смиряяй и возносяй, наказуй и паки исцеляяй! Рабу Твою (имя) немощствующа посети и исцели её, возставив от одра и немощи. Запрети духу немощи, остави от неё всяку язву,

всяку болезнь, и еже есть в ней согрешение или беззаконие, ослаби, остави, прости Твоего ради человеколюбия. Ей, Господи, пощади создание Твое во Христе Иисусе, Господе нашем, с Ним же благословен еси, и со Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Молитва Иисусу Христу

Господи Иисусе Христе! Сыне Божий! Огради рабу Божию (имя) святыми Твоими ангелами и молитвами Всепречистыя Владычицы нашия Богородицы и приснодевы Марии, силою Честного и Животворящего Креста, святого архистратига Божия Михаила и прочих небесных сил бесплотных, святого пророка и Предтечи крестителя Господня Иоанна Богослова, священномученика Киприана и мученицы Иустины, святителя Николая архиепископа Мир Ликийских Чудотворца, святителя Никиты Новгородского, преподобного Сергия и Никона, игуменов Радонежских, преподобного Серафима Саровского чудотворца, святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны, и всех святых Твоих, помощи нам, недостойным, рабу Божию (имя). Избави её от всех навет вражеских, от всякого зла, колдовства, чародейства и лукавых человек, да не возмогут они причинить ей никакого зла. Господи, светом Твоего сияния, сохрани рабу Божию (имя) на утро, на день, на вечер, на сон грядущий, и силою благодати Твоея отврати и удали всякие злые нече-

стия, действуемая по наущению диавола. Кто думал и делал, на рабу Божию (имя) верни их зло обратно, в преисподнюю, яко Твое есть Царствие и Сила, и Слава Отца, и Сына, и Святого Духа! Аминь.

Символ Веры

Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечившася. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мёртвым, Его же Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь.

Молитва Кресту

Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящий Его. Яко исчезает дым, да исчез-

нут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знаменем, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняй беси силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшего и поправшаго силу диавола, и даровавшего нам тебя, Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь. (Осеняйте себя крестным знаменем.)

Псалом 50

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя; яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе Единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих, яко да оправдишися во словесех Твоих, и победиши внегда судити Ти. Се бо, в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя. Се бо, истину возлюбил еси; безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси. Окропиши мя иссопом, и очищуся; омыеши мя, и паче снега убелюся. Слуху моему даси радость и веселие; возрадуются кости смиренныя. Отврати лице Твоё от грех моих и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь ми радость спа-

сения Твоего и Духом владычним утверди мя. Научу беззаконныя путём Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся. Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего; возрадуется язык мой правде Твоей. Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою. Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския. Тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая; тогда возложат на олтарь Твой тельцы.

Псалом 90

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешиися: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишия от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тме преходящия, от сряща, и беса полуденнаго. Падет от страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приблизится, обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши. Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о

камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрью и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое.

Молитва Пресвятой Богородице

перед Ея иконой, именуемая «Целительница»

Прими, о Всеблагословенная и Всемощная Госпоже Владычице Богородице Дево, сия молитвы, со слезами Тебе приносимыя от недостойного рабы Божией (имя), ко Твоему цельбоносному образу пение возсылающего со умилением, яко Тебе Самой zde сущей и внемлющей моление нашему. По коемуждо бо прошению исполнение твориши, скорби облегчаеши, немощным здравие даруеши, разслабленныя и недужныя исцеляеши, от бесных бесы прогоняеши, обидимыя от бед избавлявши, прокаженныя очищаеши и малыя дети милуеши: еще же, Госпоже Владычице Богородице, от уз и темниц свободядаеши и всякия многоразличныя страсти врачуеши: вся бо суть возможна ходатайством Твоим к Сыну Твоему, Христу Богу нашему. О Всепетая Мати, Пресвятая Богородице! Не престай молитися о нас, недостойной рабы Божией (имя), славящего Тя и почитающего Тя, и поклоняющагося со умилением Пречистому образу Твоему, и надежду имущих невозвратну и веру несумненну к Тебе, Приснодеве Преславней и Непорочней, ныне и присно и во ве-

ки веков Аминь.

Молитва к Пресвятой Богородице

перед Ея иконой,

именуемой «Всецарица»

О Пречистая Богомати, Всецарице! Услыши многоболезненное воздыхание наше пред чудотворною иконою Твоею, из удела Афонскаго в Россию принесенною, призри на чад Твоих, неисцельными недуги страждущих, ко святому образу Твоему с верою припадающих! Якоже птица крилома покрывает птенцы своя, тако и Ты ныне, присно жива сущи, покрый нас многоцелебным Твоим омофором. Терпением и Ослабою явися. Тамо, идеже надежда исчезает, несумненною Надеждою буди. Тамо, идеже лютые скорби превозмогают, тамо, идеже мрак отчаяния в души вселися, да возсияет неизреченный свет Божества! Малодушных утеши, немощныя укрепи, ожесточенным сердцам умягчение и просвещение даруй. Исцели болящия люди Твоя, о Всемилостивая Царице! Ум и руки врачующих нас благослови, да послужат орудием Всемощнаго Врача Христа Спаса нашего. Яко живей Ти, сущей с нами, молимся пред иконою Твоею, о Владычице! Простри руце Твои, исполненыя исцеления и врачбы, Радосте скорбящих, в печалех Утешение, да чудотворную помощь скоро получив, прославляем Живоначальную Нераздельную Троицу, Отца, Сына, и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Молитва к пресвятой Богородице

перед иконою,

именуемой «Скоропослушница»

Преблагословенная Владычице, Приснодево Богородице, Бога Слова паче всякаго слова на спасение наше рождшая, и благодать Его преизобильно паче всех приявшая, море явльшаяся Божественных дарований и чудес приснотекущая река, изливающая благодать всем, с верою к Тебе прибегающим! Чудотворному Твоему образу припадающе, молимся Тебе, Всещедрей Матери Человеколюбиваго Владыки: удиви на нас пребогатыя милости Твоя, и прошения наша, приносимая Тебе, Скоропослушнице, ускори исполнити, все, еже на пользу во утешение и спасение коемуждо устрояющи. Посети, Преблагая, рабы Твоя благодатию Твоею, подаждь недугующим цельбу и совершенное здравие, обуреваемым тишину, плененным свободу и различными образы страждущих утеши, избави, Всемилостивая Госпоже, всяк град и страну от глада, язвы, труса, потопа, огня, меча и инья казни временныя и вечныя, Матерним Твоим дерзновением отвращающи гнев Божий: и душевнаго разслабления, обуревания страстей и грехопадений свободи рабы Твоя, яко да непреткновенно во всяком благочестии поживши в сем веце, и в будущем вечных благ сподобимся благодатию и человеколюбием Сына Твоего и Бога, Емуже подобает всякая слава, честь

и поклонение, со Безначальным Его Отцем и Пресвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Молитва Святителю Николаю Чудотворцу

О, всеблагий отче Николае, пастырю и учителю всех верою притекающих к твоему заступлению, и теплою молитвою тебе призывающих, скоропотиися, и избави Христово стадо от волков, губящих е; и всяку страну христианскую ограда и сохрани святыми твоими молитвами от мирскаго; мятежа, труса, нашествия иноплеменников и междуусобные брани, от глада, потока, огня, меча и напрасныя смерти; и якоже помиловал еси трех мужей в темнице сидящих, и избавил еси их царева гнева и посечения мечнаго, тако помилуй и мене, умом, словом и делом во тьме грехов суща, и избави мя гнева Божия и вечныя казни; яко да твоим ходатайством и помощию, Своим же милосердием и благодатию Христос Бог тихое и безгрешное житие даст ми пожити в веще сем, и избавит мя шуияго стояния, сподобит же деснаго со всеми святыми. Аминь.

Молитва Архангелу Михаилу

Господи, Боже Великий, Царю безначальный, пошли, Господи, Архангела Твоего Михаила на помощь рабе Божией (имя). Защити, Архангеле, его от всех врагов, видимых и невидимых. О, Господень Великий Архангеле Михаиле! Демон-нов сокрушитель, запрети всем врагам, борющимся с ней, и сотвори их яко овцы, и смири их злобные сердца, и сокруши их яко прах перед лицом ветра. О, Господень Великий Архан-

геле Михаиле! Шестикрылый первый Князь и Воевода Небесных сил Херувимов и Серафимов, буди рабе Божьей (имя) помощник во всех бедах, скорбях, в печалях, в пустыни и на морях тихое пристанище. О, Господень Великий Архангеле Михаиле! Избави рабу Божью (имя) от всякия прелести дьявольския, егда услышишь ее, грешную, молящую Тебе, призывающих имя Твое Святое. Ускори ей помощь и побори всех, противящихся ей, силою Честнаго и Животворящего Креста Господня, молитвами Пресвятой Богородицы, молитвами святых Апостолов, Святителя Чудотворца Николая, Андрея, Христа ради, юродивого, святого пророка Илии и всех святых великомучеников: святыи мученики Никиты и Евстафия, и всех преподобных отцов наших, от века Богу угодивших, и всех святых Небесных Сил.

О, Господень Великий архангеле Михаиле! Помози рабе Божьей (имя) и избави ее от труса, потопа, огня, меча и напрасной смерти, от великого зла, от врага льстивого, от бури поносимой, от лукавого избави ее навсегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Святой Архистратиг Божий Михаил, молниеносным мечом Твоим отжени от рабы Божьей (имя) духа лукавого, искушающего и томящего ее. Аминь.

Молитва Архангелу Рафаилу

О, святыи Архангеле Рафаиле! Всеусердно молим тя, буди рабе Божьей (имя) путеводитель в жизни нашей, сохрани от всех видимых и невидимых враг, исцели душевныя и телесныя болезни наша, управи жизнь нашу к покаянию во гре-

сех и ко творению добрых дел. О, святыи великий Рафаиле Архангеле! Услыши меня, грешную рабу Божью (имя), молящихся тебе, и сподоби в здешней и в будущей жизни благодарити и славити общаго Создателя нашего в безконечныя веки веков. Аминь.

Молитва Священномученику Киприану

Начинаем глаголати молитву Священномученика Киприана, во дни или в нощи, или в кой час упражняешия, вся силы сопротивнаго от славы Бога Живаго отпадут.

Сей Священномученик, всей душею моляешия Богу глаголах: «Господи Боже Сильный и Святыи, Царь царствующих, ныне услыши молитву раба Твоего, Киприана».

Тебе предстоят тысяща тысящ и тьма тьмам Ангел и Архангел, Ты веси тайное, сердца раба Твоего (имя), предстани ему Господи, яко во узах Павлу и во огне Фекле. Тако, познати мне, Тебя, аз бо первый творях вся беззакония моя.

Ты, держак облак, и небо неодождих древа садовняго, и то плод нетворих. Непраздным жёнам переждати, и иным зачатия недах. На ограждение пертограда токмо взирах, и нетворих. Розге не цвести и класу непрозябати; Винограду неродити, и зверям неплождатися. Рыбам морским неплавати и птицам небесным летати возбраних. Тако, Ты показал силу Свою при пророце Илие.

Молю Тя, Господи Боже мой; вся чародейства, и вся лукавыя бесы ко греху человека клонях и на нём грех творях, Ты, силою Своею, запрети! Нынеже, Господи Боже мой, Силь-

ный и Великий, благоволивый от недостойного, достойному мне быти, и сопричастному Святому Твоему стаду, молю Тя, Господи Боже мой, кто имать молитву сию в дому или при себе, сотвори ему просящее ею.

Пресвятым Величеством Своим, милосердовах на мне и не восхоте погубити мя со беззакониями моима; тако непогуби всякого молящего Тя молитвою сиею.

Непрочнаго в вере, утверди! Безсильного духом, укрепи! Отчаянного, вразуми и не отверзи всякаго прибегающего к Твоему Святому имени.

Яже, припадая к Тебе Господи, молю и прошу святое имя Твое: во всяком доме и на всяком месте наипаче на православном христианине яже имеетя чародейство кое от лукавых человек или от бесов, да прочтётся молитва сия над главою человека или в дому и да разрешится от связания злыми духами в зависти, лести, ревности, ненависти, злопомучении, злоустрашении, действennom отравлении, от языческаго ядения и от всякаго заклинания и клятвы.

Кто убо стяжав молитву сию во своем дому да будет соблюден от всякаго ухищрения диавольскаго, потвора, отравы злыми и лукавыми человеками, от заклинаний и всякаго колдования и чародеяния, и да бежат от него бесы и да отступят злые духи. Господи Боже мой, имеяй власть на небеси и на земли, ради имени Твоего Святаго и ради несказанныя благодати Сына Твоего, Бога нашего Иисуса Христа, услыши в час сей недостойного раба Твоего (имя), яже чтет

молитву сию и по ней да разрешится вся диавольская козни.

Яко тает воск от лица огня, тако да погибнут вся чародеяния и заклинания лукавския от лица человека чтущаго молитву сию. Яко имя, Живоначальныя Троицы, нам прощение суть, и разве Тебе, инаго бога не знаем. Тебе веруем, Тебе поклоняемся и Тебя молим; защити, заступи и сохрани нас, Боже, от всякаго лукаваго действия и чародействия злых человек.

Яко же Моисеевым сыновам из камени сладку воду источил еси, такожде, Господи Боже Сил, положи руку Свою на рабу Твою (имя), полную благости Твоя и защити от всякаго кознодействия.

Благослови, Господи, дом в нём же да пребывает молитва сия и всякаго чтущаго память мою, Милость Свою пошли ему, Господи, и защити его от всякаго чародеяния. Помощником и покровителем ему буди, Господи.

Четыре реки: Фисон, Геон, Евфрат и Тигр: эдемский человек не может удержати, тако не может никакой чародей ставления дел или мечтаний бесовских являти пред чтением молитвы сия, заклинаю Богом Живым! Да сокрушится демон и прогонится вся противная и злая сила, пущенная от злых человек на рабу Божию (имя).

Яко умножил лета Иезекию царю, тако умножи и лета имущему молитву сию: службою Ангел, пением Серафимским, благовещением Пресвятыя Девы Марии от Архангела Гавриила и безплотнаго ради зачатия Ея, Господа нашего

Иисуса Христа, славного Рождества Его в Вифлиеме, закла-
нием от Ирода царя четыре на десяти тысящъ младенцев
и Святого Крещения его воспринятым во Иордановой реке,
постом и искушением еже от диавола, ужасныя Его победы
и ужаснейшего суда Его, ужаснейших чудес Его в мире быв-
ших: исцеление и очищение даруяй. Мёртвых оживляй, бесы
изгоняй и во Иерусалим вход Его, яко Царя исполняй: «Осса-
на Сыну Давидову от младенец вопиющих Ти, слышай» Свя-
тыя Страсти, Распятие и Погребение терпя, и иже в тре-
тий день Воскресению бысть якоже писано есть, и на небе-
са восхождение. Пение тамо многочисленных Ангел и Архан-
гел, славя восход Его, иже одесную Отца сидения до второго
пришествия Его судити живых и мёртвых. Власть дал еси
святым учеником Твоим и Апостолом, рекый им: «Держите
и держатся решите и разрешатся», тако и всякому по мо-
литве сей, разреши всякое диавольское чародейство над ра-
бой Твоей (имя).

Ради бо Святаго Великаго имени Твоего заклиная и про-
гоняю вси дуси лукавыя и злыя и очеса злых человек и ча-
родейства их наговоры, колдовство, глазную порчу, чароде-
яния и всякое ухищрение диавольское. Молю Тя, Многомло-
стиве Господи, отведи от рабы Твоей (имя), и от дому её, и
от всякаго стяжания её.

Яко же умножил богатство праведному Иову, тако,
Господи, умножи домашнее житие и мущему молитву сию:
созданием Адамовым, жертвою Авелевой, благовещанием

Иосифовым, святостию Еноха, правдою Ноя, обращением Мелхисидека, верою Авраама, святостию Иакова, пророчеством Пророков, святынею Патриархов, кровию Священномучеников, закланием Петра и Павла, детством Моисея, девством Иоанна Богослова, священством Аарона, действием Иисуса Навина, святостию Самуила, дванадесятью колен Израилевых, молением Пророка Елисея, постом и ведением Пророка Даниила, проданием Иосифа прекрасного, Премудростию пророка Соломона, силою ста шестидесяти Ангел, молением Честнаго Славнаго Пророка и Крестителя Иоанна и сто на десять Святителей второго собора, святых исповедников и споручников страшнаго несказаннаго имени Твоего Святаго, Всеславнаго Всевидаца Бога, Ему же предстоят тысяща и тьма Ангел и Архангел. Молитв их ради молю и прошу Тя, Господи, прогоняй и одолевай всяку злобу и лукавство от рабы Твоей (имя), и да бежит оно в тартар.

Молитву сию возношу Единому и Непобедимому Богу, яко да подобает всем человекам православным спасение в дому том, в нем же имеетя молитва сия, еже писана в семидесяти двух языцех и да разрешится по ней всякое лукавство; или в мори, или при пути, или в источнице, или в кладязе; или в верхнем порозе, или в нижнем; или позади, или спереди; или в стене, или в крове, всюду да разрешится!

Да разрешится всякое диавольское наваждение в ходу, или в стану; или в горах, или в вертепах, или в претворах

домовых, или в пропастях земных; или в корне дерева, или в листьях растений; или в нивах, или в садах; или в траве, или в кусте, или в печи, или в бане, да разрешится!

Да разрешится всякое лукавское деяние; или в коже рыбьей, или в плотской; или в коже змеиной, или в коже человеческой; или в украшениях нарядных, или в уборах головных; или в глазах, или в ушах, или в волосах головных, или в бровях; или в постели, или в одежде; или в обрезании ногтей ножных, или в обрезании ногтей ручных; или в крови горячей, или в воде студеной: да разрешится!

Всякое злодеяние и чародеяние да разрешится; или в мозгу, или под мозгом, или в плече, или между плечами; или в мышцах, или в голенях; или в ноге, или в руке; или во чреве, или под чревом, или в костях, или в жилах; или в желудке, или в естественных пределах, да разрешится!

Да разрешится всякое дьявольское действо и наваждение содеянное; или на золоте, или на серебре; или на меди, или на железе, или в олове, или в свинце, или в меду, или в воске; или в вине, или в пиве, или в хлебе, или в явствах; во всем да разрешится!

Да разрешится всякое злое дьявольское умышление против человека; или в морских гадах, или в летающих насекомых; или в животных, или в птицах; или в звездах, или в луне; или в зверях, или в пресмыкающихся; или в хартиях, или в чернилах; во всем да разрешится!

Аще двух язык лукавых: саламару и ремихару, погоню; ел-

изду и диавола от рабы Божьей (имя), силою Честнаго и Животворящего Креста Господня со всеми небесными силами пред Высоким и Страшным Престолом Божиим, твори слуги Своя огонь палящъ. Херувимы и Серафимы; Власти и Пристоли; Господства и Силы.

Во един час разбойник вниде в рай молитвою. Молитвою помолися Иисус Навин, солнце ста и луна. Еже помолися пророк Даниил и загради уста львов. Три отроцы: Анания, Азария и Мисаил погаси пламень пеци огненной молитвою. Такожде молю Тя Господи, по молитве сей даждь всякому молящемуся ей.

Молюся и прошу святаго собора пророческаго: Захария, Осию, Иесея, Иоила, Михея, Исайя, Даниила, Иеремию, Амоса, Самуила, Илию, Елисея, Наума и Пророка Предтечу и Крестителя Господня Иоанна: молю и прошу четырех Евангелистов, Матфия, Марка, Луку и Иоанна Богослова, и святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, и святых и праведных Богоотец Иоакима и Анну, и Иосифа обручника, и Иакова брата Господня по плоти, Симеона Богоприимца, и Симеона сродника Господня, и Андрея Христа ради юродиваго, и Иоанна Милостиваго, и Игнатия Богоносца, и Священномученика Анания, и Романа певца кондаков, и Марка Греческаго, и Кирилла Патриарха Иерусалимскаго и преподобнаго Ефрема Сирина, и Марка гробокопателя, и трех Святителей Велицых, Василия Великаго, Григория Богослова, и Иоанна Златоустаго, и иже во святых отец на-

ших святителей Николай Архиепископа Мир Ликийских чудотворца, и святых митрополитов: Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Гермогена, Инокентия и Кирилла, Московских чудотворцев: Преподобных Антония, Феодосия и Афанасия, КиевоПечерских чудотворцев: Преподобных Сергия и Никона, Радонежских чудотворцев; Преподобных Зосиму и Саватия, Соловецких чудотворцев; Преподобных Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев; Иже во святых отец наших: Пахомия, Антония, Феотосия, Пимена Великаго, и иже во святых отца нашего Серафима Саровскаго; Самсона и Данила столпников; Максима Грека, монаха Милетия Афонский горы; Никона, Патриарха Антиохийскаго, Великомученика Кириака и матери его Иулиты; Алексия, человека Божия, и святых преподобных жён мироносиц: Марии, Магдалины, Евфросинии, Ксении, Евдокии, Анастасии; Святых Великомучениц Параскевы, Екатерины, Февронии, Марины яже проливших кровь свою за Тебя Христа Бога нашего и всех святых отвеча Тебе угодивших, Господи, помилуй и спаси рабу Твою (имя), да не прикоснется к ней ни к дому её ни кое зло и лукавство ни в вечерний час, ни в утренний, ни во дни, ни в ночи да не прикоснётся.

Сохрани его, Господи, от воздушных, тартарных, водяных, лесовых, дворовых и всякого рода других бесов и духов злобы.

Молю, Тя Господи, яже написася молитва сия святая Священномученика Киприана, утверждена и ознаменована

бысть от Святыя Троицы на погубление и прогнание всякого зла, врага и супостата бесовских сетей, ловящих всюду человека колдовством и чародейством Садока и Нафаила нарицаемого Ефил и дочерей Самуиловых, искусных в чародеянии.

Словом Господним утвердися небо и земля и вся еже в поднебесной, силою молитвы сия изгонися всякое вражеское наваждение и потворство. Призываю в помощь вся силы небесные и чиновачалия Твоя; Архангелы: Михаила, Гавриила, Рафаила, Уриила, Салафаила, Иегудила, Варахаила и Ангела хранителя моего: Силу Честнаго и Животворящего Твоего Креста и вся силы и духи небесныя и будет соблюде-на раба Твоя, Господи (имя), и да будет посрамлено лукавство диавольское всею Небесною Силою во славу Тебе, Господи, Создателя моего и во славу Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, всегда ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Господи! Ты един Всесильный и Всемогущий, сохрани по молитве Священномученика Киприана рабу Твою (имя). (Трижды говорить это и трижды кланяться.)

Господи Иисусе Христе Слове и Сыне Божий, молитвою Пресвятыя Твоя Матери и Ангела хранителя моего, помилуй мя грешную рабу Твою (имя). (Трижды говорить это и трижды кланяться.)

Вси святии и праведнии, молитве Милостиваго Бога о рабе Божьей (имя), да сохранит и помилует её от всякаго врага и

супостата. (Трижды говорить это и трижды кланяться.)

Вот этими молитвами и лечу, с Божьей помощью.

– Ну, всё правильно делаешь. Так в чём проблема?

– Я нашла «привязку» на пиджаке, и это меня настораживает...

– Ты всё делаешь правильно. Надо вам исповедоваться и причаститься, а Борису Михайловичу и пособороваться надо, чтоб недуг извести. По вере нашей воздаётся нам – тебе ли объяснять, Ольга... Хорошо с вами беседовать, да мне ехать надо по делам. Так что Помогай Вам Бог.

Он откланялся и вышел. Шеф смотрел на меня с интересом...

– Ты с ним знакома?

– Нет. Он мою бабушку знает. Она благословение на лечение от церкви имеет и меня просила благословить. Вот он и знает меня так – заочно.

– Ты готова к завтрашней командировке?

– Как пионер – всегда готова!!!

– Тогда поехали по домам, а завтра утром вылетаем.

Мы поехали домой. Улицы уже засыпали. Погода стояла тёплая, и липкий снег, умело скатанный трудолюбивыми ребятами, превратился в множество снеговиков. Кажется, в каждом дворе был свой, особенный, ни на кого непохожий снеговик. Он стоял и охранял двор и детские мечты... Казалось, что и правда снеговик – это помощник Деда Мороза, и он обязательно расскажет все твои пожелания, и чудо свер-

шится.

Москва. Как много в этом звуке...

В Москву мы прилетели ранним утром. Мой учитель встречал нас на своем красном новеньком «Феррари». Ему за тридцать, он многого добился в этой жизни – богат и знаменит у элиты. Что ему провинциалы – так... гуманитарная помощь, но я состою при нём заместителем, и он мне часто помогает. Как и в это раз... Мы поздоровались. Я представила шефа, и мы двинулись в путь – в гостиницу. По дороге мы разговаривали с Геннадием, так звали моего «учителя», шеф молчал. Доехав до гостиницы, я сказала, что приеду в 3 часа в офис к Геннадию и мы всё обсудим. Красное «Феррари» скрылось из вида. Утро было замечательным. Тёплая зимняя погода ласкала всех пушистым, лёгким снегом. Он кружился вальяжно и неспешно, даря ощущение какой-то сказочной свободы и спокойствия. Прекрасное утро, но наслаждаться им было некогда. Мы поднялись в свои номера и договорились через 30 минут встретиться в кафе, которое было у нас на этаже. Номера у нас были рядом. Я бросила сумку в свой номер, умылась и тут же направилась в кафе. Меня как будто тянуло туда магнитом, предчувствие чего-то необычного переполняло душу и сердце, хотело выпрыгнуть и побежать впереди меня. Я зашла в кафе, там было пусто и пахло свежим кофе. Это то, что надо, чтобы прийти в себя и настроиться на деловой лад. Я заказала кофе и бутерброд. Прелестная официантка быстро исполнила мой заказ,

я сидела и наслаждалась свежим кофе и одиночеством. Постепенно мне удалось взять себя в руки, и я уже готова была к деловому общению, но вдруг в кафе вошел... Олег. Он увидел меня и быстро подошёл, взял меня за руки и тихо и ласково прошептал: «Привет». Мир перестал существовать, благо, что никого не было и наш поцелуй, который нельзя назвать дружеским, никто не увидел.

– Что ты здесь делаешь, Оленька?

– Да вот, в командировку с шефом приехала. Мы здесь три дня будем. А ты как сюда попал?

– Ну... я тоже в командировку – на совещание. Вот только прилетел и решил кофе попить, а тут ты...

Мы постарались «взять себя в руки» и соблюдали официоз, но наши сияющие глаза никакой маской прикрыть было невозможно.

– Сейчас мой шеф сюда прийти должен...

– Надеюсь, вы не в одном с ним номере...

– Хочешь проверить?

– Хочу – не то слово, но это мы отложим на вечер. Распорядок такой: сейчас – дела, встречаемся здесь в 6 часов вечера и идём кутить, а дальше – будет дальше...

Его карие глаза смотрели на меня и бесстыдно ласкали своим взглядом так, что мурашки крались по всему моему телу.

– Принимается, только перестань на меня так смотреть, а то я за себя не отвечаю...

Сейчас нас кто-нибудь увидит и в газетах напишут чёрт знает что.

– Не переживай – я же с тобой. Я тебя укрою своим телом от объективов...

– Ха-ха-ха... договорились, только ласково укрывай...

– Это твой шеф, что ли?

В кафе зашёл шеф и прошёл к стойке бара. Он заметил, что я сижу не одна. Сделав заказ, Борис Михайлович подсел к нам:

– На пять минут Вас, Ольга, нельзя оставить, тут же мужчины вокруг Вас виться начинают.

Я взяла свою волю «в кулак» и представила Олега:

– Олег – мой одноклассник. Тоже на совещание прилетел.

– Вы, Борис Михайлович, Ольгу не оставляйте так надолго... Она, как хороший бриллиант, без оправы не останется... А сейчас мне надо идти. Удачного вам дня.

Олег улыбнулся и вышел. Шеф молча пил кофе. Он был погружён в свои размышления, и они были явно не здесь.

– Я, Ольга, сегодня уеду в гости к своим друзьям. Вечером меня не будет, а может, и ночью тоже, так что не теряй меня. В 6 часов вечера мы с тобой встретимся здесь, и я сообщу дальнейшие планы. А сейчас поехали. Тебе в журнал надо, а потом меня найдёшь на заседании.

– Хорошо. У меня в 3 часа встреча с Геннадием, так что надо успеть.

– Колдовать будешь?

– Да, привораживать...

Я улыбнулась и посмотрела в его глаза... Голубые-голубые... Шеф явно не ожидал от меня такого и рассмеялся.

– В этом нет необходимости... Тебя и так оставить нельзя одну, сразу же какие-то знакомые появляются. Только скажи «да», и всё будет...

– «Голубые глаза хороши, только мне полюбились карие» – песня есть такая... Пойдёмте, а то опоздаем везде, у вас ведь вечером встреча, да и мне есть чем заняться...

– Знаю я эти занятия...

– Тогда тем более надо спешить.

Мы вышли из кафе и направились на Трубную улицу.

Жизнь кипела. Машины, люди, храмы, Кремль – всё перемешивалось и толкало друг друга. Кутерьма. И только один снег вальяжно и свободно шёл по улицам, не замечая суеты и стремлений «наверх». Он сам выбирал и был единственным свободным среди этого суетного мира.

На Трубной мы с шефом расстались. Я пошла в журнал, чтобы сдать аналитическую статью и обсудить новое задание редакции. Закончив все дела в журнале, я забежала в орготдел, отдала необходимые документы, отметила командировочные удостоверения и поспешила покинуть это здание. Было уже 2 часа. Я невольно воздала хвалу Всевышнему за то, что Он создал Метро. Только на нём я смогу успеть к Геннадию.

В метро было очень людно и шумно. Я не люблю закрытых

подземных помещений. Мне там мало воздуха и начинает болеть голова – это от статичного напряжения, которое там образуется, но выбирать не приходится. В 2:45 я уже была рядом с офисом Геннадия.

В 2:58 я нажала на кнопку домофона.

– Добрый день, Ольга! Проходите!

Замок щёлкнул, и я открыла дверь. В приёмной Геннадия секретарь предложила мне чай и попросила немного подождать, так как Геннадий принимал посетителя и разговор затянулся.

Не успела я допить чай, как меня пригласили войти в кабинет.

Кабинетом это было назвать трудно. Внутри находился алтарь, на котором горели свечи, много свечей. На стенах висели ритуальные мечи и ножи. На столе, в песке, стояли зажжённые свечи и лежал ритуальный нож. Воздух был наполнен благовониями, свет приглушен. Магия и тайна витала здесь и царствовала безраздельно, а во главе этого всего великолепия возвышался на своём кресле из какого-то экзотического дерева и кожи Глава Ордена – Геннадий «Ворон». Сидя у стола со свечами, воткнутыми в песок, он пригласил меня присесть на стул напротив.

– Ох и «фрукт» этот твой шеф. Он преподаст тебе «Школу жизни». Тебе предстоит много работы... Он пытается соблазнить тебя, но знай – это не твой мужчина. Он как зыбучий песок... Люди для него лишь инструмент для достиже-

ния его целей. Он, кстати, неплохо играет на этом «инструменте». Вот тобой прикрывается от своих надоедливых поклонниц. Да и не только это. Тебе придётся «расхлёбывать кашу» посерьёзнее...

Он очень глупо поступил, когда согласился на эту войну с «водочниками». Ты знаешь, голова их – в Госдуме. Очень они обозлились на эту ситуацию. Бригада парней через неделю к вам в город вылетит для проведения собственного расследования. Всё очень серьёзно... Так что то, что случилось с твоим шефом – болезнь его, это заслуженная кара. «По работе и награда!», как говорится. Пока ты будешь «качать» его своей энергетикой, он может обойтись без операции, но как только вы расстанетесь – он попадёт под нож хирурга, и не раз...

Да, кстати, тот мужчина, от которого у тебя сегодня «в зобу дыхание спёрло, тоже не твой... Но классный любовник, и вы всю жизнь с ним будете встречаться, но вместе вы не будете... Надеюсь, ты и сама это понимаешь?

– Да, я это знаю. В общем-то я не вижу Олега в роли мужа. Мне с ним хорошо, но не до такой степени, чтобы связать с ним жизнь. Я не чувствую в нём опоры. Он – «мальчик-праздник» и только.

– Кстати, тебе скоро встретится твой второй муж. У вас будет дочка. И... Что-то я разболтался с тобой... Завтра приедешь, и я познакомлю тебя с парнями, которые поедут к вам в город разбираться с конфискованной водкой. Да и ещё –

завтра сможешь мне на приём, а то зашиваюсь, да и эти клиенты скорее твои, чем мои. Гонорар – пополам, идёт?

– Конечно. Тогда до завтра, а то мне надо в 18:00 быть в гостинице. Олег будет ждать, и шеф сказал, что надо обсудить дела – и все в 18:00, в одном и том же кафе...

– Так беги! Положительные эмоции заряжают положительной энергией, а тебе она ох как понадобится. Шефа в расчёт не бери и в постель к себе не пускай. Поверь – ни пользы, ни удовольствия от этого не будет. Ты можешь с ним переспать только перед тем, как уйти от него навсегда, чтоб его мужскую силу вернуть, но предупреждаю – тебе это не понравится... Ну а сегодня тебя ждет прекрасный вечер, так что беги.

– Тогда пока! До завтра!

Я помчалась в гостиницу. Опять это метро, этот снег, этот город. Всё кружится и куда-то летит. И я лечу в этой круговерти и спешу, спешу, спешу... Большой город – как он изматывает своим бешеным ритмом. Подходя к гостинице, я почувствовала себя усталой и опустошённой. Хотелось упасть на широкую и надёжную грудь и забыть обо всём.

Я вошла в свой номер. Телефон заливался противной, скрипучей трелью. Звонил Олег:

– Привет, Оленька! Ты как?

– Привет! Я так устала, аж с ног валяюсь. Скажи мне что-нибудь хорошее...

– Сегодня будет много хорошего, Оленька! Я сейчас зай-

ду, и мы пойдём поднимать твоё настроение! Я буду тебя баловать... А пока давай попьем кофе в кафе.

– Слушай, мне шеф сказал, что в 18 часов в кафе мы с ним обсудим дальнейшие планы по работе.

– Ну, значит, я попью кофе в сторонке, а ты обсудишь все дела, и мы пойдём по своим делам. Я сейчас позвоню в кафе и закажу тебе твой любимый капучино с корицей и тирамису. Там тебе будет приятнее общаться, правда?

– Я тебя обожаю!!!!

– Сейчас и проверим – я у тебя уже через минуту!

Я положила трубку. Сил не было. Я открыла дверной замок и упала в кресло. Освещение в номере, как и сам номер, было как будто создано для свиданий. Зеркала вдоль стен, обшитых красной кожей, приглушённый свет, барный столик, два мягких кресла и большая кровать.

Через две минуты впорхнул Олег. Свежий запах парфюма разлился по комнате.

– Где мой усталый котёнок? Иди сюда, я тебя пожалею!

Он взял меня на руки и нежно поцеловал. Я встала на ноги, а поцелуи продолжались и становились всё откровеннее и откровеннее. Мы просто таяли в объятиях друг друга и забыли обо всём, но телефонный звонок «привёл нас в чувство». Звонили из кафе и сообщили, что заказ готов, и кофе и тирамису ждут меня на столике.

Мы рассмеялись над своей несдержанностью и, приведя себя в надлежащий вид, отправились в кафе. В кафе мы

вошли вместе, там уже был Борис Михайлович. Он слегка удивлённо посмотрел на нас. Олег проводил меня до моего столика и сел неподалеку, за соседний столик. Заказал себе кофе и читал прессу. Шеф подсел ко мне.

– Ольга, а не часто ваш студенческий приятель встречается вам?

– Ничуть... А он вас интересуется? Я могу попросить, чтобы он подсел к нам, и вы всё у него спросите...

– Не стоит. Давай о делах. Я сегодня поеду к друзьям, ты можешь поехать со мной. Это наши земляки – отличная семья. Познакомишься с ними, посидим, отдохнём, поедим домашней еды, а завтра вернёмся, и снова в бой. Как тебе мысль?

– Мысль хорошая, но я так устала, что предпочитаю растянуться на своей койке и посмотреть телевизор в гордом одиночестве. Я надеюсь, что Вы на меня не обидитесь.

– Хорошо. Тогда я позвоню тебе вечером, и мы договоримся о нашем дальнейшем расписании.

– Давайте утром созвонимся, чего о делах разговаривать в гостях... Созвонимся часов в 8 утра и всё обсудим. У нас встреча запланирована на 10:30 – интервью, в 12:00 в пиар-гентстве – переговоры, в 13:00 у меня встреча с Геннадием по «водочникам».

– Хорошо. Утром расскажешь, что там тебе рассказал твой Геннадий. Ты, надеюсь, будешь вести себя пристойно в моё отсутствие?

– Конечно, шеф! Если и предамся разврату, то лишь слегка, в меру своих истощённых сил и приличного воспитания. Можете не беспокоиться. Вы тоже берегите себя...

– Шутница! Ладно, я поехал. Вот номер телефона – если что, то звони.

– Удачного вечера и привет землякам!

Шеф вышел и скрылся в длинном гостиничном коридоре. Олег тут же подсел и, приобняв меня, сообщил, что уже расплатился за заказ. Мы вышли из кафе и, захватив пальто в номерах, отправились на улицу поднимать моё настроение.

Легкий снежок вальсировал под «рампой» уличных фонарей. Свободный и лёгкий, не обременённый формальностями и обязательствами, ни от кого не скрывающийся, полный достоинства и чувства – как прекрасен был его вальс. Как хотелось быть таким же свободным и чувственным, отбросить все формальности и отдаться этому великолепию, растворяясь в нём и наслаждаясь этим трогательным моментом.

Олег придумал, что нам надо переодеться во что-то не официальное, и мы сквозь этот «снежный вальс» пошли в ГУМ. Всё располагало к поэзии. Мы шли, обнявшись, и наслаждались... наслаждались тем, что мы сейчас вместе...

– Оленька, а почитай что-нибудь из своих стихов.

– Хорошо. Этот стих – для тебя...

Я люблю тебя, молчаливый друг,

То в мечтах парю, то бреду сквозь ночь.

Рвусь к тебе сквозь сеть тягостных разлук,

Отгоняя боль и сомненья прочь.

Лишь твои глаза – солнце для меня,

Лишь твои слова – для меня свирель.

Страсть моя к тебе – горный водопад.

Нежность губ твоих – как пьянящий хмель.

Нет мечты сильнее, чем с тобою быть,

Окунуться в ночь твоих карих глаз.

В нежности твоей словно в лодке плыть,

И от страсти млеть, словно в первый раз.

Воспарить с тобой к самым облакам

И упасть дождём с радугой-дугой.

Ощувив на миг – как прекрасно жить

И что этот миг – самый дорогой...

Снежинки вальсировали и как будто подхватывали и создавали мотив для моего стиха. Это придавало ещё больше чувственности и романтичности всему происходящему.

– Ольга... Я очень сильно тебя люблю! Ты только моя! Я тебя никому не отдам, слышишь!

Олег – сильный и мужественный, сейчас был похож на принца. Его карие глаза смотрели на меня с нежностью и желанием. Боже, как же нам хорошо сейчас! Видно, и взрослым Дед Мороз тоже делает подарки – вот такие неожиданные и приятные встречи.

Мы долго гуляли по ГУМу и выбирали себе гардероб. Переодевшись в только что купленные джинсы и куртки и передав свою официозную одежду помощнику Олега, которо-

го он вызвал, мы поехали в ресторан. Это был немецкий ресторан с отличным интерьером и великолепной кухней. Как выяснилось позже, Олег заранее заказал столик и блюда, которые уже ожидали нашего прихода. Ужин был великолепен. Насладившись им в полной мере, мы отправились гулять по заснеженной Москве. Олег рассказывал мне, как он жил всё это время, кого из наших общих знакомых видел и как они поживают. Мы были похожи на четырнадцатилетних подростков, которых накрыло вдруг первое и сильное чувство. Мы дышали им, и ничего не существовало вокруг, кроме нас и этого завораживающего, ни с чем не сравнимого ощущения. Олег затащил меня в какой-то ювелирный магазин и купил кольцо, для того чтобы оно напоминало мне о нём, когда мы расстанемся. Потом мы зашли в салон сотовой связи, и он купил мне мобильный телефон.

Олег хотел, чтобы я чаще ему звонила и чтобы «чужие уши» не мешали нашему, порой слишком откровенному общению. Он делал всё, чтобы я чувствовала себя желанной и любимой. В завершение этой феерии он вызвал машину, и мы отправились в гостиницу.

Ключ от моего номера остался в номере Олега. Да и в мой номер я всё равно не собиралась возвращаться. Сегодня я во власти Олега, а он ни за что не отпустит меня – вдруг кто-то позвонит и всё испортит.

Когда мы вернулись в гостиницу, то не стали тратить время на походы по номерам и сразу поднялись в номер Олега.

Он всегда снимал «Люкс». В номере уже был накрыт стол с закусками, шоколадом и кофе. Я не пью алкоголь, и это уже давно не обсуждается, так что алкоголя на столе не было. Да нам он и не нужен, мы пьяные от одной мысли и ожидания... Олег вызвал своего помощника и дал какие-то поручения, а затем сказал, чтобы утром в 8:00 он принес завтрак на двоих в номер. Всё – мы одни... Как же нас тянуло друг к другу! Поцелуй, ещё, ещё, и мир пошёл кругом. Одежда, покрывало – всё это улетало с пути нашей долгожданной и так желанной минуты близости. Ласки, нестерпимо нежные и страстные, доводили нас до исступления. Казалось, мы не хотели упускать ни одной секунды из тех, которые нам суждено пробыть здесь. Страсть, нежность и любовь окутали нас и крепко держали в своих объятиях. Губы тянулись к губам, тело стремилось к обладанию и трепетному блаженству близости. Мы забыли о времени, месте и пространстве, были только мы и наша любовь – это было фантастикой! Ночь пронеслась, а мы так и не уснули...

В 8:00 нам принесли завтрак, и я набрала номер телефона шефа:

– Доброе утро, Борис Михайлович! Как поездка?

– Доброе утро! Я звонил тебе несколько раз, даже заходил к тебе в номер, но там никого не было. Ты где сейчас?

– Я у друзей – здесь недалеко. Через 30 минут можем встретиться с вами в кафе у нас на этаже.

– Хорошо, жду тебя в кафе через 30 минут.

Я выскользнула из объятий Олега и отправилась в душ. Олег поспешил за мной. Это грозило сорвать встречу.

– Олег, давай настраиваться на работу, а потом продолжим. У нас ведь ещё два дня в запасе.

– И две ночи...

Его губы заскользили по моему телу, и, конечно, я не смогла быть в кафе через 30 минут.

В кафе я вошла через 50 минут – это было на грани рамок приличия.

– Извиняюсь, Борис Михайлович! Слегка опоздала. Вы уже завтракали?

– Нет, я ещё не успел заказ сделать – газетки вот почитал. А как у тебя вечер прошёл? Удалось отдохнуть?

– Да, спасибо. Лучше вы расскажите, как вы отдохнули? Что нового в московских кругах?

Как земляки поживают?

Я постаралась отвести тему разговора от моего времяпрепровождения.

– Да всё нормально у наших земляков – богатеют. Поговорили, посидели за столом и разбрелись по домам. Я в 23:00 уже у себя был, позвонил тебе, но никто трубку не брал. Я постучал к тебе в дверь, но у тебя было тихо... Ты куда-то уезжала?

– Нет. Просто я выключила телефон и уснула. Наверное, негромко вы стучали – раз я не услышала...

– А сейчас почему опоздала? Проснуться не могла или

что?

– Я же сказала, что у друзей была – здесь недалеко кафе есть. Мы там договорились встретиться, я им диск с музыкой привезла, вот и задержалась немного.

Я говорила это, и на моём лице невольно проскользнула улыбка. Какое кафе – если бы он знал...

– Ну ладно. Сегодня у тебя всё готово к интервью?

– Да, аналитика, цифры, социальный срез – всё подготовлено. Я вчера ещё дала в журнал все эти цифры. Вопросы тоже есть, ответы я набросала, а вы подкорректируете, как посчитаете нужным. Вот всё в файле – посмотрите, как время будет. Вы сейчас на совещание или здесь останетесь?

– Я думаю забежать в Союз российских городов, а потом буду здесь. У тебя какие планы?

– Сейчас поработать с документами для пиарщиков, а потом с вами на интервью.

– Да, я вчера твоего знакомого Олега на совещании встретил. Он, оказывается, глава округа. Крутой мужик...

– Да, он уже третий срок главой. Среди наших студентов он один удержался на своём посту.

– А ты его хорошо знаешь? Как он?

– Я не знаю, что вас интересует, но, думаю, у вас будет возможность спросить у него всё, что вы хотите, лично. Вы ведь сейчас в Союз, вот там встретитесь и спросите всё.

– Спрошу, спрошу, как ты себя вела на учёбе...

– Счастливой вам беседы, любопытный вы наш.

– Ладно, я ушёл, позвоню.

Я допила свой кофе и поспешила в номер. День обещал быть трудным. Первое, что я решила сделать, – это поспать часок, а затем сделать асаны для того, чтобы привести себя в рабочее состояние. Первое, что я увидела, открыв дверь моего номера, – это большой и красивый букет розовых роз, которые стояли на столике возле кровати. Олег, опять Олег. Умеет он быть галантным кавалером. Пока я была у него, его помощник принёс и оставил у меня в номере эти цветы (вот какое поручение Олег давал ему вечером). Ну да ладно – спать.

Я поспала один час и принялась за асаны. Тело послушно принимало давно заученные позиции йоги. В голове пустота и тишина в мыслях – это то, что надо, иначе не получить нужного эффекта – энергетического баланса и трансформации энергий.

Я чувствовала лёгкость и свежесть во всём теле, абсолютная свобода и ясность мыслей, никаких эмоций – вот теперь я готова работать. Место интервью я назначила в холле гостиницы – в зимнем саду. Отличное место для разговора, отсутствие людей в это время и прекрасный интерьер, на фоне которого получатся замечательные фотографии для журнала. Я позвонила шефу и сказала, что через 10 минут буду ждать его в холле, чтобы ещё раз проговорить всё, что касается интервью. Сказано – сделано. Я отправилась в холл. Оказалось, что мы с шефом почти одновременно покинули

номера. Мы встретились у лифта. Выглядел он вполне респектабельно, но самый лучший «респект» – это его глаза. Они собьют с толку любую «акулу пера» женского рода. А именно такую мы и ждали.

«Хорош» – подумала я про себя. Сладенький, как рождественский пряник, а значит, всё пройдет гладко и «без укусов».

– Вы, Борис Михайлович, журналистку пригласите кофе попить после интервью – так, я думаю, приятнее будет и для неё, и для нас. Но кофе вы попьете вдвоем, хорошо?

– Только кофе предложить или ещё чего-нибудь поинтереснее?

– Берегите свой цветущий организм, мой пылкий друг. Ей достаточно будет взглянуть в ваши небесно-голубые глаза, она утонет и будет жаждать общения с вами, главное, чтобы не забыла, зачем пришла. Вы сегодня отлично выглядите – так что ловите момент и наслаждайтесь обаянием, а пользоваться им будете позже, когда всё сделаем.

– А на тебя моё обаяние действует?

– Конечно, просто еле сдерживаюсь от броска на вашу пламенную грудь! Шутка!!! Я пылаю к вам отеческой любовью и не более – служба, знаете ли, не позволяет. Но вы просто супер!

– Служба – это в рабочее время, а после работы...

– Ох, сударь, так у меня ненормированный рабочий день. Да и зачем вам заурядная престарелая дама, когда вокруг

столько молодых особей жаждут вашего тепла и близости. Я уж воздержусь...

– Воздержание плохо отражается на организме и на работе – знаешь...

– Ну мне это не грозит пока. О, какая к нам прелесть с микрофоном идет – работаем...

Симпатичная молодая дама, элегантно одетая и явно не обременённая комплексами, подошла к нам, и мы начали общение. Фотограф был доволен местом и освещением. Работа кипела. Общение проходило легко и без неожиданностей. Шеф был само очарование, и это отражалось на общении. После интервью мы дружно отправились в кафе. Я под предлогом, что мне надо забрать в номере документы для новой встречи, оставила шефа с журналисткой – пусть пофлиртует. Лучше статья получится... Но времени на флирт немного – через час надо на другую встречу, а до неё надо дойти ещё.

Через 10 минут я уже была в кафе и забрала шефа от очаровательной корреспондентки, которая явно хотела продолжения банкета. Мы шли в агентство, которое было недалеко от нас. Там мы должны были решить, подходят они нам или нет. Я уже встречалась с ними, и они не произвели на меня впечатления, но шефу настоятельно рекомендовали их, и он решил сам переговорить о всех тонкостях сотрудничества. Разговор получился нудный и напыщенный. Директор агентства рассказывал, какие они профессионалы, и обещал золотые горы и скорые победы – бред полный. Пока шеф де-

лал вид, что что-то понимает в социологических выкладках, которые ему показывали, я вышла в приемную попить воды. Я общалась с секретарём. В приемную заходили и выходили люди – что-то брали, о чём-то спрашивали – работа кипела. Посреди этой суматохи в приёмную вошёл мужчина. Он был явно не из этой конторы. Поздоровавшись, он спросил, есть ли здесь специалисты по изготовлению веб-сайтов. Ему ответили, что таких специалистов у них нет. Это озадачило посетителя, и мне стало его жалко. Он явно не рассчитывал на такой ход событий. Я решила вмешаться и хоть как-то смягчить ситуацию.

– Извините, а какой сайт вы бы хотели сделать и на какие сроки вы ориентируетесь?

– Добрый день! Я хотел сделать сайт общественной организации. Он должен быть мультязычным, а сроки можно обсуждать.

Тут вступила секретарь:

– Вам повезло. Ольга – специалист по веб-технологиям и пиару. Ольга, возьми клиента, а то мы правда сейчас не можем. Цены наши – работа твоя, идёт?

– Давайте обменяемся визитками и телефонами, а вечером созвонимся и обсудим ваш сайт. Я сейчас на встрече, и мне надо возвращаться на переговоры.

– Замечательно, вы очень меня обнадежили. Кстати, меня зовут Рамул Михайлович, но для вас, Ольга, можно просто Рамул. Вот моя визитка, там есть мой мобильный телефон.

Буду ждать вашего звонка.

– Отлично, тогда созвонимся. Извините, мне действительно пора возвращаться.

Я вернулась в кабинет, где шеф решал вопросы финансирования выборной компании. Тема эта меня мало касалась, и я сидела и рассматривала визитку, которую мне только что дал Рамул. И в стиле оформления визитки, и в нём самом чувствовалась основательность и претенциозность. Он странным образом напоминал мне Олега. Даже золотые часы на его руке были той же фирмы, что и у Олега... Наверное, я слишком много думаю об Олеге, вот он мне во всех мужчинах и мерещится. К моей радости переговоры медленно, но верно подходили к концу. Шеф сказал, что сообщит решение чуть позже, и мы отправились в обратный путь.

Мы вышли на переполненную людьми улицу. Все куда-то спешили, ничего не замечая вокруг, а снег летел и не замечал, что его не замечают. Он был свободен, а все вокруг – нет. Я уже должна была ехать на встречу с Геннадием. Шеф поспешно вернулся на совещание, а я нырнула в душное и шумное метро. Через 30 минут я уже была у Геннадия.

Он пригласил меня в свою столовую. Секретарь принесла нам чай и бутерброды – это было как нельзя кстати. Геннадий изучающе посмотрел на меня и улыбнулся.

– Ну как себя чувствуешь? Ночь-то, я вижу, была бессонной...

– Что, плохо выгляжу?

– Нет, выглядишь на все сто, молодец...

А вот сексуальную чакру прикрой, а то у мужиков, которые сейчас придут, мозг работать не сможет.

Сказано – сделано. Шесть вдохов и выдохов – порядок. Теперь общение будет деловым, хотя и флирт иногда пригодится.

– Сейчас приедет один парень – он главный в «бригаде разбора», вот с ним и надо найти общий язык.

– Я примерно прикинула, что можно сделать, и вот – посмотри. Это описание целей и задач вновь создающейся общественной организации. Она призвана, как Робин Гуд, помогать и поддерживать бизнесменов, в том числе и от прозвола чиновников разного ранга. В общем, вот моё предложение. Здесь всё подробно описано, вплоть до устава и заявления о вступлении в эту организацию.

Пусть выйдут из тени, а я им помогу в этом.

– Да... ты молодец! Ход отличный. Встать во главе процесса и разрушить его – отлично.

Они клюнут!

– Надеюсь... Да мне ничего особенно разрушать не надо. Мне бы из-под удара шефа своего голубоглазого вывести. Очень мне его жаль – он пешка в этой игре. Да и вообще...

– Аккуратнее насчёт вообще... Я уже тебе говорил – он только для себя выгоды и удовольствия делает, а ты нафантазируешь себе и будешь локти потом кусать.

– Ясно – я и не фантазирую, просто нравится он мне, как

хитрец этакий. Профессиональный интерес.

– Ты кому сейчас сказки рассказываешь? Я предупредил, а твоё дело – обойти эти грабли или на них наступить... Ладно. Давай я сам покажу этому парню твоё творение, а ты расскажешь то, что его заинтересует.

– Отлично, так точно всё пройдёт гладко.

– Завтра у тебя последняя ступень «посвящения». С утра приезжай. И выпишись обязательно.

– Постараюсь.

В комнату вошла секретарь и сообщила, что пришёл посетитель.

– Пойдём в кабинет, это наш приятель. Его зовут Руслан.

– Ну, с Богом!!!

Мы вошли в кабинет и пригласили посетителя. Это был молодой человек спортивного телосложения. Геннадий представил нас друг другу. Руслан был сдержан и немногословен. Его манера поведения указывала на то, что он уверен в себе и в своих силах.

Геннадий рассказал о моём предложении и показал устав. Руслан заинтересовался, но оставил решение этого вопроса на вечер. Он обещал перезвонить и сказать о своём решении.

В ходе беседы я узнала, что водка, которую конфисковали, была нормальной, но кто-то захотел обложить их «данью» за работу на этой территории, и это ответ на их «несговорчивость». Я видела документы, фотографии, слушала аудиозаписи, которые были сделаны потерпевшей стороной. На во-

прос: «Как я могу объяснить поведение моего шефа?» – я ответила, что я сама видела, как проходило подписание этого документа. Шеф был пьян, и ему подсунули этот документ и ещё один, подтверждающий уничтожение водки. Он подписал только разрешение на хранение на складах, а другой документ не стал подписывать, сказал, чтобы сами с этим разбирались. Шеф ещё просил пригласить прессу на утилизацию, чтобы все видели и не было разных слухов. Я взяла с собой запись с видеонаблюдения и показала её Геннадию и Руслану, потом показала записи хронометража рабочего времени того дня. Всё встало на свои места. Руслан сказал, что он расскажет всё «кому нужно», но мне придётся повторить всё это при необходимости.

Я сказала, что готова это сделать, и очень сожалею о случившемся. Геннадий посоветовал Руслану держать со мной связь, и мы обменялись номерами мобильных телефонов. Руслан забрал копии моего предложения и поспешил к «кому надо».

Мы с Геннадием остались одни.

– А ты хорошо работаешь с чакрами и энергиями. Я прямо любовался, как ты его «прошила».

– Учитель хороший у меня, вот и научилась, знаете ли...

– Да, пора тебе посерьёзнее задания давать. Ну очень мне сейчас всё понравилось, браво!

– Сейчас что будем делать?

– У меня два посетителя. Одного я возьму, а другого –

ты. И ещё один дяденька должен прийти – у него жена раком заболела. Я его возьму, а ты посмотришь.

– Хорошо. Где клиенты?

– Сейчас приглашу. Твой кабинет рядом. Надеюсь, справишься?

– Постараюсь, учитель...

Мы обменялись улыбками, и я ушла в соседний кабинет. Он был таким же пафосным, но в нём не было алтаря. Я сидела на кресле, любовалась интерьером в ожидании клиента.

Вошла женщина. Она, видно, нервничала. Взгляд её был настороженный и боязливый. Интерьер кабинета явно подавлял её и ввергал в тихую панику. Я пригласила её присесть напротив и предложила травяной чай, который всегда есть у Геннадия на приёмах. Это слегка смягчило ситуацию. Я видела, что женщина ожидает от меня чуда. Ну что ж, не будем её разочаровывать... Я «считала» с неё всю информацию, которая её тревожила, и начала...

– Вы пришли сюда, чтобы услышать ответ на вопрос, будете ли Вы вместе со своим любимым человеком, так?

– Да... Мы уже долго встречаемся. Он приезжает ко мне из другого города. Но ясности нет.

– Вы замужем и живёте с мужем только из-за сына. Ваш избранник тоже женат, у него хорошая карьера и он очень дорожит ею. Он через год переедет в ваш город и будет жить и работать там – со своей семьёй. Жена для него как мать. Она сделала его таким, какой он есть сейчас. Он никогда от

неё не уйдёт. Вы хотите с ним встречаться, но он не может, так как болен.

– Да, он мне это говорил. Но у Бориса появилась другая женщина, мне сказали. Он даже сюда с ней приехал.

Ох, как тесен мир... Надо же, в Москве, кажется, встретила пассию моего шефа. Но надо уточнить.

– Ваш Борис Михайлович действительно болен, а вот насчёт пассии вы ошибаетесь.

Он думает о Вас, а она – его телохранитель, не более того. Просто люди придумывают сказки, а вы в них поверили. Ему сейчас нужно тепло и сострадание. Вы огорчены, что ваша близость перестала быть пылкой. Но это пройдёт через год. Всё будет хорошо, если вы вытерпите.

– А его и правда зовут Борис Михайлович...

– Ну на этом правда не заканчивается. Всё, что я вам сказала – правда. Большая просьба: заберите заявление о разводе. Это неверный шаг. Вы всё теряете и ничего не приобретаете. Борис – это ваша любовь, но не ваша жизнь... Вы понимаете меня?

– Наверное, вы правы. Я ведь пришла, чтобы приворожить его и чтобы он остался только моим.

– Вы погубите его, если сделаете это. Вы похожи на ребёнка, которому подарили котёнка, и он от переполнявшей его радости так придавил его, что чуть не задушил... Вы этого хотите? Если вы его любите, то доверяйте ему и поддерживайте, а не душиите в объятиях.

Кстати, у вас скоро появится молодой и очень привлекательный друг. Так что ваш Борис отойдёт на второй план. Через два месяца ваша жизнь изменится к лучшему, но Борис в ней останется, возможно, как друг, хотя... Вы сами это решите. Надеюсь, я смогла вам помочь?

– Да, конечно. Спасибо вам. Я ведь знаю, что привороживать – это грех, но я уже не знала, что делать...

– Да что тут делать... позвоните ему и пригласите просто прогуляться. Погуляйте, сходите в кино или в театр, а потом по домам – как в детстве... Он растерян, вы огорчены. Самое хорошее лекарство – это длинная и красивая прелюдия в ваших отношениях. И когда он говорит: «Я тебя когда-нибудь убью» – это его признание в любви... Такой уж он человек...

Но надо подождать... Красота отношений скрасит это ожидание, поверьте...

– Спасибо вам большое. А можно, я буду у вас консультироваться? Мне иногда так надо с кем-то поговорить...

– Хорошо. Секретарь вам даст мой номер телефона. Удачи вам!

Дама покинула мой кабинет, а я осталась с неммым вопросом: что это было??? Не может же всё так совпасть... Хотя в жизни всё бывает. Мои мысли прервал Геннадий.

Он остался очень доволен, что посетительница, окрылённая, вышла из кабинета и дала очень большие чаевые секретарю, которая предоставила ей мой номер телефона и преискусант цен на обслуживание.

– Ты сегодня в ударе, Ольга! Вот что значит хорошо провести время... Ну, пойдём, там последний посетитель пришёл. Я буду работать, а ты смотри.

Я села за ширмой, которая была в кабинете Геннадия. Отличный наблюдательный пункт. Буду учиться у мастера...

В кабинет зашёл мужчина средних лет. Он пользовался таким же парфюмом, как Олег. Мужчина сел напротив Геннадия, и я увидела его лицо. Это был... Рамул. Тот самый Рамул, с которым мы познакомились в пиар-агентстве. Он пришёл, чтобы узнать, как можно спасти свою жену от рака. Он готов был на любые расходы, но утешить его было нечем. Она проживёт ещё 3 года – это единственная хорошая новость. Врачи сказали Рамулу, что она умрёт через 3 месяца, так что новость о том, что время ещё есть, обнадежила его. Он поблагодарил Геннадия и ушёл.

– Что сегодня за день такой странный. На приём приходит любовница шефа... У тебя на приеме сейчас был мужчина, с которым я 2 часа назад познакомилась в агентстве... Сайт ему нужен для компании. Это что за совпадения такие, а?

– Завтра твое «Посвящение» – последняя ступень... Вот жизнь и выстраивает новые параллели для новой жизни. Со мной тоже так же было. Как-нибудь расскажу. А сейчас давай я тебя подвезу в гостиницу – мне в тот район по делам надо заехать.

– Да уж был денёк... Поехали, пора предаться забвению и лёгкому разврату, а то мозг закипит.

– Поехали, развратница ты наша. Силы оставь на «Посвящение»...

– Ну если у меня сегодня сил хватило, то завтра точно всё будет хорошо. Да и второй день – не первый...

– Это точно... Второй – не первый... Опытная ты, однако... Шутки шутками, но ты всё-таки поспи, а то сердце посадишь. Ты ведь ещё не выздоровела полностью?

– Полностью здоровые люди бывают только в морге... А если болеешь, значит, живой!

– Ладно! Вот и приехали. Береги себя! Привет Олегу.

– Спасибо! До завтра!

Красивый «Феррари» скрылся в бесконечном и нескончаемом потоке машин, а я, как летящий и танцующий снег, была свободна и легка от предчувствия приятного вечера с Олегом.

Я поднялась к себе в номер и набрала телефон Олега. Мы договорились, что через час встретимся и поужинаем где-нибудь. У меня был час, и я решила использовать его с толком. Я позвонила шефу. Он попросил меня зайти к нему в номер. Я взяла с собой мобильный телефон и пошла к нему. Только взглянув на него, я поняла, что ему плохо.

– Лекарства у Вас с собой?

– Да... А ты укол сделаешь?

– Сделаю, конечно. Ложитесь.

Я достала лекарства из коробки и начала набирать в шприц. Руки мои дрожали. Это последствие ранения, теперь

так будет всегда...

– Чего у тебя руки дрожат? Ты, что, боишься?

– Они у меня всегда дрожат, не обращайтесь внимания. Я же вам говорила – я старая, больная черепаха... И вышла я уже из того возраста, когда мужчин боятся... Вот и всё – готово. Скорая интимная близость со шприцем закончена... Но всё равно полежите ещё чуть-чуть, а я вам буду рассказывать всякое.

– Ох и язык у тебя, Ольга!

– Я сегодня встречалась с представителем «водочников» и наладила дружеские контакты. Подробности опустим, но итог таков – он поверил, что вы «не при делах» в этой истории. Хотя мне ещё придётся поубеждать других его партнёров, но начало есть. Для меня главное – взять официальное заявление от них, что они к администрации и лично к вам претензий не имеют. Вот над этим и будем работать.

– Это хорошая новость. А я сегодня так устал, что очень не против, чтобы ты сделала мне массаж. Сделаешь?

– Конечно. С большим удовольствием. Может, чай сделать или заказать что-нибудь съедобное? Вы, наверное, ничего сегодня не ели?

– В этом кафе только кофе съедобен, а остальное так себе...

– Хорошо, я сейчас сбегаю к себе, у меня колбаса есть и хлеб. Отличный ланч получится.

– Тащи свою колбасу, и можно без хлеба. Чего вкус пор-

ТИТЬ.

Я вышла, сбегала в номер и взяла все съестные припасы.

– Вот, с голоду не помрём! Колбаса – друг человека.

– Это точно!

Мы пили чай и разговаривали о предстоящем дне. Я рассказала, что завтра у меня ответственный день, и первая половина его будет занята. Шеф рассказывал, что интересного было на совещании и вообще за день. Лекарства начали действовать, и шеф повеселел. Слегка помассировав верхнюю часть спины, я начала массировать голову. Лишь прикоснувшись, я чётко прочла мысль, которая гнездилась в голове Бориса Михайловича. Банальная ситуация – двое в комнате, зеркала, тусклый свет, большая кровать... Да ещё и массаж. Мысль была, но действий ещё не было... Значит, надо опередить события. Я перестала делать массаж и просто держала его голову в своих руках. Он терпеливо ждал. Я прошлась по точкам, которые отвечали за активность и иммунитет. Надо было что-то делать. Спасение пришло – зазвонил мой мобильник.

Олег освободился и собирался зайти за мной в номер и отправиться на вечерний променад. Я распрощалась с шефом, сказав, что сейчас подъедет мой родственник и я поеду в гости. Шеф попросил номер моего телефона. Он был очень удивлён – откуда у меня мобильник... Я пообещала вести себя пристойно и отправилась в свой номер. Олег уже через пару минут был у меня. Мы решили поужинать в украинском

ресторане, а потом вернуться в гостиницу и провести этот вечер в номере Олега. Он уверял меня, что у него есть для меня сюрприз, который он мне покажет после ужина.

Ресторан находился недалеко от гостиницы, и мы пошли пешком. Вечерело. Улицы были залиты светом фонарей. Суэта и гомон разливались по улицам, заполняя собой всю Москву. Люди спешили домой. А мы с Олегом никуда не спешили... Мы шли, взявшись за руки, и наслаждались морозным воздухом. Снега не было. Ему надоело смотреть на всю эту круговерть, и он оставил людей наедине со своими заботами и серостью жизни.

Олег рассказал, что у него сегодня был очень тяжёлый день, и он томится в ожидании момента, когда мы окажемся у него в номере. Я тоже была не прочь закончить прогулки по серым от суеты и слякоти улицам. Поужинав, мы той же дорогой вернулись в гостиницу и поднялись в номер Олега. Усталость брала верх. Мы упали на шикарную кровать и долго лежали молча. Олег явно хотел что-то сказать и подбирал слова. Я уже давно прочла его мысли и ждала... Как же громко думают мужчины... Ладно, буду изображать полное неведение. Олег наконец решил заговорить:

– Оленька, может, тебе переехать жить поближе ко мне? Я отправил свою семью в Израиль. Жена там хочет жить, а я – здесь. Я езжу к ним раз в месяц на недельку.

Может, ты согласишься возглавить местное телевидение – мы сейчас свой канал запускаем. Ольга, я очень хочу быть

с тобой – прошу тебя...

– Олег, я не могу бросить свою маму. Она у меня очень больна. Она без меня не выживает – понимаешь? Я готова приехать и помочь тебе запустить канал, подобрать персонал и консультировать по всем нужным вопросам, но переехать я не могу – пока...

Я знаю, ты меня поймёшь... Я обещаю, что буду приезжать к тебе, но жить в твоём округе я не могу. Рано или поздно всё откроется, и это может повредить и тебе, и карьере.

– Я готов уйти со своего поста. Я уже подготовил себе место в региональном банке. Ты за меня не переживай. Мать свою ты можешь забрать с собой – она ведь всё знает... Квартира есть – я хоть сейчас дам тебе ключи, вот они – смотри. Я много думал сегодня и решил, что так будет хорошо нам обоим.

– Давай начнем с того, что я к тебе приеду в июне. У меня будет отпуск, и мы можем провести какое-то время вместе. Я обещаю, что буду говорить тебе о своих командировках, и мы сможем встречаться ещё чаще. Да и кандидатскую диссертацию мне надо закончить – я ведь контракт подписала с администрацией на социально-психологические консультации. Давай не будем торопить события.

– Оленька, котёнок мой, я так хочу заботиться о тебе, видеть тебя, целовать, засыпать и просыпаться в одной постели. Как я этого хочу!!!

Поцелуй, страстный и продолжительный, завершил наши

дебаты. Вновь всё завертелось в нежном и страстном танце любви. Олег явно хотел сразить меня своим профессионализмом и разнообразием в любовных утехах. Он был так убедителен и напорист, что я не могла, да и не хотела этому напору страстей оказывать сопротивление.

Это был не просто секс – это была любовь... Мы уснули под утро, держа друг друга в объятиях. Время неумолимо – утро наступило вперемешку с нежными поцелуями и крепким кофе. Как же сильно привыкли мы к друг другу. Так тяжело было думать, что уже завтра нам придётся расстаться. Жизнь – колючая и холодная, поджидала нас и расставляла свои капканы. И ему, и мне сейчас важна карьера. Эмоции – это эмоции, а жизнь диктует свои законы. Мы распрощались до вечера. Олег был немного расстроен, что я не согласилась на его предложения, но он не из тех, кто отступает. Надо ожидать ещё чего-нибудь... Было 8 утра, когда я вошла в кафе. Никого. Я заказала завтрак и собиралась позвонить шефу, но он сам зашёл в кафе и присел ко мне за столик.

– Доброе утро! Что, не спится? Ты давно здесь?

– Доброе утро! Нет, я только что пришла. Давайте позавтракаем, а то потом опять круговерть жизни лишит нас возможности нормально питаться.

– Я вчера в театр ходил вечером. А ты чем занималась?

– Да так, семейные посиделки и разговоры о жизни нашей брэнной. Ничего интересного.

– Это тоже надо. А ты успеешь мне шею помассировать,

очень болит с утра?

– Да, сейчас позавтракаем и займёмся вашей шеей. А потом я уеду к Геннадию.

– Давай сегодня прогуляемся после обеда, а то я свежего воздуха уже два дня не вижу.

– Хорошо. Я освобожусь и сразу позвоню. Давайте, я посмотрю шею.

Я нажала на несколько биологически активных точек, и боль отступила. Трёх минут хватило для решения этой задачи. Мне нужно было торопиться, и я, распрощавшись с шефом, поехала к Геннадию. Улица встретила меня изморозью. Колючей и противной.

Метро – вот моё спасение. Люди, суета, но это всё же лучше, чем эта противная и колючая субстанция. На душе была какая-то непонятная печаль и пустота. Может, это естественное состояние изменения, а может, предложение Олега так подействовало на меня. В любом случае меня ждёт трансформация. Жизнь моя изменится, и места для Олега в этой новой жизни нет. Заблудила, заблудила, заблудилась я... Надо всё выкинуть из головы, иначе что можно налить в полный стакан? Пустота – вот что мне сейчас нужно. «Посвящение» – это обряд обретения силы, и глупо было бы испортить всё эмоциями. Нет, слишком долго я шла к этому. Я смогу пройти его...

К офису Геннадия я подходила с полной готовностью к предстоящим действиям. Дверь открылась, и я вошла

внутри. В офисе был только Геннадий. Мы поздоровались и отправились в кабинет. Во всех подсвечниках горели свечи, камин был зажжён и потрескивал, создавая свою, особую мелодию. Геннадий надел мантию и взял с алтаря книгу. Я стояла на коленях перед алтарём. Геннадий начал читать молитву Посвящения.

Реальность как будто разверзлась на множество частиц, звуки молитвы были где-то далеко, в груди жгло. Печаль и пустота наполнили меня до краев, и вдруг... вспышка света, мягкого и всепоглощающего. Я увидела поляну, покрытую мягким ковром из травы и мелких полевых цветов. Поляну разделял ручей. Его вода была голубоватого цвета. От неё веяло прохладой. Абсолютное спокойствие наполнило меня, вытеснив всё... Я созерцала картину и понимала, что переходить этот ручей нельзя – это граница миров.

Вдруг картина как-то плавно изменилась. Белое свечение окутало и поглотило всё. Какая-то неведомая сила вливалась в меня. Она пронизывала меня и витала вокруг. Состояние блаженства – вот что доминировало в пространстве и времени. Это продолжалось недолго. Вдруг яркая вспышка, как будто молния разрезала пространство, и я почувствовала, как холодный клинок ритуального меча лёг на мою голову. Свершилось... Геннадий заканчивал церемонию. Он передал ритуальный меч мне. Теперь он мой – моя защита и оружие от вражеских посягательств. Им можно пользоваться только в крайнем случае. Далее Геннадий вручил мне риту-

альный нож для повседневного магического использования. Я произнесла клятву и благодарность за обучение. Всё – Рубикон переяден, последнее Посвящение пройдено. Я могу иметь своих учеников и практиковать самостоятельно. Мы завершили ритуал и, покинув кабинет, отправились в комнату отдыха. Там был накрыт стол для чаепития. Геннадий был доволен, что всё прошло без помех и шероховатостей. Мы обменивались впечатлениями, которые испытывали во время ритуала. Геннадий рассказывал о своём Посвящении и своих видениях. Беседа была достаточно радостная и оживлённая, приправленная хорошей порцией юмора. Мы пили чай и наслаждались событием, которое было одинаково значимо и для меня, и для Геннадия. И среди всего этого пиршества Геннадий вдруг замолчал на мгновение, а затем начал говорить серьёзным тоном:

– Ольга, я собираюсь покинуть Россию. Моя семья уже в Испании, и я собираюсь уехать туда через полгода. Я хочу, чтобы ты встала на моё место и возглавила Орден. Ты можешь приступить уже с этого месяца. Мы будем работать вместе, и я передам тебе все дела. Когда я уеду, то ты будешь работать одна – прибыль 30% твоя. Что скажешь?

– Это очень неожиданно. Мне негде здесь жить, да и мать я оставить не могу. Она очень больна, и я всё делаю, чтобы она была счастлива. Это мой долг. Я могу попробовать работать у тебя несколько дней в месяц, и ты посмотришь, смогу ли я. Да и время нужно – подзаработаю на домик в Подмос-

ковье, куплю и перевезу туда родителей, вот тогда я смогу работать в полную мощь. Ты можешь дать мне время?

– Дам... Только не тяни с этим. Мой отъезд теперь зависит от тебя. А теперь мы с тобой поедem в одно «серое» заведение на Старой площади. Я должен представить тебя. Тебе сделают предложение – отказываться от него нельзя. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Ого! А что от меня потребуется?

– Тебя протестируют, потом побеседуют, а потом... если их всё устроит, сделают предложение о сотрудничестве... Они редко беспокоят, так что тебе это не принесёт никаких неудобств. Рассказывать об этом никому не надо. Ну что, поехали?

– Как будто у меня есть выбор... Поехали...

По странному стечению обстоятельств мы очень быстро приехали к назначенному месту.

Геннадий позвонил кому-то, и вскоре за нами пришёл человек, который проводил нас в лабораторию. Мне дали несколько заданий, которые я выполнила без особых затруднений, затем пришёл мужчина, который долго беседовал со мной и задавал вопросы о моих способностях. Я отвечала и чувствовала, что это ещё не всё. После беседы на стол к мужчине принесли документы. Это был контракт и подписка о неразглашении. Меня уверили, что не будут без крайней необходимости беспокоить меня, а при необходимости готовы мне помочь. Вот так я снова начала «служить» – неждан-

но-негаданно. Меня сфотографировали и выдали удостоверение консультанта этого учреждения. Мне было даже немного весело – расту по службе...

Когда мы закончили с формальностями, было уже 3 часа дня. Геннадий подвёз меня к гостинице и поспешил в офис. Мне полагался заслуженный отдых – «война войной, а обед по расписанию». Я поднялась к себе в номер и позвонила шефу. Он был у себя в номере.

Как и договорились утром, мы собрались и пошли гулять в Александровский сад. Там и пообедаем где-нибудь. Борис Михайлович был расположен к рассказам, а я была благодарным слушателем. Мы бродили по аллеям, запорошенным снегом, погода благоволила к прогулке. Мне было приятно так гулять. Отличные отношения – без обязательств и запятых. Казалось, что мы давно друг друга знали. Я часто ловила себя на мысли: «Неужели он может быть подлым?» Хотя артистизм явно прослеживался в его поведении, но он казался убедительным. Если бы не моё умение «читать людей», то я бы поверила во все его рассказы о своей трудной жизни и несчастной любви. Кстати, несчастная любовь его и сделала таким. Если бы не она, он был бы обычным прорабом и ничего никому не доказывал в этой жизни. А сейчас он доказывал – себе, другим, а главное, ей, что он лучший, он особенный. Вот где движущая сила его поступков, которые часто заходят за рамки приличия, но завуалированы благородными порывами и намерениями. Женщины для него – лишь

материал для создания мифа о своем мужском обаянии и сексуальной привлекательности. Слухи – вот что надо, чтобы она узнала...

И всё же сейчас я просто слушала и сопереживала ему. Я просто отдыхала... Мы гуляли, и я поймала себя на мысли, что он не собирается приглашать в ресторан, а ждёт дальнейшего развития событий. Ларек с хот-догами его вполне устраивал. В кармане моей куртки зазвонил мой новенький серебристый телефон. Звонил Рамул. Он приглашал пообедать и обсудить сотрудничество – отличный повод прервать затянувшуюся прогулку. Я сказала, что буду ждать его возле Манежа. После этого я извинилась перед шефом и направилась в сторону Манежной площади, к которой через 15 минут должен был подъехать Рамул. Шеф явно не ожидал такого развития событий, возможно, у него был какой-то свой план, но «кто не успел – тот опоздал»... Рамул предугадал моё желание – вот в чём разница. Шеф всегда руководствовался своими желаниями, а Рамул предугадывал мои желания. Мелочи для меня имеют огромное значение. Я складываю из них общую картину. Жизнь часто даёт подсказки именно незаметными, мелкими или едва заметными штрихами. Этот еле заметный штрих я и уловила сейчас.

Интересно, что же будет дальше...

Отойди

Рамул оказался очень интересным собеседником и галантным кавалером. Мы долго беседовали на разные темы,

а потом он подвёз меня в гостиницу. Договорились созвониться и продолжить общение. Я собиралась подкорректировать ещё кое-что в его сайте и познакомить его с нужными людьми. Мы расстались, и я тут же юркнула в гостиницу. Забрав к себе в номер, я услышала звонок телефона. Схватила трубку – молчание. Что-то оборвалось у меня внутри. Что случилось, откуда этот страх и безысходность? Скорее бы домой. Я позвонила маме. Всё было в порядке, но на душе было тоскливо и холодно. Хотелось тепла и защиты, но от чего, от кого – это вопрос, который прямо-таки мучил меня.

Пойду в кафе и выпью горячий шоколад, может, полегчает и всё улетучится. Видеть никого не хотелось. Может, я просто устала, но откуда эта смертельная пустота? Что со мной?

Я сидела в кафе, глотая горячий шоколад, как таблетку аспирина. Ничего не помогало. Я выключила свой сотовый телефон и решила побыть одна. Надо прийти в норму и разобраться с собой и своими ощущениями. Редко у меня такое бывает, что же это?

Одиночество было недолгим. В кафе вошёл шеф.

– Ольга? Как дела? Ты выглядишь усталой. Совсем заработалась. Я звонил тебе на мобильный, он не работает.

– Да, батарейка села.

– Ты что планируешь сегодня вечером? Завтра улетаем.

– Ничего не планирую, только чашка горячего шоколада и покой.

– Давай прогуляемся. Воздух пойдёт тебе на пользу, я ду-

маю.

– Хорошо, но я буду скучным попутчиком.

– Ладно, разберёмся. Пойдём подышим.

Мы вышли в коридор и направились к своим комнатам, чтобы накинуть пальто и взглянуть на вечерний, уставший город.

Всё было для меня покрыто толстым слоем безразличия и пустоты. Кажется, я смотрела на всё происходящее со стороны.

Мы уже шли к лифту, когда Олег появился нам навстречу.

– Одногруппник...

– Ты куда, Ольга? – спросил Олег.

Уже вроде поздно для прогулок?

– А ты разве не улетел?

– Самолёт задержали. Мой вылет завтра утром. Ты позволишь мне, как освободишься?

– Мы сейчас в гости собрались. Борис Михайлович к своим друзьям, а я – к своим родственникам. Наверное, сегодня уже не приеду. Меня завтра в аэропорт от дяди отвезут.

– Отойдём, пожалуйста, Ольга.

– Извините, Борис Михайлович, я скоро.

Мы отошли. Олег смотрел на меня с недоумением:

– Что случилось? Ты обиделась? Почему ты уезжаешь?

– Я правда обещала дяде заехать в гости, извини...

– Поцелуй меня, тогда поверю...

– Ну негоже даме первой целоваться, сударь.

Олег обхватил меня в охапку и поцеловал. Я ответила ему сдержанно. Поправив его причёску и погладив его по небрированной щеке, я собиралась уйти, но Олег остановил меня.

– Ольга, что с тобой? Тебя что-то мучает? Скажи мне. Я же вижу.

– Мне действительно не очень хорошо, но я справлюсь. Нам надо идти. Пока!

– Я позвоню тебе завтра утром... И сегодня вечером. Может, ты всё-таки приедешь в гостиницу.

– Звони. Пока!

Олег ещё раз поцеловал меня, и мы расстались.

Шеф смотрел на это всё и явно был озадачен.

– Очень тёплые у вас отношения. Ну да ладно, пойдём гулять.

Мы вышли на улицу и сразу ощутили суматоху большого города. Было уже поздно, но город гудел от пробок, троллейбусов и спешащих куда-то людей. Всё это действовало на нервы. Мы медленно шли по улицам и беседовали о прошлой жизни, о семьях, об учёбе в академии, в общем, обо всём и ни о чём. Вдруг наша беседа свернула и стала плавно переходить к опросу.

– Ты вообще как долго замужем?

– Мы прожили вместе год, а потом разбежались. Решили пожить отдельно....

– А кто инициатор?

– Да так получилось... Я серьёзно приболела, а он не счёл

возможным быть рядом и перевёз мои вещи к моей маме... А потом я не захотела переезжать... Так и дружим...

– Да... А Олег? Вы с ним давно? Это серьёзные отношения?

– Мы с Олегом близкие люди, но отношения у нас как всегда в этом случае...

– Как это? А если ты останешься одна?

– Это звучит, как будто я останусь старой девой... Останусь... Старой, но не девой...

Мне сегодня кто-то позвонил в номер и молчал в трубку. У меня дурное предчувствие.

– Да, бывает. Чему быть, того не миновать. Ты ведь сильная, всё выдержишь.

Давай в парке погуляем.

– Давайте. Там сейчас красиво должно быть. Я очень люблю зимой по этому парку прогуливаться.

– А ты романтичная натура, Ольга. У тебя в нашем городе есть мужчина, который бы о тебе заботился?

– Да! Его имя ПРОФСОЮЗ! Нет, конечно, это непозволительная роскошь. Мы с Олегом встречаемся на сопредельных территориях. Зато Вы числитесь у меня в любовниках, а я в Ваших любовницах. Так что общественность уравнивает ситуацию с моей личной жизнью.

– Это да!!! Моей жене постоянно рассказывают, что мы с тобой вытворяем...

– Ну хоть нормально вытворяем-то? А то не хочется ло-

хушкой прослыть.

– Нормально. Жаль, что формально. Шучу! Прямо завидно было на Вас с Олегом смотреть...

– Да не завидуйте – это просто игра. Взрослая игра в любовь. Ему так удобно, мне тоже, вот и всё. Все проходит, пройдёт и это.

– Ты, что, действительно так думаешь? Ты не хочешь его заполучить? У тебя точно мужской ум...

– Зачем мне его заполучать? Встретаться и жить – это две большие разницы... Ум у меня, может, и мужской, но тело точно женское... Я живая, и это факт. Темперамент южный, вот и весь ответ. А чего это Вы так моей личной жизнью интересуетесь? Слухи обо мне сверяете с истиной?

– Ну так, просто... Надо же мне знать о человеке, который находится большую часть времени со мной.

– Я месяц назад оформила развод со своим мужем. Нет смысла быть привязанным друг к другу формальностями. Я точно знаю, что к нему не вернусь. Олегу я про это не сказала, а то подумает ещё, что из-за него разошлась. Хотя... Если честно, то я думаю, что я ему интересна, потому что до сих пор «непокоренная вершина». Секс – это не победа, а только участие. Если бы я бегала за ним, как все его женщины, он давно уже потерял бы ко мне интерес.

– Странно, что ты так прагматично оцениваешь свои любовные отношения. Часто человек сам себе не может в этом признаться, а не только вот так вслух сказать. Ты, что, ниче-

го к нему не чувствуешь?

– Это страсть и не более, и я это знаю. Зачем себя обманывать. Конечно, хочется напридумывать себе всего, но лучше вовремя остановиться, чтобы не испортить послевкусию этих отношений. Я хочу, чтобы между нами осталась страсть и притяжение, поэтому не иду дальше, чем эти отношения. Если я почувствую, что больше не могу себя контролировать, то просто прекращу всё. Без ругани и шума, просто исчезну – и всё. Всё закончится... Останутся только воспоминания и свобода. Согласитесь, что это очень ценно для каждого человека. Главное – уйти красиво...

– Да... Значит ли это, что ты совершенно свободно смотришь на секс? Ну, я не имею в виду распушенность, а просто случайные связи.

– Нет. Я очень консервативная дама. Меня надо завоевывать. Я романтичная и обидчивая, ранимая натура, которая прячется под суровой и холодной маской прагматичности. Надо умудриться, чтобы мне захотелось поддерживать отношения.

Ради куража я могу позволить себе расслабиться, но дальше дело не пойдёт.

Ну вообще-то я не испытываю проблем с мужчинами... Думаю, что нам надо сменить тему и поговорить лучше о Вас.

– А чего обо мне говорить? Ты и сама всё знаешь, я ведь тебе уже рассказывал.

Вот тебя я сейчас увидел совсем в другом свете...

– И как Вам эта сторона медали?

– А если ты полюбишь человека, ты что тогда будешь делать?

– Вопросом на вопрос отвечаете... Тогда я убегу за тридевять земель и постараюсь всё забыть.

– А если он тебя догонит?

– Ну пусть догоняет, тогда и будем думать... Я, кажется, дала исчерпывающие ответы на все ваши вопросы?

– Ты знаешь, о чём я сейчас думаю?

– Знаю... Громко Вы всегда думаете!!!

– А ты знаешь, куда можно пойти и посидеть в этот час?

– «Пекинская утка» – то что надо. И голод можно утолить, и обстановка приличная. Здесь недалеко.

– Пошли. А потанцевать там можно?

– Можно... Можно даже стриптиз заказать в ВИП-кабинке. Устраивает?

– Устраивает. Только я не хочу стриптиз. Я скромный парень, ничего не умею...

– Ну вот... А я-то размечталась... Тогда всё пропало...

От миссионерских позиций меня укачивает.

– Ну... умеешь ты обломать. Хотел прикинуться приличным человеком.

– Приличные люди в это время спят дома, а не бродят по Москве в поисках приключений. Так что вот. На приличных мы не тянем, значит, надо соответствовать имиджу – пошли

в разгул.

За всей этой болтовней я вдруг поняла корень моего беспокойства. Это мой муж. Он вёл себя неадекватно последнее время. Как только я это поняла, я почувствовала мертвецкий холод и ужас. Как будто что-то непоправимое случилось где-то. Хотелось кричать и спрятаться, но я делала вид, что ничего не происходит. Меня била дрожь.

Хотелось почувствовать себя защищённой. Хотелось, чтобы свежий снег покрыл всю эту грязь и слякоть, весь этот заляпанный и засаленный бытом мир. Хотелось убежать куда-то. Стоило больших усилий скрывать это состояние. Оставалось только одно – позвонить учителю и спросить, что происходит.

Я достала из кармана мобильный и набрала номер.

– Доброй ночи, Геннадий!

– Ну если ты звонишь, то не такая она уж и добрая для тебя... Что случилось?

– Я не знаю, что. Вернее, боюсь посмотреть. Но меня это сильно беспокоит. Мы сейчас с шефом в «Пекинскую утку» идём, ты не там случайно?

– Всегда поражался твоим способностям идти в нужном направлении. Когда зайдёте, скажи бармену, чтобы вас проводили ко мне. До встречи.

Шеф, кажется, всё же почувствовал моё состояние. Он приобнял меня за плечи.

– Всё будет хорошо. Ты сильная, ты выдержишь. Просто

не думай ни о чём сейчас, и всё...

– Спасибо. Мне действительно стоит уйти в отрыв, иначе я с ума сойду. Геннадий ждёт нас.

– Ну вот... Опять третий... Откуда он взялся?

– Просто стечение обстоятельств. Он мне сейчас нужен для делового разговора, так что совместим приятное с полезным.

Мы зашли в ресторан и прошли к бару. Бармен проводил нас в VIP-зону, где Геннадий уже ждал нас.

– Привет, гулёны!

– Привет! Ты чего, по ночам тоже работаешь, Геннадий?

– Бизнес, знаете ли... Да просто сегодня задержался, а тут ты позвонила... Ладно, давай оставим нашего друга наедине с меню, а я украду тебя потанцевать. Давно хотел потанцевать с колдуньей... Не скучайте, Борис Михайлович.

– Ну пойдём, колдун. Потом не жалуйся, что тебя лишили невинности прямо на столе...

Шучу...

– Ну вот, а я размечтался было...

Мы вышли в танцевальную зону. Здесь царил дух веселья и флирта. Геннадий мастерски повёл меня в танце, это не позволило нам поговорить без лишних ушей.

– Чего случилось, ты вся дрожишь? Что ты чувствуешь?

– Смерть я чувствую. Пустоту и смерть. И это неизбежно. Я хочу бежать. Такое впечатление, что я упала на колени и не могу подняться, у меня нет сил. Я вижу смерть, и мне очень

плохо.

– Чья она, ты знаешь?

– А ты знаешь?

– Кажется, догадываюсь... Прилетишь домой, езжай к матери домой и никуда не заезжай. Всё само собой образуется. Поверь мне. Держи меня в курсе. Никаких резких движений. Эмоции все спрячь далеко-далеко и думай только головой. Это всё очень серьёзно. Но это надо пройти.

– Ты тоже это видишь? Что мне сейчас делать? Как взять себя в руки? Напиться, что ли?

– Неее... Тебя это не возьмёт, да и сердце твоё много выпить не даст. Я же тебе сказал – эмоции подальше и включай голову. Уже сейчас включай, а то потом тяжко будет. Шефа своего не собираешься, надеюсь, близким другом делать? Не думай даже! Хоть кого, только не его, поняла? Поиграться можешь, но не заигрывайся.

– Понятное дело... Будем платить по счетам... Танцы и ничего более.

– Ну, пойдём к твоему шефу, а то он уже напрягается. Поужинаете, и я вас отвезу в гостиницу. Нечего тебе расхаживать по ночам в таком состоянии. Тебе ещё силы пригодятся, поверь.

Мы подошли к столику, где шеф уже выучил меню наизусть и недовольно смотрел в нашу сторону. Геннадий позвал официанта и сказал ему что-то, а затем спросил у шефа, что он хотел бы заказать. Шеф выбрал салат, я – тоже.

Остальное принесли по заказу Геннадия. Это была моя любимая утка с черносливом и травяной чай по-особому, только Геннадию ведомому рецепту. Чай предназначался для меня, а шефу подали бокал хорошего красного вина и кофе.

Геннадий извинился и, сославшись на дела, оставил нас, сказав, что как только мы захотим, он отвезёт нас в гостиницу.

Ужин был как нельзя кстати. Прогулка нагнала зверский аппетит. Кажется, Бориса Михайловича всё устраивало в этом заведении – и кухня, и хозяин, и обстановка. Он весело посматривал на танцевальную зону и, когда увидел, что трапеза подходит к логичному завершению, предложил пойти потанцевать.

Играла лиричная музыка из романтической коллекции, световые эффекты, приглушённый свет... Мы впервые оказались так близко. Шеф был вполне неплохим танцором. Он сначала бережно, а потом всё определённое и откровеннее держал меня за талию. Мне хотелось опустить голову ему на плечо и обо всём забыть. Забыть все страхи и сомнения. Отдаться на волю желанию и просто чувствовать себя женщиной, просто насладиться мгновением и всё. Сил не было, противиться было бессмысленно. Я нежно обняла его и положила голову ему на плечо. Дрожь пробежала по телу. Ещё мгновение, и я могла потерять контроль. Да и контролировать себя сил уже не было. Спасло одно – это не то место и не то время. Кажется, мы оба хотели одного и того же. Хотели

забыть обо всём и просто расслабиться. Это было и лекарством, и ядом одновременно. Мы оба знали о последствиях следующего шага, и никто из нас не знал, сможем ли мы остановиться вовремя. Вернее, каждый в тайне желал, чтоб другой сделал этот шаг первым – это и спасло... Музыка заканчивалась, мобильный звонил в кармане, а мы ещё чего-то ждали.

– Поехали к тебе. Ты же чувствуешь...

Слова эти были чем-то нереальным, запредельным и будоражащим и без того истрепанное переживаниями сознание. Его дыхание... совсем близко, безумно близко. Губы почти касаются моей шеи... Мастер, сразу чувствуется класс... Сознание постепенно возвращалось и побороло все рефлексy. Осталось приятное чувство и ясное представление, что делать дальше. Надо бежать.

– Поехали. Пора заканчивать этот праздник.

Мы подошли к столику, за которым нас уже ждал Геннадий. Он оставил всё без комментариев, мы вышли из ресторана и поехали в гостиницу.

Доехали мы быстро и спокойно. Пробок на улице уже не было. Город спал.

Тротуары и дороги были серыми от разбитого подтаявшего снега. Дворники возле гостиницы старательно собирали эту серую кашу и наводили чистоту, но серость и слякоть ещё сильнее контрастировала на этом фоне.

Время, всё решает время. Рассудок полностью овладел

моей сутью, и я уже была спокойна за дальнейшие события сегодняшнего дня. Главное событие – это никаких событий.

Мы расстались с Геннадием и поспешили в свои номера. В лифте мы снова встретились взглядами с шефом.

– Поехали к тебе...

– А что мы там делать будем?

– Ну, там решим... Я кофе напился, совсем спать не хочу. А ты как?

– А я...

– Да, кстати, у меня так спина и шея болит, разомнёшь мне, ладно?

– Ладно, но... я надеюсь, что мы чётко понимаем, что делаем и чего не надо делать...

– Очень чётко! Пошли!

Мы зашли в номер. Кто придумал этот интерьер? Приглушённый свет, огромная кровать, зеркала...

Я усадила шефа на кровать и села сзади. Мышцы действительно были в большом напряжении. Мысли были громкими и ясными. Это тешило моё самолюбие и немного подзадоривало, но я знала, что и как делать в этой ситуации. Несколько движений, несколько точек – и всё в полном порядке. А вот желание... Что делать с желанием? Что делать – трансформировать в... Во что? При других обстоятельствах и с другим я бы уже давно нашла ответ на вопрос, но... Есть масса но, которые перевешивают все желания и воздыхания. Нет. Надо всё заканчивать. Затею нудный разговор о делах или

ещё что-нибудь в этом роде.

Я заканчивала сеанс массажа.

– Ты знаешь моё тело так, как будто мы всю жизнь знакомы.

– Кто знает, может, в прошлой жизни и были знакомы.

Сие науке не известно.

Как Вы планируете завтрашний, вернее, уже сегодняшней день?

– Не знаю. Я позже решу. А что ты сейчас планируешь делать?

– Хотелось бы полежать и отдохнуть, если честно. Кстати, а что там вы с пиар-компанией решили?

– Они приедут и будут работать на выборах. Ты им не мешай, ладно? Они профессионалы, вот и пусть деньги отрабатывают, а мы с тобой в рабочем режиме за ними наблюдаем. Ты им будешь помогать в организационном плане, хорошо?

– Да как скажете, но если я Вам нужна ещё живая и здоровая, то нам надо разбежаться и поспать немного до вылета, а то будем выглядеть непрезентабельно.

– Ну, как скажешь. Ты права, надо повалиться перед дорогой. Ты с аэропорта к матери поедешь?

– Да. Я же там живу сейчас. Переоденусь, приведу себя в порядок, и снова в строй.

– Хорошо. Позвони мне, как проснёшься. Позавтракаем вместе. Машину ты заказала?

– Да, нас мой брат отвезёт.

Шеф покинул мои владения, и, кажется, мы оба остались этим довольны.

Жизнь научила меня ценить дружеские отношения. А именно такими они сегодня и были.

Я упала в постель и провалилась в сон. Сон был тяжёлым и тёмным. Как будто я в каком-то подземелье, и мне холодно и страшно. Я хочу выбраться оттуда, но не могу, хочу бежать, но нет сил. Я ползу по этим холодным улочкам-коридорам, из которых нет выхода. Ползу и молюсь. Молюсь отчаянно, но молитвы этой не слышно, всё как в тумане, в липком и вязком тумане, который поглощает всё. Вдруг впереди возникла фигура. Тёмная и бесформенная, она возвышалась надо мной. В руках у нее был то ли меч, то ли посох.

Указывая на меня, она тихо и внятно произнесла: «Отойди». Мрак разорвался выстрелом.

Я проснулась. Вскочила с кровати и пошла в душ. Приняв душ, я позвонила шефу. Он уже не спал. Мы пошли в кафе. В коридоре нам навстречу вышел высокий мужчина в чёрном плаще. Поравнявшись с нами, он вдруг остановился и сказал мне тихо: «Отойди».

Чётки, которые я держала в руках, вдруг порвались, и камешки от них покатались по всему коридору, а мужчина как появился, так и исчез непонятно куда. Душа застонала от боли и горя. Я машинально подбирала камешки с пола и понимала: случилось, всё уже случилось... Колесо жизни по-

катилось на меня со всего размаху, и никуда мне от этого не деться.

Домой

Путь домой – это всегда волнительная церемония. Хочется поскорее сесть в самолёт и очутиться в своём собственном, таком знакомом, комфортном и тёплом мирке, где всё вокруг твоё. Как хочется закинуть чемодан в коридор и забыть обо всем. Сесть на кухне и, пересказывая все последние новости, вкушать аромат свежесваренного кофе в собственной кофеварке и пить кофе из собственной любимой кружки. Блаженство!

Самолёт летел, а параллельно с ним летели и мои, очень приземлённые, далёкие от высоких идей и устремлений моей работы мысли. Шеф мирно посапывал рядом в кресле. Как ни странно, но волнение отступило от моей души, и я уже всеми мыслями и чувствами была дома, на кухне у мамы с её шикарным борщом и варениками с картошкой. Мне не хотелось никого видеть и встречаться сегодня, пусть жизнь пройдёт сегодня мимо меня, а я пойду в баню с мамой, и, как в детстве, по дороге домой мы будем падать в сугроб, шутить и смеяться. Как хорошо было в детстве! Все друзья, никаких половых различий, не надо было прятать свои симпатии и любовь к ближнему ради общественного мнения и рамок приличия. Можно было просто любить и не думать о том, к чему это всё и зачем тебе это надо! Правильно, оказывается, говорится в Библии: «Будьте как дети». Да толь-

ко как тут будешь? Повзрослели, покрылись гормональными сетями чувственности и желаний, и всё... детство кончилось – началась погоня за успехом. Мой философский настрой прервали бодрые аплодисменты пассажиров, которые таким образом благодарили экипаж самолёта за удачную посадку.

– Рановато хлопают. Посадка – это не конец приключений!

Как только я это сказала, самолёт занесло на 45 градусов по взлётно-посадочной полосе.

Пилоты явно были людьми опытными и выровняли машину, и через некоторое время мы остановились.

– Слушай, Ольга, а ты себя не боишься?

– Боюсь иногда, но не в этот раз.

– Всё шутишь, а вообще-то страшновато так просыпаться!

Хоть бы обняла и утешила бедного испуганного шефа!

– Да я бы с огромным даже удовольствием, но не могу – социальные догмы, служебное положение и общественное мнение вкупе с излишней чувственностью блудного организма не позволяют мне положить вашу взбудораженную голову на мою грудь средних размеров и нежно чмокнуть вас в макушку, уж извините.

– Умеешь ты отболтаться от обязанностей! Ты должна была меня собой закрыть от опасности, а ты...

– Какие смелые фантазии!!! Самолёт... И я падаю вам прямо на грудь или куда там надо было?

– Ладно, прощаю!!! Но в следующий раз – падай!

– Будет сделано!!! Разрешите идти?

– Куда тебя несёт? Вон братик твой стоит. Уже сейчас забор ломает от желания обнять сестрёнку! Ты, надеюсь, никуда «налево» не надумала ехать? Отдыхай сегодня, а завтра будет очень много всякого с самого утра, уж поверь мне.

– Не... Я сейчас домой, к мамочке на ручки!!! Соскучилась дико! Надоели мне все эти казённые бараки и формальные общения. Хочу просто пойти в баню, поплавать, попариться и в сугроб, а потом идти и смеяться над каким-нибудь старым анекдотом и чувствовать, что тебя любят по-настоящему, а не за что-то или потому что.

– Отличная программа! Одобряю! Машина нужна?

– Нет, спасибо! Мы пешком. Мы рядом живём с этой баней, я уже заказала на три часа, так что полный уход от офиса. Обую валенки и пойду пешком!

– Молодец, только аккуратно развлекайтесь, чтобы силы остались работать.

Хорошо. А у Вас что в планах?

– А вот тебя послушал и тоже решил баньку затопить и отдохнуть немного. Может, с мамой к нам приедете? Наталья рада будет.

– Нет уж, давайте не будем нарушать интимного пространства семьи!

Вы со своими, а я со своими, а утром встретимся и поделимся впечатлениями.

– Не любишь ты меня! Даже в баню не хочешь со мной

сходить! Шучу! Ладно, пошли, а то багаж наш уйдёт без нас куда-нибудь.

Мы взяли свои сумки и отправились к машине, где нас дожидался обученный ждать брат.

Выбежав нам навстречу, он обнял меня и забрал наши сумки, заботливо уложив их в багажник.

– Как добрались?

– Нормально. Давай сначала шефа подвезём, а потом домой.

– Как скажете. У нас тоже всё нормально. Мама ждёт, наготовила всякого вкусного!

– Хорошо вам, а мне надо жене позвонить, что я прилетел, чтобы у неё несколько минут было до встречи...

– Да ладно наговаривать-то! Вообще не в тему!

– Да это точно! Я сегодня ездил с вашей женой на базар, она вам шикарный обед готовит!

– Ну тем более надо позвонить, чтобы разогревала.

За этим шутливым диалогом прошла большая часть дороги домой. Дорога была лёгкой и приятной. Снег чуть искрился на солнце и ярко контрастировал с чёрно-серым асфальтом. Борис Михайлович выпорхнул из машины и с явным предвкушением тепла и уюта устремился в ворота собственного дома. Настал и наш черёд возвращения домой.

– Что нового, братишка?

– Да особо ничего нет, вроде бы всё как было. А... Игоря видел, который «твоего» на работу взял, так он чего-то оби-

жался на «твоего».

– Завтра разберусь, а сегодня ничего не хочу. Хочу к маме.

Мы быстро подъехали к дому, к тому дому, где мы выросли и откуда ушли в свои новые семьи. К тому дому, куда меня привезли из госпиталя и мой добрый братик занёс меня на руках и положил на мою когда-то койку. Сердце сжалось от всех этих мыслей, и холод забрался в самую душу.

– Побежали домой, а то я продрогла совсем – догоняй!

Я почти бегом влетела в подъезд, а потом в квартиру. Ма-мочка, моя любимая, родная мамочка, как же здорово, когда тебя ждут и любят. Мама обняла и расцеловала меня прямо у порога, брат уже поднялся с моими вещами, и мы, бросив сумки, устремились на кухню. Верх блаженства, когда ты чувствуешь себя дома! Всё было хорошо, слишком хорошо, чтобы быть правдой... Мы пообедали, поговорили и разбежались, довольные и счастливые. Брат – к своей семье, а мы с мамой – в баню.

Я заранее обо всём договорилась, и мама даже была немного удивлена готовности самовара и бассейна. Персонал мы отпустили и остались одни наедине с отдыхом и нашими дамскими разговорами.

Я старательно уходила от обсуждения командировки. Обсуждать и планировать ничего не хотелось. Хотелось отдыха и спокойствия.

– А ты помнишь Петрова? Он ещё в протестантской секте был и тебе Библию подарил, помнишь?

– Помню, конечно, отличный парень. А что ты вдруг о нём?

– Да он приезжал попрощаться вчера. Улетает в Америку насовсем. Будет там служить пастырем в Орегоне. Хотел с тобой поговорить, телефон и адрес свой американский оставил, просил, чтобы мы его маму навещали.

– Да какие вопросы, конечно будем навещать. Нас же в Америку всё равно не выпустят.

Замечательный травяной чай с капелькой «Рижского бальзама», который принёс в подарок наш «американский пастырь», ублажали нервы, душу и тело.

Всё было идеально, так идеально, что даже чуть настораживало. Мы закончили свои водные процедуры и пошли домой пешком в валенках, как в давние годы, когда не было ничего, кроме детства и счастья созерцания и познания мира.

Мы играли в снежки, шутили, падали на снег и снова кидались снежками. Замечательный вечер! Мы, уставшие и счастливые, добрели домой и упали спать. Дом – это дом!!! Мой дом – моя крепость!!! И ничего, что везде сугробы и мороз, дома всегда тепло и уютно и тебя там любят и ждут.

До – это путь

До – это путь в переводе с японского. Когда я начинала постигать боевые искусства, мой учитель объяснил мне это очень чётко и доступно. До – это путь, и если шагнул – надо идти... Надо идти, несмотря ни на что. Идти вперёд и ве-

ритель, что ты идёшь к истине. Ты должен знать: что есть истина? Истина – это Бог, и весь наш путь – это путь к Богу. Он у каждого свой, но ты должен идти. У каждого есть право на ошибку, но ни у кого нет права на убийство – убийство истины. Иногда жизнь может разделиться на до и после, по надо помнить, что До – это путь, путь к Истине.

С самого утра меня одолевали покаянные мысли и желание остановиться в своём падении на взлете. Глубокое и странное чувство. Но утро, согласно должностным обязанностям, обязывает к новым подвигам, и, сбежав по лестнице, я очутилась на продрогшей от колючего мороза улице, которая потеряла всякую надежду отогреться на солнышке и смиренно сосуществовала и терпела все уколы своей морозной судьбы, отдавшись на волю Божью. Машина подошла точно к назначенному времени, и я с удовольствием прыгнула в тёплый салон комфортного служебного авто.

Водитель вопросительно смотрел на моё довольное и безмятежное выражение лица.

Мгновение спустя он всё же выдавил из себя слова:

– Привет! А ты знаешь, что сделал твой «бывший»?

– Нет.

– Он застрелился... Тебе, что, шеф не сказал?

– Нет.

Мир зашатался и разорвался на до и после...

– Когда это произошло?

– Когда вы улетели. Он был найден в квартире на следу-

ющий день с сыном.

– Где он сейчас?

– В морге. Его первая жена заявила, что будет хоронить его и тебя близко не подпустит. Так что мы держим его до твоего возвращения. Ты хочешь проститься?

– Да. Расследование провели? Каков вердикт? Кто выезжал?

Основная версия: самоубийство. Лучше тебе туда не соваться.

– Ясно. Ты меня в морг отвезёшь?

– Да, шеф сказал, как только совещание закончится, мы сможем ехать. Ты сможешь держаться?

– Смогу.

– Можешь поплакать, пока едем, но держись... Слабых – добивают, помни это. На тебя сейчас столько выльется, что не любой выдержит, но ты должна.

– Ясно.

Шеф стоял на улице, когда мы заехали за ним. И был серъезен и собран, как перед прыжком с парашюта. Садясь в машину, он посмотрел на моё бледное лицо и отвёл взгляд.

– Почему вы мне не сказали?

– Это бы ничего не изменило. Надо жить. Он сделал свой выбор, и ты здесь ни при чем. Вы чужие люди. Чужие уже давно. Он предал тебя, и нечего портить себе жизнь из-за таких уродов.

– Это моя жизнь и мои уроды! Я должна была знать.

– Нет. Успокойся и живи дальше. Надо идти вперёд. Ты ничего не изменишь. Будет много сплетен, но ты не должна на них реагировать. Ты знаешь правду – он подлый и продажный самец, который использовал тебя, когда только ему было выгодно, и не более. Это правда. А всё остальное – эмоции. Сейчас тебе будет нелегко, но ты должна идти своим путём. Ты умная и сильная – ты сможешь. Я буду рядом. Мы все будем рядом, но никто этого не может видеть. Прошу тебя, не устраивай разборок! Прими как есть и... отойди от этой ситуации. Ты – отдельно, эта ситуация – отдельно. Обещай мне!

– Хорошо. Я должна его увидеть.

– Поедете после совещания. Можешь взять с собой кого-нибудь. Вдруг тебе станет плохо. Морг – это не театр... Зайдёшь в спецотдел, они всё организуют.

– Спасибо.

Воцарилась тишина и царствовала до конца нашего пути на место службы... Дружба – дружбой, а служба – службой. Мне тяжело было принять, что столько времени от меня скрывали информацию, которая меня непосредственно касается. Официальная версия: самоубийство... Из-за меня... Внутри – огонь обиды, раскаяния, бессилия, отчаяния в смеси со злобой и недоумением выжигал душу дотла. Но я держалась. Дежурные приветствия, дежурные фразы, каменное лицо и дежурные улыбки. Всё это давалось с огромным трудом и держалось только на пожаре, бушующем в моей ду-

ше... Других сил держаться не было. Прожив совещание, как вечность, мы с шефом остались один на один в пустом кабинете. Мы не знали, что сказать друг другу.

– Борис Михайлович, разрешите мне поехать?

– У тебя 45 минут. Потом вернёшься и сразу ко мне. Кто бы у меня ни был, заходишь в отдыхающую и ждёшь. Есть серьёзный разговор.

– Хорошо.

– Зайди в спецотдел, только после этого поедешь.

– Ясно.

Я вышла в приёмную и, минуя молчаливые и любопытные взгляды секретарей и посетителей, отправилась в спецотдел. По-хорошему, в таких случаях меня должны были пригласить для расследования причин происшествия. Я – официально главная виновница смерти. Смерть от несчастной любви! Несчастной любви к кому? Всё смешивалось в моей голове. Я понимала трагический абсурд, но было больно и страшно. Начальник спецотдела – мой бывший начальник по службе, и у нас всегда открытые и ясные объяснения друг для друга. Сейчас он ждал меня.

– Привет!

– Здравие желаю!

– При обыске в квартире изъяли всё, что было огнестрельного и холодного. Твой пистолет и самурайский меч тоже изъяли. Они, кстати, были не в сейфе. Всё, что изъяли, уже не вернут, и это факт, с которым тебе придётся смириться.

Ты хочешь попасть в квартиру? Хотя я бы не советовал тебе.

– Ясно.

– Первая жена сыплет на тебя проклятия и всяческие обвинения, но я думаю, что ты не опустишься до её уровня... Она заявила, что будет хоронить его сама. Я, конечно, могу положить всех мордой в пол и забрать тело, но надо ли так делать? Я считаю, что нет.

– Ясно. У них двое совместных детей. Она имеет полное право и оскорблять меня, и хоронить отца своих детей, я не буду устраивать скандалов. У меня есть просьба: попросите юристов подготовить отказ от всего движимого и недвижимого имущества, принадлежащего мне на правах наследования, в пользу его детей – поровну. Я приеду с морга и подпишу. Я прошу, в морге мне никто не нужен при этом. Это тоже просьба!

– Я поеду с тобой.

– Ясно. Поехали.

Мы вышли и молча шли по длинному коридору, спустились на лифте и сели в машину.

Водитель без всякого объяснения тронулся в путь.

Гробовое молчание – вот что воцарилось везде... Среди людей, а как в пустыне...

Мы подъехали к моргу и вышли все трое на улицу.

– Я пойду одна, пожалуйста!

– У тебя слабое сердце...

– Всё нормально – я справлюсь. Через 5 минут можете

зайти.

– Ладно. Оставь дверь открытой. Я здесь подожду.

Я шагнула вперёд, вперёд к той двери, которая скрывала от меня того, что было до, и открывало то, что будет после.

Санитар поздоровался и молча провёл меня к месту, где лежало безжизненное тело моего бывшего мужа... Бывшее тело – бывшего мужа... Что может быть абсурднее этого сочетания.

– Огнестрельное ранение черепной коробки со смертельным исходом. Выстрел произведён из двухствольного ружья через ротовую полость под углом 45 градусов. Вот заключение экспертов. Самоубийство на фоне душевного расстройства. Соседи подтверждают, что он вёл себя неадекватно в последние несколько недель.

– Спасибо. Покажите, пожалуйста, тело и оставьте меня.

– Я не могу уйти. Я отойду.

– Ясно.

Санитар выдвинул стеллаж, и перед моим взором представило обнажённое тело моего «бывшего». Никаких следов борьбы. Ничего... только нет верхней части головы и лица тоже нет, только нижняя челюсть. То, что это он, у меня не вызвало сомнения. Я слишком хорошо знала его тело и все особенности. Я смотрела и понимала, что это не самоубийство... Зачем стрелять в себя из ружья, которое находится в сейфе, под замком, когда в полке лежит пистолет, заряжённый боевыми патронами? Он не мог выстрелить в себя сам

под таким углом. Это убийство. Вернее всего, он спал пьяный. Спал и не проснулся. Я достаточно проработала следователем и осмотрела трупов, чтобы не понимать, что это не самоубийство. Зачем?! Колотилось у меня в голове. Этот вопрос тарабанил мне по сердцу и рвал душу на части. Зачем?!!

– Вам надо идти. Здесь нечего больше смотреть.

– Забальзамируйте его, пожалуйста.

– Я могу выдать тело родственникам или ещё подождать?

– Выдавайте.

– Я забальзамирую его силиконом. Не беспокойтесь. Хотя его всё равно будут в закрытом гробу забирать. Так родственники заявили.

– Гроб сейчас вам привезут. Позвоните родственникам и скажите, что гроб и одежду предоставили с его прежней работы. Могилу и памятник тоже предоставят – с ними созвонятся сегодня же. То, что я здесь была, говорить никому не надо.

– Да. Я знаю.

– Прощайте.

Я двинулась к выходу и понимала, что всё не так, как мне говорят. Боль и обида раздирали грудь. Огонь потери пылал с такой силой, что никакой мороз не мог остудить его. Очувшившись на улице, я уже плохо контролировала свою координацию и, вдохнув свежего морозного воздуха, почти потеряла сознание. Меня подхватил мой друг и начальник спец-

отдела, человек, который когда-то проходил что-то подобное...

Он знал, каково это... Я не могла стоять на ногах, и пару минут ему пришлось поддерживать меня. Я посмотрела ему прямо в глаза и задала один единственный вопрос:

– Зачем?!

– Я знал, что ты поймёшь. Давай поедem и всё обсудим.

– Мне надо позвонить и устроить всё с похоронами и могилой.

– Уже всё устроили. Гроб только скажи, какой. Могилу выделили, памятник делают, костюм тоже скажи, какой, и всё. Каталог у меня в кабинете. Скажешь, и я позвоню куда надо. Тебе надо к врачу. Я вижу, что дело плохо.

– Поехали.

Мы добрались до машины и въехали в больничный корпус кардиологии. Моя добрая доктор сделала кардиограмму и вынесла свой вердикт: «Микроинфаркт».

О госпитализации не могло быть и речи. Решили, что я буду приезжать на капельницы, и мне будут делать уколы на работе. Когда мы остались наедине с доктором, то она сказала мне:

– Вы не вините себя и не слушайте, что болтают люди. Лучше уезжайте в монастырь и побудьте там с недельку. Это лучше всех лекарств в данном случае. Вы можете его отпеть – я дам справку, что он был душевнобольной, и это несчастный случай, как результат его болезни. Сделайте это. И вам,

и ему это надо. Я позвоню вашему шефу и попрошу, чтобы он дал вам 2 недели отдыха.

– Мне лучше будет на работе. Так я не буду погружаться в ситуацию.

– Хорошо. Каждый день надо будет приезжать сюда на процедуры. А там посмотрим. Сейчас вам сделают укол и капельницу, а дальше смотрите сами. Но я рекомендую покой. Поезжайте домой и побудьте с близкими.

– Спасибо. Я постараюсь.

Мое отсутствие затянулось, и шеф уже звонил на мой мобильный. Доктор ответила на звонок. Они поговорили, и я взяла трубку. Мы договорились, что я заеду к нему, как только освобожусь от процедур и после встречи и разговора с отцом Николаем, настоятелем нашей православной церкви.

Отлежавшись под капельницей, я распрощалась с начальником спецотдела и полностью доверилась его выбору в костюме и гробе, высказав лишь приоритеты в этом выборе. Мы довезли его до работы и отправились в храм.

Отец Николай, как и все в городе, знал о том, что случилось. Он уже знал, что я угодила в больницу с очень хитрым диагнозом. Шеф позвонил ему. Я показала справку от моего доктора и попросила разрешения на отпевание. Понятно, что нормально отпеть его не получится, но отец Николай сказал, что можно сделать это заочно, но надо написать прошение на имя Митрополита. Надо объяснить причину смерти, приложить справку, он тоже подпишет это прошение. Как

только будет дано добро, так тут же всё сделают, и надо будет посыпать землю на могилу, так как в гроб, увы, не получится. Первая семья не верит в Бога. Они верят только в себя.

Мы тут же созвонились с советником Митрополита, и он назначил мне встречу на завтра, с утра. Мы поговорили ещё немного с отцом Николаем о тонкостях процедуры, и я отправилась обратно на работу. Там ждал шеф.

Пока мы ехали обратно, я созвонилась с Геннадием, своим учителем по биоэнергетике.

Мне даже не пришлось объяснять, он начал говорить, чего делать нельзя.

– Ты была в квартире?

– Нет.

– Не входи туда ни в коем случае. Знаешь, кто это сделал?

– Сегодня же буду знать – ты уж поверь!

– Не встречайся с ним.

– Нет, конечно, но поговорю – это точно. Просто спрошу, как дела...

– Когда сможешь приехать?

– Не знаю. Через неделю, возможно. У меня защита диссертации на малом совете. Мне нужен монастырь. Я хочу побыть там с недельку.

– Я найду, только не думай уходить в монахини – не сейчас.

– Спасибо.

– Сейчас не делай резких выводов. Всё не так, как ты ду-

маешь.

– Ясно.

– Звони, если что.

Мы ехали в машине с водителем, и он слышал часть нашего разговора. Нет сомнения, что он передаст его кому следует. Да только в этом нет тайного. Всё предсказуемо. Я найду экспертов, которые осматривали место происшествия, и всё выясню... Позвоню кому следует и найду ответ – кто...

Это ничего не изменит, но мне это надо, надо знать – зачем...

Лекарства переставали действовать, и боль снова стала раздирать грудь.

Когда я приехала, шеф был в отдыхающей. Наша секретарь заботливо приготовила нам чай и бутерброды и удалилась.

– Как ты?

– Как памятник на площади... стою.

– Шутишь, значит, жить будешь.

– Жить буду – только одна...

– Ну это не факт... Вряд ли ты останешься одна...

– Останусь. Мне завтра с утра к Митрополиту надо ехать.

Прошение на отпевание надо подать.

– Значит, сначала в больницу, а потом к Митрополиту. Я тебе отдаю машину – занимайся.

– Спасибо. А можно вас спросить – вы видели тело?

– Да. Я видел фото и все документы по этому факту.

– Тогда вы можете мне объяснить, что произошло?

– Могу. Но не уверен, что тебе это надо знать.

– Надо.

– Хорошо. Давай-ка попьём чай, тебе сейчас сделают укол, и потом я тебе всё объясню. Я доктору обещал соблюдать твой режим.

– А можно мне увидеть документы?

– Пей чай и жуй бутерброды... А потом посмотрим.

Он пытался быть заботливым, но у него это плохо получалось из-за скрытого напряжения, которое не давало ему быть собой.

– Расскажи лучше, что за новый поклонник у тебя появился?

– Какой поклонник? Просто деловое сотрудничество. Мне надо же на что-то жить. Ничего особенного, консультирую по сайту и не более.

– Мне бы было спокойнее, если бы я знал о твоих друзьях, чтобы не возникло какой-нибудь непредвиденной ситуации – выборы скоро.

– Дело только в этом?

– Нет. Я думаю, что ты понимаешь, о чём я?

– Надо разобраться со всем этим. У меня голова кругом идёт, и я уже ничего не понимаю. Это плохо.

– Да. Тебе надо прийти в себя. Давай пока оставим этот разговор. Хочешь, поехали в ресторан?

– Хочу. Мне там один товарищ нужен.

– Нет. Так не пойдёт. Давай без товарищей?

– Тогда давайте без ресторанов? Мне завтра на исповедь и к Митрополиту. Лучше бы вы объяснили мне всё – что и почему. Я не знаю, что думать...

– Хорошо. Я скажу, чтобы принесли рапорт внутреннего расследования, и ты сама всё прочтешь. Только ты должна дать слово, что ничего не будешь предпринимать.

– Ладно.

В кабинет пропустили медсестру, которая сделала мне укол и поспешно удалилась.

Я лежала на диване, и шеф сидел рядом, когда секретарь занесла документы расследования. Она села с нами и вопросительно посмотрела на шефа. Она их читала и, значит, всё знала... Я предложила ей остаться. Время было позднее и посетителей уже не было. День был утомительным и напряжённым для всех. Она заварила нам свежий чай и сделала бутерброды с красной икрой. Для нас это всегда означало одно – будем пить водку... Пока я читала все рапорта, к нам присоединился начальник спецотдела. Все молча ждали, когда я закончу читать документы...

Чтение было не из приятных. Описание места происшествия и прочие факты были притянуты, как говорится, «за уши». В конце было два объяснения. Как только я дошла до них, обе мои коллеги переглянулись, налили себе водки и, не говоря ничего, выпили.

Это было объяснение – донос о заказе на убийство от мое-

го бывшего мужа. Там говорилось о том, что он заказал убить меня на следующий день после моего дня рождения, в нашей квартире, а затем застрелить и его. Безумие. Проплаченное безумие! В момент выполнения заказа киллер пришёл и убил только моего «бывшего».

Я улетела в командировку, а обещала приехать на квартиру...

Всё было сделано красиво. У нас не Сицилия, но этого доброго хлопца нашли, и он всё рассказал. Что и как было с ним дальше, меня не интересовало. Это не моё дело.

Когда я положила документы на стол, мужчины уже налили третью рюмку водки...

Я посмотрела на них, взяла свою чашку чая и сказала:

– Ну что? Выпьем за любовь!

– Не чокаясь.

– Борис Михайлович, да тут уже все чокнулись. Мне, что, не положено по штату водку пить? Чего сами хлещете, а дам не спаиваете?

– Тебе только через капельницу прописали, а сегодня ты уже свою дозу получила, так что – закусывай.

– Вот так – всё мимо. Ни любить, ни убить по-нормальному не можем... Ладно... Я сегодня не поеду домой. Маме позвоню и останусь здесь. Рано выезжать завтра. Лягу в больницу, чтобы прокапали до выезда.

– А мы сегодня все здесь останемся. Будем прокапывать

организм рюмочными порциями.

– Ну, как угодно. Мне всё предельно ясно. Спасибо. Вердикт правильный. Спорить не буду: самоубийство на фоне душевного расстройства. Борис Михайлович, я возьму у вас Библию с книжной полки? Мне к разговору готовиться надо.

– Бери. Ты сейчас куда?

– Я сейчас в больницу. Пусть приведут меня в норму. Вам же не нужна дряхлая и больная, плаксивая дама? Вот и пойду приводить себя в соответствие.

– Его тело уже забрали из морга.

– Я не собиралась туда идти.

– Вот и не ходи. Людмила проводит тебя в больницу, а я приеду попозже. Тоже надо прокопаться.

– Да, до чего дожили? Ну ладно соображать на троих, но под капельницу – извращенная форма развлечения какая-то!

– Тебе не понять – ты спецотдел... А мы эстеты – мы только капельным путём можем...

– Ладно, я вас оставляю наедине с вашими фантазиями. До встречи.

Я вышла из кабинета и прошла по пустынному коридору... До – это путь... только бы хватило сил идти... Я держалась, как только могла. Никто не виноват – это мой путь и мои ошибки. Дорогие, очень дорогие ошибки... За всё приходится платить...

Я заехала в больницу, расположилась в больничной палате и позвонила маме. Я ничего ей не сказала. Просто сказала,

что останусь ночевать у своей подруги. Зачем говорить такое по телефону. Зачем... И вот тогда я вдруг поняла – шеф то же самое сделал в командировке. Он не сказал мне... А зачем... Всё должно быть к месту и вовремя. А тогда было и не время, и не место. Капельница медленно капала и залечивала мои раны на сердце, а Псалмы Давидовы тушили пожар в моей пылающей и обессиленной душе. Часто говорят – у каждого свой путь. Да. Главное, куда ты идёшь.

Капкан

Утро выдалось вьюжное. Все дороги были занесены снегом, и казалось, что вся природа воспротивилась моей поездке к Митрополиту. Но моя природа, бунтарская по своей сути, пересиливала все метеоусловия и чётко задавала вектор действия и ожидаемый результат. Я понимала, что этот визит важен для моего покойного мужа и для меня – это изменит всё... Казалось, что жизнь вывела меня на какую-то неведомую, новую дистанцию. Поставила меня на стартовую позицию, и уже прозвучало первое: «На старт...». Машина пробиралась по заснеженной дороге. Всю дорогу хотелось молиться, и я впервые за много лет, а может, и за всю свою жизнь просто сидела и молилась... Было состояние, как будто я склонила голову на колени Отца и покаянно, рассказав всё, что есть в моей мечущейся и истерзанной болью, горем и бессилием душе, чувствую его присутствие и примирение. Примирение и с ним, и с собой. Было уютно и сладко – больно от обретения Отца и потери мирского бытия... Было ина-

че, чем раньше... настолько иначе, что становилось страшно. Пробравшись сквозь пургу, мы к назначенному времени прибыли к резиденции Митрополита. Я выскочила из машины в одном пиджаке и вошла в приёмную. Приветливая секретарь тут же пригласила меня в кабинет. Владыка Даниил ждал меня и предложил разделить с ним чаепитие. Мы сели за красиво сервированный стол, и на некоторое мгновение воцарилось молчание. Это было спасительное молчание. Мы не говорили, но вдруг поняли друг друга – это ясно отпечаталось в тишине. Мне стало легче от этого осознания, и я нашла силы начать очень тяжёлый и непростой для меня разговор.

– Владыка, Вы знаете, что на днях погиб мой бывший муж. Официальная версия случившегося – самоубийство. Я знаю, что таких людей не отпевают в церкви, но я прошу Вас... выслушать меня и потом принять решение. Вот документы, которые Вы можете прочесть и получить полную картину этого события.

– Ольга, я знаю всё. У меня была продолжительная беседа с отцом Николаем.

Скажи мне – зачем тебе это? Ты хочешь соблюсти формальности?

– Нет. Я хочу облегчить его участь. Но я не знаю, как. Я ничего в этом не понимаю. Я и в этой жизни, похоже, ничего не понимаю, раз так всё произошло... Я больше не могу так жить. Его смерть оборвала мою жизнь... Меня больше нет.

– Ты так любишь его?

– Я ненавижу себя за то, как я живу, и виню себя за то, что случилось. Я – причина всего. У меня был выбор – с ним или одна, а я игралась... Вот финал. Владыка, я не знаю, как жить дальше.

– Хорошо, что ты не винишь никого, кроме себя. Как ты думаешь, почему так произошло?

– Это моё желание быть лучшей и первой – всегда и во всём. Я ведь не хотела заводить семью. Я хотела тихо жить, и, может быть, когда-нибудь исполню свой долг перед родителями уйти из этого суетного мира в монахини. Странно от меня это слышать – правда? Но это так... Но жизнь заставляла делать как положено... Надо было учиться, чтобы зарабатывать. Зарабатывать, чтобы учиться. Работать так, чтобы хватало на всё, что необходимо в этом суетном и полном бахвальства мире. У моей мамы никогда не было золотых украшений – я купила ей их. У отца была мечта – купить мотоцикл «Днепр». Теперь у него он есть. Брат хотел машину – есть машина... Меня муж бросил после больницы – отвёз к маме в квартиру... Я купила новую, в центре города. Он оставил себе машину... Я купила себе другую – спортивную модель, от вида которой все люди на улице оборачиваются... Я не обманываю никого – я обманываю себя... У меня всё якобы есть... Но на самом деле это всё мишура. Гонка по кругу – кто кого. Ценности в моей жизни заключаются лишь в том, чтобы мои родители ни в чём не нуждались и чтобы

они мной гордились. Бред. Я вышла замуж, чтобы быть как все. Я имела любовника, чтобы быть как все, я имею всё, чтобы быть как все... Но я не все. Мой бывший муж сделал это, чтобы победить меня и быть первым. Он и я играли в эту игру и оба проиграли... Он всегда просчитывал комбинации на много шагов вперёд, и здесь всё бы получилось, но я не как все... Я всегда ломаю игру в последний момент, и в этот раз мой ход был роковым для нас обоих. Я выжила, но я, та, которая играла в эту игру, погибла... Погибла вместе с ним. Вся моя жизнь – это путь в капкан. И вот он захлопнулся. Ложь, измены, погоня за успехом... Фальшивый мир из скользких иллюзий своего превосходства... С чем мы остаёмся – квартиры, машины, деньги... и одиночество, колючий холод в душе и беличье колесо гордыни, по которому ты вынужден бежать, чтобы быть первым... В этой круговерти ты в итоге один и никому не нужен... И себе не нужен тоже... Вот почему мой муж так поступил... Он устал и захотел уйти, но не просто так, а Первым... Ушёл... Это болезнь. Владыка, это душевная болезнь! Прошу, разрешите отпеть его! Он сделал это, потому что был болен – душевно болен, и эта болезнь довела его до трагедии.

Я готова понести любое наказание. Скажите, что мне делать, и я сделаю... Я хочу вырваться из этого капкана и вырвать его оттуда в первую очередь.

– Его отпоют, как душевнобольного. Я так понимаю, сегодня похороны? Его отпоют заочно, и ты сделаешь всё, как

скажет тебе священник. Понятно, что тебе тяжело, но это благо для тебя. Мой тебе совет – если сможешь, то уезжай в монастырь и просто поживи рядом, походи на службы, помолись и помолчи. Сейчас тебе надо перешагнуть этот порог. От тебя ничего не надо – надо только остановиться и помолчать. Послушай, я могу позвонить в Переславль и договориться, чтобы тебя приняли. У тебя инфаркт, и без поддержки трудно будет...

– Да, Владыка, я уеду. У меня предвыборная, но я договарюсь.

– Молодец. Я налагаю на тебя епитимью – год полного воздержания от отношений с мужчинами и ежедневное чтение псалмов и канона на умерших без покаяния. Отец Николай тебе всё подробно объяснит. А с кем ты родителей оставишь? Надо бы позаботиться о них.

– У меня есть ребята. Они поживут пока с родителями и полностью будут о них заботиться, деньги я оставляю. Что мне надо взять в монастырь?

– Себя, свою душу и покаяние, а остальное – на твое усмотрение... Да, и ещё таблетки с собой возьми, там может и не быть – это не курорт.

– Спасибо! Я сделаю всё необходимое для отпевания и сразу же уеду, если можно...

– Хорошо. Езжай с Богом. Вот письмо, передашь отцу Николаю – он знает, что делать.

Владыка благословил меня, и я вышла из кабинета и сразу

же направилась к машине.

На улице я почувствовала, что сильно устала, и почти рухнула на сиденье своего авто.

Мы отправились домой. Болезненное состояние давало о себе знать, и я, преодолевая боль, заснула. Во сне я увидела девочку – её звали Томарочка... Почему Томарочка? Да кто её знает???

Томарочка попала в какое-то странное место.

Оно было похоже на старинный город с высокими городскими стенами. Подошёл автобус, и Томарочка долго не могла зайти в дверь, но кто-то подтолкнул её и сказал: «Ты сможешь – давай!» Томарочка приехала на автобусе на какой-то рынок. Там продавались всякие награды, украшения, сотовые телефоны и прочие стеклянные бусы, которые ей так нравились. Она с интересом бродила по улочкам этого загадочного места и смотрела, как люди покупали эти вещи и снова и снова ходили и искали что-то ещё. Странно, но там не было солнца, но это никого не интересовало. Всех интересовали только те блага, которые можно заполучить. Хоть и блестели всякие украшения, но как-то неинтересно и безжизненно... Хоть и было много яркой и модной одежды, но как-то непривлекательно она была для Томарочки. Попав в это место, она ничего не захотела взять себе, просто ходила и смотрела, как будто в музее. Через некоторое время, она свернула в проулок и попала в помещение, где находились барышни и всячески примеряли и обсуждали наряды

и украшения. Томарочка присела, чтобы отдохнуть и услышать последние новости моды. Через окно этой комнаты был виден холм вдоль городской стены, на котором стояли люди. Они специально взабрались на него, чтобы все могли видеть их нарядный и богатый вид. Они стояли друг за другом и как манекены демонстрировали себя. «Что за глупое занятие?» – подумала Томарочка, но тем не менее стала рассматривать и оценивать эту публику. Вдруг с городской стены как будто лазерным лучом провели по всем стоящим на этой возвышенности. Затем без всяких эмоций с чьей-либо стороны, как в игрушечном тире, кто-то из проёма городской стены стал отстреливать этих людей – манекенов. Люди падали и исчезали, а другие продолжали стоять, как ни в чем не бывало. Казалось, других людей-манекенов это устраивало, ведь их было лучше видно. Холодок пробежал по сердцу Томарочки. Она чувствовала себя «не в своей тарелке». Здесь всё было бездушным, фальшивым и игрушечным. Никого не беспокоил мир вокруг. Все были в своем мире желаний, вещей и амбиций. Где-то у другого окна этой же комнаты Томарочка увидела девочку, похожую на её подружку. Она вместе с мамой наряжала серую картонную коробку в золотистую обёртку. Зазвонил телефон. Какая-то дама нажала на громкую связь, и все услышали голос из трубки: «Вы ещё не пробовали, чтобы вас завоевывали и брали в плен?» Дамы с безразличием и некоторой надменностью ответили: «Это скучно, как пейнтбол, но можно попробовать». Им яв-

но не хватало острых ощущений в их игрушечной жизни и они были готовы на всё. Томарочка подумала, что это глупая шутка пацанов-хулиганов. У нее в школе иногда шутят так некоторые мальчишки, чтобы доказать, что они сильные и взрослые, но дальше слов дело не идёт. Томарочка взглянула в окно и увидела, как две огромные военные машины подъезжали к городским воротам, и военные с оружием уже подбирались к холму, где стояли и падали люди-манекены. Томарочка замерла от ужаса – это было по-настоящему, зло и страшно. Но никто даже не отвлёкся от своей игрушечной суеты и только какая-то высокая и не «по-местному» красивая, одетая в длинный голубой плащ дама подошла к Томарочке и шепнула ей на ушко: «Беги скорее отсюда! Спасайся, у тебя нет оружия против них!» Томарочка выбежала и как можно незаметнее пробралась мимо холма с людьми-манекенами, которых сгоняли в ров злые военные, мимо какого-то шаткого деревянного забора, в котором нашлась доска, которая вела за пределы этой трагической и пасмурной территории. Томарочка выскользнула наружу и поползла по свежему белому снегу. Ровное поле и белый снег. Томарочка ещё никогда так не радовалась, что на уроке физкультуры их учили быстро и правильно ползти по полосе препятствий. Вот показался дом и перелесок. В перелеске были какие-то люди, но Томарочка их почему-то очень испугалась. Она пробежала остаток пути до дома и кинулась в первую открытую дверь. К комнате было светло и уютно, в углу го-

рел камин, на столе лежала большая книга. Томарочка попробовала закрыть дверь, но дверь не поддавалась. Она, кажется, была больше, чем дверной проём. Томарочка усердно пыталась закрыть дверь, но мягкий мужской голос из глубины зала попросил не закрывать дверь.

«За мной гонятся! Они могут войти сюда!!!» – взмолилась девочка. Она увидела перед собой высокого приятного джентльмена, похожего на профессора. Спокойствие и тепло вдруг, словно одеяло, окутало её.

«Не беспокойся! Иди, посиди у камина, посмотри книгу, а я поговорю с этими людьми. Каждый может зайти в эту дверь. Ты ведь зашла? Почему я должен отказывать им?» – сказал приятный джентльмен.

Гости не заставили себя ждать.

В приоткрытую дверь вошли два человека. Они были явно недобрые парни, но, войдя в дом, их злость сдулась, словно продырявленный мячик.

«Бог Никола, отдай её нам. Ну чего ты всех собираешь? Зачем она тебе? У тебя ведь и так хороших детей хватает!» – просящим и заискивающим тоном сказал один из гостей.

«Я не отдам её вам! Да, у меня много и детей, и взрослых. Все они в моей книге записаны. Все они мои», – спокойно и уверенно сказал Бог Никола.

Томарочка открыла книгу и увидела очень много имён и фотографий, каких-то рисунков, писем, написанных детским почерком. Все это было аккуратно размещено в боль-

шой, красной книге, которую сейчас смотрела Томарочка.

Вдруг в дверь прошмыгнула, как мышка, маленькая девочка. Она прыгнула на колени к Томарочке и с недоумением спросила: «Ты зачем меня бросила? Я же могла погибнуть?» Стыд и беспомощность ощутила Томарочка от этих слов. Как же так? Она оставила этого чистого ребёнка в этом грязном, пасмурном, фальшивом мире, да ещё и дверь пыталась закрыть, чтобы никто не вошёл сюда больше... Какая же она глупая и беззащитная перед этим злым, игрушечным миром блестящих безделушек! Томарочка вдруг поняла, что она, как и те люди из игрушечного мира, забыла обо всём и обо всех и играла в свою игрушечную жизнь и не замечала реальной, настоящей жизни, реальных людей. Она так заигралась, что бросила ребёнка и убежала, лишь бы не жить настоящей жизнью и не нести настоящую ответственность за кого-то. Словно закрыла дверь шкафчика с игрушками и ушла гулять с подругами. Томарочка обняла маленькую девочку, сидящую у неё на коленях, и предложила посмотреть картинки в открытой ею книге.

«Да зачем картинки смотреть? Зачем они? Надо молитву почитать – вот молитвослов. Дай мне его, пожалуйста. Какие картинки? Надо у Бога помощи просить и с Богом разговаривать! А ты всё картинки смотришь!» – тихо, но настойчиво прошептала маленькая спутница.

Томарочка взяла со стола молитвослов – и тут же проснулась.

Я тоже проснулась... Странное ощущение – как-будто это не сон, а реальное действие.

Машина подъехала к храму, где нас уже ждал отец Николай. Он выполнил всё, что необходимо, для отпевания, и я, взяв землю для могилы, как партизан, поехала на кладбище к своему уже погребённому мужу.

Пока мы добирались до кладбища, сотовый телефон несколько раз принимал звонки от Олега. Я решила оставить все разговоры на потом.

Выполнив всё, что было сказано отцом Николаем, я покинула кладбище в таком опустошённом состоянии, что еле-еле держалась на ногах. Я была на грани.

Вернувшись в больницу и уютно устроившись под капельницей, я всё-таки нашла силы ответить на очередной звонок Олега. Он был обеспокоен.

– Как ты там? Я целый день не могу до тебя дозвониться! Послушай, я всё знаю и не осуждаю тебя. Я с тобой. Только сейчас я вынужден уехать в Израиль на месяц... Вот боялся, что не успею тебе сообщить.

– Привет! Всё нормально. Спасибо, что позвонил. Езжай и ни о чем не переживай. Я тоже уезжаю на месяц – в монастырь... Мы не будем видеться с тобой год – так надо. Я думаю, что мы с тобой сможем остаться любящими и верными друзьями. Я отпускаю тебя, и ты меня отпусти, пожалуйста. Тебе незачем расхлёбывать эту кашу...

– Да перестань! Давай уедем вместе в Израиль. Ты там

отдохнёшь. Я буду рядом. Воздержание – значит воздержание... Мы не чужие... Позволь мне сделать это!

– Хорошо. 10 дней, а потом я уеду в монастырь и побуду там.

– Отлично! 10 дней. Завтра я жду тебя в Москве, и ночью мы улетаем.

Сильный и заботливый Олег. Он понимал, что всё конечно, но не хотел сходить с дистанции. Он хотел быть первым. Но я сошла с этой дистанции. Сошла и просто оставалась в зрительном зале, чтобы не обидеть никого и уйти вовремя.

С работой всё оказалось просто – я на больничном, да и сплетни, как пауки, ползли по городу, так что мой отъезд был стратегически выгоден.

Мне пришла в голову интересная мысль: а почему бы не отправить и родителей с моими помощниками в Переславль? Они давно мечтали о своём доме... Вот и пришло время присмотреть им этот самый дом.

Я дала на сборы полдня, и ребята выехали в Переславль к одному моему знакомому по прошлой службе. Он снял домик прямо у стен монастыря и расселил мой отряд, который был безмерно счастлив неожиданным путешествием. Эта быстрота действий была продиктована не только моим решением, но и реальной угрозой со стороны родственников бывшего мужа... Они постоянно угрожали и звонили мне, бегали по ворожейкам и насылали на меня всякие проклятья. Имеют право. Но родителей надо было вывести из-под

этого истеричного шквала, и всё получилось очень даже разумно.

Впервые я задумалась, как сильно действие благословения священника!!! Ведь до моего визита к владыке всё стояло верх дном, а после исповеди и благословения всё изменилось!!! Всё, да не всё.

Я улетела в Израиль с Олегом. Мы были самыми любящими братом и сестрой ровно два дня... Два дня, и понеслось... Беличье колесо своеволия пыталось втянуть меня и отказаться от обетов, данных перед владыкой... Я понимала, что этим всё кончится, но надеялась на чудо. Олег стал раздражаться и всё чаще и чаще уходил на балкон с кем-то разговаривать по телефону. Это была его новая подружка... Жизнь всё расставляет по своим местам. Свято место пусто не бывает. Олег хочет жить и быть первым, значит, надо дать ему этот шанс. Иногда, чтобы выиграть, надо проиграть.

Вот я и проиграю... И тогда мы все выиграем.

Олег в очередной раз раздражённо укладывался на рядом стоящую кровать.

– Послушай, Олег, давай завтра сходим в Храм Гроба Господня. Очень хотелось бы побывать в этом месте.

– Хорошо. Я сейчас позвоню Борису, и он всё организует. Кстати, у него в гостях какой-то монах из России. Тебе, наверное, полезно будет с ним побеседовать?

– Это было бы замечательно!!!

– Ну тогда я скажу, чтобы устроил нам совместную экс-

курсию по интересным местам. Совместим приятное с полезным.

– Ты самый лучший друг на свете!!!

– Да уж... Аж самому не верится...

Мне тоже было тяжело от всего, что на меня навалилось.

От того, что я вдруг отказывалась от всего, что еще недавно было мне дороже всего на свете... Я не жила, а существовала в каком-то незнакомом мне пространстве, где я ничего не понимаю и шагу ступить боюсь, просто стою и жду чего-то.

К середине ночи мы обо не выдержали этой звенящей неопределённости. Олег словно пантера скользнул ко мне в кровать. Наши тела не хотели понимать слово «нельзя», а наши губы не могли оторваться друг от друга, чтобы сказать хоть что-то. Это не было близостью двух любящих сердец – это был реквием по уходящей мечте. Мы прощались, прощались навсегда, но каждым вздохом и каждым прикосновением, каждым мгновением этого блаженства питали друг друга сполна. Это была ночь, которую невозможно, а главное, не нужно будет забывать. Это то, что хранится в самом потаённом уголке сердца – это только твоё и его... Это то, что будет всегда и никогда не закончится... Мы оба это понимали и принимали как подарок судьбы. Завтра для нас было уже другим, а сейчас... Сейчас было для нас сладостным и опьяняюще-прекрасным, как никогда. «Всё проходит», – сказал Соломон... И это тоже прошло.

Наступило утро. Утро новой жизни. Мы позавтракали в

уютном уличном кафе, и Борис, друг Олега, подкатил за нами на своём микроавтобусе, чтобы показать все достопримечательности. Он представил нам своего друга, его звали Михаил. Когда я увидела его, то мне показалось знакомо его лицо, но мало ли где можно встретиться...

Михаил был очень интересным человеком, они были похожи с Олегом своим внутренним стержнем – оба сильные и властные, оба знают, чего хотят, оба идут к цели, но вот цели у них разные. Олег не мог понять, зачем человеку такого плана, как Михаил, надо уходить в монахи, а Михаил не считал нужным объяснять своё решение. Он так решил, и это его право. Они были похожи на двух тигров, которые не враждуют, но чётко оберегают свою территорию от вторжения. Было интересно и даже приятно наблюдать за этим мужским противостоянием. Олег держался достойно и слегка иронизировал надо мной, когда речь зашла о том, зачем люди уходят в монахи.

– Люди бегут от себя! Они хотят забыть всё и похоронить себя заживо. Это можно назвать предательством тех, кто остаётся без них. Ведь они бросают их и не хотят больше бороться за счастье. Ведь так получается, Михаил.

– Нет, не так. Убежать от себя нельзя. Куда ты убежишь? Куда бы ты не ушёл, ты себя и свои мысли, чувства, проблемы, заблуждения приносишь с собой – это твой багаж. Забыть всё – зачем? Переосмыслить, понять, принять, сделать выводы и идти дальше – в этом есть смысл. Но куда идти?

Я решил идти к Богу и жить с Богом. Это не значит похоронить себя. Это значит похоронить грех в себе – это разное! Это больно и трудно. Это непрерывный бой и страдание, но я так решил, и это мой выбор. Предал ли я тех, кто любил меня и кого любил я? Нет. Я молюсь за них. Это больше, чем я мог бы дать им, оставшись рядом, в этом мирском капкане. Когда человек любит кого-то, то он молится за него. Я молюсь. Я всегда рядом, но в молитве, и это не прервётся никогда. Нас ничего не связывает и не разделяет – вот вам «Свободная любовь».

– Странное суждение. Я не думал об этом с такой точки зрения. Вот Ольга собирается пожить в монастыре сразу после возвращения. Может быть, вы посоветуете ей что-то. Она напугана этой жизнью и просто бежит от неё. Бросает всё – карьеру, меня, Госдуму, перспективные проекты. Уже родителей перевезла к монастырю, и всё за считанные дни, представляете?

– Молодец.

– Что значит молодец? Она проигрывает свою жизнь! Политика – это обойма, из которой легко вылететь и трудно вернуться! Она сейчас всё разрушит и через месяц уже не будет никому нужна! Она останется безо всего!

– Позвольте ей решать, с кем она останется. Вы ведь оставляете право решать за собой? Почему она не может сделать этого? Она вовсе не глупа. Она останется с Богом – это намного больше, чем вся ваша политика. Люди предают, а вот

Бог всегда милует и прибывает с человеком. Он не предатель. Это мы его предаём. Это мы его распяли и продолжаем распинать, а он всё равно с нами и нас любит и милует. Милует – это значит жалеет и принимает такими, как есть, врачует наши раны и даёт силы идти дальше, не отнимая у нас права выбора. Это любовь. Ольга, вы действительно решились поехать в паломничество?

– Да, Михаил. У меня уже есть договорённость, и мне надо исполнить свой долг перед Богом. Родители и работники уже переехали в Переславль, и я через несколько дней присоединюсь к ним.

– Вы позволите мне посоветовать вам монастырь, в котором, мне кажется, вам было бы комфортно и душеполезно побывать?

– Конечно! Я абсолютно ничего не знаю об этом.

– Давайте просто пройдемся и побеседуем, если Олег не возражает?

– У Ольги год запрета на отношения с мужчинами, и к тому же я доверяю монахам, – саркастически усмехнулся Олег, и мы с Михаилом пошли по брусчатке какой-то улочки.

Меня не покидало чувство, что всегда знала этого человека, и он был для меня своим и родным. Никакого волнения и трепета, просто спокойствие и полное доверие. Такое же, как в том сне, который приснился мне недавно... Он был похож на того мужчину из сна, которого называли Бог Никола... Но это уже слишком... Он Михаил и это просто жара.

Мы шагали и говорили о жизни, как-то получалось, что у нас много общего и в судьбе, и во взглядах. Это было приятно. Мы добрались до какого-то кафе и присели в тени, чтобы хоть немного спрятаться от жары и попить чего-нибудь.

– Что вы думаете о семье, Михаил?

– Здесь я не специалист. У меня плохо всё получилось в этой области...

– У меня тоже...

Какую обитель вы хотели мне порекомендовать? Вы же понимаете, что монахиня из меня никакая... На меня наложили епитимию, и я должна, я хочу её выполнить.

– Это хорошо, что вы к этому пришли. Надо молиться. Господь всё управит. Недалеко от Переславля есть Николо-Сольбинский женский монастырь. Я очень рекомендую поехать вам туда. Там вы найдёте ответы на все ваши вопросы.

– Что мне делать с Олегом? Он не принимает моего решения и делает всё, чтобы я ушла с этого пути.

– Между мужчиной и Богом лучше выбирать Бога – он не предаст и не изменит. Но вы должны сами понять это. Я сказал лишь своё мнение.

– Я не знаю, что мне делать. Я совсем запуталась и мне страшно.

– Надо молиться и просить Господа, чтобы Он управил ваш путь. Хотите, я вам расскажу одну историю, которую мне поведала моя бабушка?

– Конечно хочу!

Михаил аккуратно взял меня за руку и начал рассказ.

– Было это в воскресенье.

Идём мы с бабушкой с базара, а навстречу нам идёт человек. Одет в очень старую одежду, верёвкой подпоясанный, обут в старую обувь, а на груди кожаный шнурок и деревянный крест. Станный вид был у этого человека, в городе в таком виде не ходят. Некоторые люди оборачивались, дети посмеивались, а он шёл, как будто не замечал подобной реакции, и даже слегка улыбался. Шёл он к церкви. День был воскресный, у церкви было много народа.

Он подошёл, перекрестился, сел рядом с людьми, которые сидели на паперти, достал из сумки еду, которая была при нём, и пригласил трапезничать вместе с ним. Видно было, что народ на паперти знал его и с уважением и дружелюбием относился к этому странному человеку. Некоторые люди, выходя из церкви и увидев его, подходили и долго о чём-то беседовали. Станным мне всё это показалось. Человек сидит на паперти, одет в тряпье, а к нему такое почтение и уважение. Бабушка, заметив моё смятение, рассказала мне вот эту историю.

Жил в одном селении Степан. Красивый, статный, сильный. И была у него семья – жена и сын. Жили они дружно. Вместе работали, вместе сына воспитывали – всё как во всех семьях, да вот только всё – да не всё. Был Степан горд своими достоинствами – и умён, и красив, и селен, и не беден, и

жена – красавица, и сын – крепыш, чего ещё от жизни надобно. Все в церковь идут, Богу помолиться, а он дома остаётся, работой своей занимается. Ему говорят: «Идём, Господа поблагодарим да родственников помянем», а он как-будто и не слышит вовсе. Не хотел он Господу кланяться да благодарить, считал он, что сам он в своей жизни хозяин и ни к чему ему ни Бог, ни Церковь. Ни одной иконы не было в их доме. Картины красивые были, а вот лика Божьего не было. Ни произносил он молитвы за трапезой и на сон грядущий не молился и не каялся. В общем, жил, как ему хочется – сам себе указ. Сын его, крепыш, рос здоровеньким, только вот крестить его не пожелал Степан. Гордо он всем заявлял, что лучше всякого Бога о сыне позаботится. Время быстро бежит, вот уж сынок и рубанок с отцом держит, и такой же статный да деловитый – весь в отца. Казалось, минует этот дом все горести да напасти. Но гладко только на бумаге, а в жизни есть всегда овраги.

Как-то вечером заболел их сын, и ни доктора, ни знахари не могли ему помочь. Ничего не мог сделать Степан для своего любимого сына и смотрел, как тот угасает у него на глазах. Вот как-то при очередном визите очередной доктор прописал очередные лекарства и потом тихо сказал: «Всё по воле Божьей будет! Молитесь и просите милости!» Удивился Степан таким словам доктора. Только доктор этот был очень опытный и таких Степанов много видывал. Объяснил он Степану, что наука, конечно, вещь нужная, но Господом

этот мир был создан и только он может что-то в нём изменить. Степан не мог возражать, потому что на его руках умирал его любимый сын, и он был беспомощен перед этой бедой. На следующее утро пошёл Степан в храм и попросил Батюшку окрестить сына. Батюшка с радостью и участием воспринял его просьбу. Принёс Степан своего больного сына на своих могучих руках в храм и окрестили его и узнал Господь имя отрока. После первого же причастия начал выздоравливать мальчуган. Снова он весело резвился и с деловитым видом помогал по хозяйству. Снова Степан забывал ходить в церковь, и лишь его жена и сын изредка посещали храм. Прошёл ещё год, и Степан благополучно забыл о беде, а потом перестал и вовсе думать о Боге и завёл свою старую песню о том, что люди себе судьбу делают.

Ну да что тут скажешь – много таких Степанов развелось в то время.

Ушла Благодать, дарованная от Господа при крещении от всей этой семьи, и от сына их тоже ушла. Заболел сын сильнее прежнего, и опять доктора ничего не могли сделать с этой его болезнью. Вспомнил Степан тогда про Бога и побежал в храм. Встал Степан у икон на коленях, плакал, каялся и просил помощи. Явился тогда к нему Ангел Господень и сказал: «Коли хочешь жизнь сохранить своему отроку, то отбрось свою гордыню, оденься в простую одежду и иди по свету Господа славить! За жизнь отрока молиться надобно, а ты хулу на Бога каждый день насылал, через слова непутё-

вые, а о милости к сыну не просил и не вспоминал. Так вот, выбирай – или ты со своей гордынею останешься, но сына лишишься, или отринешь свою гордыню и пойдёшь по свету Бога прославлять да сына вымаливать. Было у тебя время, Степан, изо дня в день молить Господа, и беды бы тогда не приключилось. Но ты выбрал другой путь – путь без Бога. Но Бог милостив, и он даёт тебе шанс поправить положение. Выбор за тобой!»

Степан принял милость Божию с благодарностью. Понял он свою ошибку и пообещал выполнить всё, что Ангел Господень ему сказал.

Вернулся Степан домой, видит, а сынок с постели встал и к нему сам навстречу идёт.

Заплакал Степан от счастья, что исполнил Господь своё обещание, уложил сына в кроватку, убаюкал и пошёл в путь-дорогу собираться. Рассказал он жене об обещании, которое он дал Господу. Поклялись они молиться перед Господом за сына и друг за друга. Выточил Степан из дерева крест, повесил его себе на кожаный шнурок поверх простой, рабочей одежды, подпоясался верёвкой и пошёл куда глаза глядят. Ходил он по белому свету и всем людям о том, что с ним случилось, рассказывал да наказывал от Бога не отворачиваться и Богом себя не мнить! Жил он в разных монастырях, общался с богомольцами да старцами, учился понимать слово Божье. Как благословили его старцы, так пошёл он дальше нести слово Божье людям по всему свету. Так и сейчас ходит

он где-то и проповедует, да рассказывает, что с человеком гордыня может вытворить. Сын его вырос и стал священником. Жена сына женила и ушла в монастырь за мужа и сына молиться да Господу посильно служить.

Так что, когда увидите странника в простых одеждах да с крестом деревянным, не спешите насмехаться да пальцами на него тыкать. Может, это Степан волю Божью исполняет да слово Божье к нам несёт... А может, такой же, как Степан, да какая разница! Гоните свою гордыню от себя, чтобы Бога не прогневить да Божьего человека не обидеть.

– Вот такая вот история, Ольга. Мы без Бога – пыль и тлен. Все наши достижения состоят в том, что мы пинаем эту пыль и пылимся и падаем в эту грязь и превращаемся в прах. Без Бога нет ничего – есть только потери и пыльный смог мирской фальши. Вы шагаете в правильном направлении. Я буду молиться, чтобы Господь помог Вам.

– Всё так странно. Я чувствую себя рядом с Вами как щенок, которого забрали с помойки, отмыли, накормили и обогрели. Со мной такое впервые. Вы ответили на все мои вопросы, хотя я Вам и не рассказывала ничего особенного.

– Я всего лишь монах и не более.

Мы пошли в отель. Михаил держал мою руку, и мне было хорошо и спокойно. Это было похоже на то ощущение в машине, когда я ехала к Владыке за благословением.

Михаил благословил меня, и мы расстались, обменявшись контактами, чтобы мне можно было получать духовные на-

ставления по тем вопросам, которые могут у меня возникнуть.

От проведённого дня было светло и тепло на душе. Чётко и ясно сформировалось желание идти до конца... к Богу и с Богом. Ни с кем, а с Богом. Это не было фанатизмом, это было естественным ходом событий.

Олег был уже в номере и беседовал с кем-то по телефону. Я чмокнула его в гладко выбритую щеку и присела рядом.

– Ну как курс душеспасительной беседы? Что-то полезное услышала?

– Да! Всё встало на свои места.

– Отлично! Тогда я должник перед Михаилом! Пошли в ресторан? Я ждал тебя к ужину...

– Пошли.

Мы спустились в уютный ресторан с живой музыкой. Играл джаз. Олег знал, что я обожаю джаз и такие миленькие ресторанчики. Он был похож на тигра, который окрылён победой и предвкушает пиршество. У него даже повадки какие-то кошачьи проявляться стали – он был доволен моим спокойствием и послушностью.

Вечер удался. Мы долго сидели в ресторане, шутили, танцевали и, вдоволь насытившись всем этим, отправились к себе в номер. Никто не собирался останавливаться. Олег сразу же, как только закрылась дверь, перешёл к активным действиям. Поток нужности и ласки был таким, что сносил и одежду, и реальность, и всё, что могло помешать нам быть

вместе. Как сладок это проигрыш. Я проигрывала снова и снова, увлекаясь и растворяясь в этом море нежности и неги, которое поглощало меня всю без остатка. Как прекрасно любить в последний раз... Отдавать всю себя, не оставляя на потом не капли, ни грамма, ни мгновения нежности и страсти. Словно сказочной мелодией, во всей этой сладострастной неге родились строки:

Есть только «здесь и сейчас»,

Времени нет уж другого.

Надо прожить каждый миг,

Взвешивать каждое слово.

Грудью рассветы вдыхать

и на закате влюбляться.

В полночь за снами бродить,

Чтобы с тоскою расстаться.

Губы любимых ласкать

ласково, томно и страстно.

Есть только «здесь и сейчас»,

Дальше уж время не властно.

Так оно и было... до самого рассвета... Только здесь и только сейчас. Мир – это мы, и мы – это любовь.

Рассвет мы встретили, обнявшись, сидя в гамаке шикарного балкона нашего номера.

– Прочитай мне свои стихи, Оленька, – прошептал мне на ухо Олег.

– Да они простые, как велосипед! Чем они тебе нравятся?

– Я люблю тебя всю, и стихи, и велосипед))) Ну прочитай!!!

Забрезжил луч на горизонте,
Цвет ночи в серость превратив.
Художник юный – «мальчик-солнце»,
Рисует розовый мотив.

Он горизонт весь приукрасил,
Окрасил пальмы и дома.
И бледно-розовым узором
Слегка подернулась волна.
Какая славная картина,
Рождение солнечного дня.
Укрыта розовой накидкой,
С началом – будущность храня.

– Красиво!

– Всё для тебя!

– Мы завтра улетаем. Чего ты хочешь? Как скажешь, так и сделаем.

– Да просто погулять, пообщаться с друзьями, а потом сесть в самолёт и улететь.

– Ты поедешь в свои казематы?

– Да.

– Хорошо. Давай проведём сегодня прекрасный день и чудесный вечер, а самолёт строго по расписанию. Есть только здесь и сейчас.

Весь день мы были в обществе Бориса и Михаила, осмат-

ривали достопримечательности, обменивались мнениями, шутили и наслаждались моментом нашего присутствия в этом прекрасном месте в такой замечательной компании. Михаил был немногословен, но приветлив и приятен в общении со всеми. Когда мы уже расставались, то он подарил нам всем по значку с изображением святителя Николая Чудотворца на фоне белого креста и маленькие календарики-иконки с ликом этого же святого.

Молния стрельнула у меня в голове – Бог Никола... Стоп!!! Никольский монастырь, значок, иконка... Что это? Я вопросительно посмотрела на Михаила. Кто он? Посланник Божий? Он ведь не мог знать мои сны и ещё много чего. Он просто забрал меня с помойки этой жизни и отмыл и обогрел, собственно ничего не навязывая и не заставляя изменить. Просто взял и поставил с колен на ноги и показал, куда идти, и сказал, как. А дальше... А дальше... Хочется идти... Почему??? Что происходит???

Михаил, увидев мою растерянность, улыбнулся. Благословив нас с Олегом, он сел в машину и как будто растворился в пространстве... Сюрреализм какой-то!!!

Мы вновь остались с Олегом и с безудержной страстью и нежностью. Не было границ, запретов, было только одно – желание быть единым целым, быть воедино, сладко и томно утопать друг в друге и подниматься на вершину блаженства, возводя к максимальному совершенству этот взаимный полёт чувств, форм и сладострастия. Это любовь – последние

аккорды последней любви к мужчине... Прекрасный проигрыш, лишь для того, чтобы выиграла все. Олег вновь и вновь будет одерживать победы в миру, а я проиграю его миру, потеряю его, для того чтобы обрести себя – свою душу и Бога в ней. Говорить об этом с Олегом глупо. Я просто проиграю... по законам этого мирского бытия и всё... Я оставлю себе только одно, любовь и молитву, всё остальное пусть остаётся под крылом самолёта, который унесет нас уже совсем скоро и в совсем другую жизнь.

Всё может закончиться как угодно, но ночь всегда заканчивается... рассветом. В нашем случае это означало, что завтрак на столе в баре, багаж в багажнике машины Бориса и регистрация рейса у стойки № 9. Всё прозаично и прекрасно одновременно.

Я зацепила на рубашку подаренный Михаилом значок, запрыгнула в свои походные джинсы и, взбодренная чашечкой кофе, шагнула к машине. Оказалось, что Михаил тоже улетает этим же рейсом, и мы все вместе разместились в уютном микроавтобусе Бориса. Увидев значок на моей рубашке, Михаил обрадовался, как ребёнок. Было трогательно смотреть на его реакцию. «Ну значок и значок, чего там радоваться-то», – пробубнил Олег.

Мы быстро приехали в аэропорт, сдали багаж и разошлись по разные стороны. Михаил встретился ещё с какими-то своими знакомыми, и мы не стали друг друга обременять присутствием и осчастливили – своим отсутствием. Самолёт

плавно и бережно уносил нас от нашей сказки в реальность, и через 5 часов мы уже были в круговерти бытовых проблем и неурядиц... На прощанье мы с Олегом подарили друг другу маленькие подарочки. Олег мне – кулон с Богородицей, а я – крестик и листочек со стихом, который он прочтёт позже.

«Я буду Бога о тебе молить...

Чтоб дал тебе в душе успокоение.

Чтобы помог тебе меня забыть,

Чтоб научил надеяться и жить

и жизнь любить до умопомрачения...»

С Михаилом мы увиделись лишь на месте получения багажа. Мне хотелось взять у него благословения, но я так и не решилась этого сделать. Вокруг много народа, и это меня серьёзно смущало. Да и что он может подумать??? Пристаю??? Хотелось спросить его номер телефона, но раз сам он мне его не дал, значит, и не надо... Много всякого было в голове... Да и состояние здоровья стало резко ухудшаться, и было не до чего. Олег убежал на стыковочный рейс, и мы с Михаилом какое-то время остались одни.

Меня должны были встретить друзья, но они задерживались... Михаил предложил подвезти меня, но я отказалась, понимая, что есть вероятность поехать не в гости к друзьям, а напрямик в больницу... Я уже позвонила своему доктору, и он настоятельно рекомендовал мне сделать именно так.

Михаил, несколько раз предложив свою помощь подвезти меня, слегка обидевшись, уехал. Я в полуобморочном со-

стоянии дождалась-таки своих друзей и отправилась прямо в больницу, где меня уже ждал мой доктор.

Впервые за много дней я молилась. Не знаю почему, не знаю зачем, но обо всех и почему-то особенно о Михаиле. Яркие огни и солнце сменялись на смог и боль действительности. Из капкана нельзя вылезти, не поранившись. Интересно – никто не знает, где находится душа, но все знают, как она болит!!!

Это просто жизнь

Сигнал кардиографа пронзительно завизжал. Линия жизни не хотела больше извиваться и кривляться и лишь изредка делала одолжения, прогибаясь по чьей-то просьбе: «Ну давай, давай же, работай!» Суета, резкая команда, электро-стимуляторы.

Я не люблю суету... Смотрю на всё это свысока, и нет мне никакого дела до всего этого... Кому давай? Чего надо? Вот врач дал очередной электрический разряд – тело подпрыгнуло, но не реагировало на эти жестокие и противоестественные действия...

Не хочу... Не хочу быть здесь... Я пойду... И вот я на свободе... Иду по аллее, мне светло и спокойно на душе, как будто кто-то обнял меня нежно-нежно и оберегает от всего земного... «Я не отпускаю тебя», – слышала я откуда-то со стороны. «Слышишь?! Не уходи!» Это не был приказ или требование, это были слова – теплые и добрые...

Я шла по дороге... Мне хотелось идти и идти, идти куда

глаза глядят. Забыть всё и просто идти и уйти отсюда навсегда... Подальше от суеты, резких звуков и ощущения безнадёжности. Сейчас было всё хорошо, было приятно ощущать чьи-то невидимые объятия и заботу, просто идти и тихонько молиться, перебирая свои чётки.

«Я не отпускаю тебя! Вернись!» Снова и снова слышался ласковый призыв. Казалось, что он и эти загадочные объятия – одно целое. Я шла. Вот вдруг дорога раздвоилась, и вдалеке стал виднеться храм. Мне надо туда, именно туда мне и надо.

Душа моя ликовала от радости. Вторая дорога уходила к забору, который отделял всё, что меня окружало. Холодный, безжизненный железный забор из кованого железа. Дрожь прошла сквозь меня, как только я посмотрела в его сторону... «Господи, помилуй», – прошептала я тихонько и хотела было уже шагнуть дальше по дороге. Странное дело: передо мной – аналое и Старец в явно епископском облачении.

«Я не отпускаю тебя. Прошу – вернись!» – вновь послышалось откуда-то со стороны.

Я подошла к аналое, дорога дальше только по благословению – это чётко стало понятно без каких-либо разъяснений и объявлений. Всё было естественно и спокойно.

Никакого пафоса. Просто это жизнь.

– Ты разве не слышишь? Он тебя не отпускает? – спросил Старец.

– Слышу, но я хочу в храм. Мне так спокойнее, да и всем тоже. Суета меня утомила, и я хочу тишины и мира, а это

только в храме, – ответила я.

– Хочешь покаяться?

– Хочу. Я обычная женщина, и я грешна каждой секундой своей жизни.

– Ты слишком любишь жизнь?

– Я слишком люблю людей и хочу, чтобы они жили.

– Я знаю. Почему ты так часто молишься за одного и того же человека? Ты его любишь?

– Да. Я хочу, чтобы он был счастлив. Он достоин этого. Я хочу, чтобы Господь дал ему всё самое лучшее в этой земной жизни. Я хочу, чтобы он жил – жил по-настоящему счастливо – без боли, суеты и предательства.

– И что ты собираешься делать для этого?

– Молиться... А что ещё можно сделать... Мы у Бога в руках... Только Он может это подарить... Вряд ли кто достоин этого, но... Господь милостив. Надо вымаливать этот дар... И я буду молиться...

– Ты и сейчас молилась о том же...

– Да. А что изменилось?

– Ты не думаешь о себе? Какой тебе нужен дар от Господа?

– Мне ничего не нужно. У меня всё есть. Я просто хочу тишины и спокойствия. Я хочу, чтобы этот человек жил без боли и страха.

– Это желание содержит грех?

– Это – жизнь! Я каюсь, что люблю – как человек и душой, и телом, и взглядом, и мыслью, и дыханием. Я не умею по-

другому. Каюсь, отче!

– А он чего?

– А он тут при чем? Это моя жизнь и мой грех. Он ни при чем – грех на мне, отче.

– А если ты упадёшь?

– Значит, это я упаду! Нельзя отказать страннику, когда он жаждет! Для него это глоток жизни и не более. Если надо будет – я напою его. Только ведь на всё воля Божья, отче! Нет такого глотка воды и такого дыхания, которое бы было без Его Воли. Это мы по гордости своей мним, что что-то можем... Ерунда! Ничего мы не можем! Мы можем только молиться, пока есть возможность, и всё!

– Тебе грустно от этого?

– Наверное, нет. Меня это устраивает. Так естественно. Не нравится мне юлить и изображать из себя то, чего нет.

«Я не отпускаю тебя – вернись, прошу!» – снова раздалось со стороны.

– Ты боишься, что он предаст?

– Он не может меня предать! Я молю не его, а Бога! От него мне ничего не надо. Просто пусть он будет счастлив и не предаёт себя!

– Тебе до сих пор больно? Больно от предательства?

– Да.

Вдруг безжизненный кованый забор приоткрылся. Он как бы разорвался, и в безжизненной и гнетущей пустоте явился лик моего предателя. Человека, который когда-то, очень

давно меня предал. Он предавал и предавал меня и по итогу предал всех – и меня, и себя, и Бога. Он погиб от самого себя, как скорпион, который сам себя ужалил.

Старец спокойно посмотрел на меня и на мою боль, которая зияла в проёме этого забора.

– Хватит тебе мудрить! Идём сюда! Неужели не надоело мучиться! Всё кончено!

«Я не отпускаю тебя! Прошу тебя, не уходи!» – снова раздалось откуда-то. Ощущение заботы и тепла не покидало меня всё время, пока мы общались со старцем, но сейчас меня пронзили боль и холод.

«Я не отпускаю тебя! Вернись!» – снова прозвучало откуда-то и укутало меня заботой и любовью.

– Чего ты хочешь? Я сама решу, куда и когда идти. Нам с тобой не по пути! – ответила я своему прошлому.

– Да ладно тебе! Всего лишь шаг и всё – боль и страдания закончатся. Ты же хочешь тишины?

– Я хочу мира! Тебе не понять этого. Ты всегда хотел брать и рвал всё с корнем. Там, где ты – мёртвая тишина! Там, где ты, не может быть мира. Мне надо в храм.

– Какой храм? Зачем тебе это? В чём там каяться? Тебя, думаешь, кто-то ждёт? Ты же никому не нужна! Вымаливаешь подачки от доброго Боженьки! Ты знаешь, сколько вас таких?! Это глупо!

– Ну и ладно! Это мой выбор!

– То, за кого ты молишься – это твой выбор?! Ну тогда

смотри...

Поодаль от забора, словно на огромном экране, появился тот, о ком я молилась. Он был с барышней. Симпатичная, успешная, уверенная в себе, она шла с ним под руку в магазин за тем, чтобы он купил ей шубку... Галантный и обходительный, он светился добром и теплотой. Он согревал всё пространство вокруг, и даже со стороны было тепло и приятно наблюдать за этим действием. Потом они сидели и, держась за руки, разговаривали. Он рассказывал ей о себе, о своей прошлой жизни... Он хотел согреть её озябшую и больную душу, обнажая свою. Снимая мохеровые завесы сокровенных тайн, он пытался укрыть ими холодную от одиночества душу. Причиняя себе боль, он пытался заглушить её боль. Он горел, чтобы согреть. Он горел всей душой, оставляя своё тело в жажде. Он тоже человек. Он горел. Он умел гореть, чтобы осветить тебе путь и согреть твоё сердце...

– И что? Это твой выбор? Да ему и дела нет до тебя и до твоих молитв! Смотри – он такой же, как все! Что в нём особенного – самец! Ты зря теряешь время! Ты дура!!!

– Ну это уже медицинский диагноз! Я и не спорю – я дура! Разве умная связалась бы с тобой! Ты так, видать, ничего и не понял и слеп по-прежнему! Разве ты не видишь, что он отдаёт душу, а не тело!!! Чего ты хочешь мне доказать? Все такие, как ты? Нет!!! Он не такой, как все, и уж тем более не такой, как ты!

– Да он с другой бабой! Ты что, дура? Не понимаешь?

«Я не отпускаю тебя! Вернись, пожалуйста!» – вновь зазвучало и окутало меня заботой.

– Ты, видать, совсем примёрз!!! Он счастлив!!! Значит, Бог слышит мои молитвы! Значит, всё так и надо! Ты даже не представляешь, что, пытаюсь сделать мне больно, ты подарил мне радость!!! Я неожиданно, хоть на мгновение, увидела его счастливым! Я и не мечтала об этом!!! Спасибо тебе!

– Счастлив говоришь? Ну посмотри, чем это у него обычно заканчивается...

Вновь появились образы. Он спорил и ссорился с солидной дамой, которая, как пиками, пронзала его своей надменностью и холодом. Она хотела новую игрушку, а он ей надоед... Он пытался противостоять этой боли, но она вгоняла его в агонию... Дама играла свою роль... Актриса с холодным и ненасытным сердцем. Она рвала все покрывала тепла, любви и заботы, которыми он так бережно укрывал и согревал всё время, пока они были вместе. Ей не хотелось уюта, который он пытался создать для неё, ей не хотелось заботы, которой он окружил её. Ей хотелось свободы, ярких эмоций, шумного общества и прёклонения всех и вся... Она не хотела быть его... Она просто имела его и позволяла себя любить... Сколько боли и ран зияло от непонимания и как безжалостно топтали то одна, то другая дама его тёплую и открытую для настоящей любви душу своими высокими каблучками надменности и себялюбия. Они вставали своими грязными ногами, обутыми в модные, гламурные туфель-

ки-шпилики на его грудь и топтали его открытую душу. Он выел от боли и отчаяния, и раны безжалостно покрывали его нежную и открытую душу... Боль и одиночество... Он давал всё... И любовь, и славу, и деньги, а в ответ получал раны на нежной и заботливой душе. Дамы пользовались им, как ступенькой, вставая на его сильную и широкую грудь своими каблучками... Как же... Иметь такого мужчину!!! Они возвышали себя над обществом, за счёт того, что втоптывали в грязь его мечту о чистой и верной любви! Он ничего от них не хотел – он им всё отдавал. Он хотел только одного – любить и быть любимым! Этого хочет каждый нормальный мужчина. Только нормальных осталось ненормально мало... Всё чаще каждый использует каждого, как ступеньку. Любовью там и не пахнет! Тела и роскошь – вот главное в этой игре. Но он не хотел играть в эту игру. Он этого никогда не хотел. Поэтому страдал и порой рвал и метал, как израненный зверь. Картины были безрадостные...

– Вот поэтому я и молюсь! Я хочу, чтобы он жил. То, что ты показал, только убедило меня в моем намерении. Надо молиться. Тебе не понять – ты из тех, кто наносит раны и топчет душу, даже не осознавая и не замечая этого. Я не осуждаю ни их, ни тебя. Вы все больны и несчастны. Вы не имеете грани насыщения. Вам всего мало! Тела, деньги, развлечения, удовольствия, успех... Вы заложники этого беличьего колеса! Вы не знаете, зачем, но живёте. Это физическая жизнь – в ней нет ценностей, которые были бы вечны и

возвышали. В итоге ты теряешь всё – и эту никчёмную жизнь тоже. А душа? А любовь? Вы ведь так стремились быть всеми любимы? Но ведь Бог – есть любовь? Душа – дом Божий! А где ваша душа? Где Бог в вашей жизни? Вы всё вершите сами и дела, и приговоры... Он не такой, и поэтому его так топчут, и ему так больно!!! Кстати, он всё ещё пытается спасти людей от себя самих и от мерзости мирской суеты!!! Он не предатель! Он, несмотря на боль, не спрятался и не стал мстить! Да, он рычал и кусался, он не предавал, а останавливал безумие!!! Он падал, чтобы поднять других, которые были в грязи!!! Ты разве не видишь этого? Ты ведь не глупый!!! Зачем врать сейчас? Пусть отче нас рассудит. Отче, вы же видите – этот человек всю свою жизнь горит для других. Он такой от Бога. Разве можно упрекать человека за то, что он человек? Господь сотворил нас в теле, и, наверное, это не зря! Нельзя отобрать одежду у души! Всё просто – Сначала душа, а потом тело... Всё тленное – это лишь глоток воды, чтобы выжить в этом путешествии. Зачем лишнее – с большой сумкой далеко не уйдёшь.

Старец спокойно слушал наш диалог.

«Я не отпускаю тебя! Вернись!» – вновь послышался усталый, но по-прежнему тёплый и заботливый призыв.

– В молодом человеке горит огонь. В зрелом человеке светит свет. Надо уметь, пока горит огонь, гореть, но когда прошло время горения – суметь быть светом. В какой-то момент жизни надо быть силой, а в какой-то момент – тишиной. Тот

человек, о котором ты молишься, горит для людей. Как может, так и горит! Вы похожи. Вы не прячетесь от Бога за фигурными листочками. Вы стоите перед Богом, как есть. Каетесь в содеянном по немощи человеческой природы, осознаете величие Бога и молитесь... Вы пытаетесь идти к Богу, а не к блестящим огням мира. Вам нужен мир в душе, а не внешняя пыль мира. Вы оба изранены предательством, и поэтому тебе всё так хорошо видно. Но он перешагнул через эту боль, а ты носишь её с собой. Он хочет помочь тебе, но ты боишься его. Ты, видя всё, боишься. Этот парень, у забора, постоянно будет преследовать тебя. Он тебя не отпустит. Не потому, что он такой сильный, а потому, что ты не отпускаешь его. Ты не можешь идти вперёд, потому что ты постоянно смотришь назад. Тебе больно за других, но так ты заглушаешь свою боль... У твоего друга то же самое... Но он борется. А ты? Можно сдаться, но тогда ты предашь. Предашь всех, кому ты нужна, кто борется за тебя, кто молится за тебя... Это только твой выбор. Тебе решать.

– Да. Вы верно ей сказали. Посмотрите, на её правом ухе вторая серьга. Это память о том, что я её предал. Там не какая-то медяшка, там золотая серьга с бриллиантами. Ей я важен. Она не может меня забыть. Хватит уже прятаться за своего Боженку. Ты никому не нужна. Этот мир так устроен. Выживает сильнейший. Ты проиграла. Хватит страдать – пошли, я тебя жду, – с явным превосходством выкрикнула моя прошлая боль, зияющая в безжизненном пространстве.

– Да, вы правы, отче. Мне больно и я боюсь. Но больше всего я боюсь предать. Я молюсь... Ты тоже, дружище, прав, я храню память о твоём предательстве, как самый драгоценный урок в моей жизни. Да, эта дорогая серьга, но она не дороже того, что ты у меня отнял. Тебе чуть было это не удалось, но Господь послал мне его – такого же израненного, такими же, как ты. Я увидела в нём себя. Мне стало тепло. Он сумел отогреть меня, прикоснувшись к душе, а не к телу. Ты помогал мне упасть, а он помогает мне подняться.

«Господи, услышь молитвы мои!» – разрезало всё пространство.

«Аминь» – послышалось твёрдо и спокойно.

– Я не предатель – я не предаю и буду бороться. Изыди! Уйди из моей жизни! Она принадлежит Богу, а не тебе! – вырвалось криком из самой потаённой глубины моей души.

В этот миг кованный забор закрылся, и лишь издалека слышался вой «Я не отпускаю тебя». Но этот вой был воем бессилия и растаял в тишине.

Старец стоял у аналое. Я наклонила голову, и он, накиннув на неё епитрахиль, прочёл разрешительную молитву. Когда он откинул епитрахиль, рядом стояла красивая женщина без возраста. Она излучала тепло и заботу.

– Пойдём, тебя уже заждались. Нам пора идти, – обняв за плечи, сказала она, и мы пошли в обратную сторону.

– Аминь, – сказал Старец. – Мой тебе совет – сними и отнеси серьгу в храм... Но это совет, а ты как хочешь.

Всё словно в тумане. Я услышала знакомый писк кардиодатчика. Линия жизни прогибалась под обстоятельство, с Богом заданным смирением. Я открыла глаза. Медсестра мокрая от слез. Врач сказал ей: «Тихо! Она возвращается».

Я увидела знакомые лица и улыбнулась.

– Не пугай нас так больше, – всхлипывая и пытаясь улыбнуться, прошептала медсестра.

– Не бойся – я с тобой! – отшутилась я в ответ.

– Ну раз шутит, значит, жить будет! Не балуй у меня! – повеселел доктор и, проверив мое брненное тело, удалился.

Мерно попискивали мониторы и датчики, капельница питала мое тело, а неземная теплота, любовь и забота согревали мою душу.

Я попыталась пошевелиться. Медсестра взметнулась ко мне, как чайка на причале.

– Снимите, пожалуйста, вторую серьгу с моего правого уха и отнесите её в храм, который в этом госпитале, – попросила я медсестру.

– Конечно, конечно. С пониманием и готовностью помочь, – сказала медсестра. А к какой иконе положить?

– А посмотрите, там должен стоять епископ во весь рост. Да вы сразу узнаете, Господь всё устроит.

– Я сейчас сбегаяю! – сказала медсестричка.

Заботливыми руками она сняла серьгу с моего уха, оставила вместо себя другую работницу и выпорхнула из палаты.

Мне очень хотелось спать. На душе было тепло и уютно.

Тело пыталось болеть, но у него не было ни сил, ни права на это. «Поспи. Всё хорошо», – раздался чей-то ласковый голос. Я приняла всё как есть и закрыла глаза. Всё в руках Господа! Я не предатель – надо идти вперёд. Это просто жизнь.

Конец трагедии земной

Приветливый персонал больницы ещё несколько дней ухаживал и выхаживал меня. Они спасали моё тело и, как могли, согревали мою простуженную душу. Мне очень чётко врезалась в память аллея, по которой я путешествовала, пока меня спасали.

Как-то сам собой родился стих:

Закат накрылся тьмой кромешной,

Лес потерял себя во сне.

Чуть слышно, в медленном кружении,

Целует дождь листву извне.

Тревожит он своим напевом,

Чуть торопливо, чуть не в такт.

Кудрявя головы деревьям,

Противоречием атак.

От мастерства его движений

Листву уже бросает в дрожь.

Но вновь заводит дождь напевы,

Что ты с проказника возьмёшь!

Так будет долго-долго длиться,

Игра дождя – всему виной.

Смывает дождь и грязь, и лица,

Листву всю путая с листвою.
Вся обезличена, омыта,
Уставшая чего-то ждать,
Листва сопротивляться бросит
И станет тихо засыпать.
Когда же первый луч заблещет,
Над горизонтом свет пролив,
Рассветным соловьём прольётся
Благословляющий мотив.
Зашелестят листвою берёзы,
Расправив белый сарафан.
Пьяняще милым, чуть лукавым,
Тенистым будет пан-каштан.
Венцом Божественного света,
Чуть слышный, колокольный звон
Вольется в душу ярким летом,
С церквушки старой, за холмом.
Всё сотворённое от Бога,
Блится в чистоте своей,
Пройдя сквозь волны омовенья,
От бурь и пагубных страстей.
Судьбу свою не заслоняя,
С собой не сводит больше счёт,
Тот кто с небесным устремится,
Всё ж от земли не отстаёт.
Мы все стремимся в Рай чудесный,

Но рядом с нами этот Рай.

Не называй его Небесным,

Но и земным не называй.

Что-то неземное было во всём происходящем со мной.

Немного поразмыслив, я всё-таки написала Михаилу сообщение о том, что случилось, и на удивление быстро получила от него ответ. Он сообщал, что договорился с настоятельницей монастыря, и как только будет позволено, за мной приедет машина, и меня отвезут в монастырь. Я созвонилась с родителями и сообщила, что собираюсь побыть в монастыре месяц или чуть больше. Я пообещала навещать их, как только это будет возможно. Они благословили меня, и это серьёзно помогло в скорейшем выздоровлении. Через три дня я была готова к выписке и, выбросив сим-карту и отключив сотовые телефоны, села в машину, которая приехала за мной из монастыря – я сбежала из мирской суеты в обитель Николая Чудотворца...

Мне больше не хотелось жить, как положено, я хотела жить с Богом и миром в душе. Машина уносила меня всё дальше и дальше от цивилизации, а свежий и чистый снег покрывалом стелился под колёса судьбы, которая катилась по узкому, но единственно правильному пути – пути к Богу. Возможно, я пожалею об этом, но я имею на это право – право быть собой и служить Богу, а не момоне.

Какой ценой мы получаем Веру?

Разбитыми осколками надежды,

Иллюзиями, выжженными болью,
Скорбями, что не будет так, как прежде!
Какой ценой мы душу очищаем?
Сжигаем плоть в желаньях и утехах,
Забвением совесть тихо заслоняем
И кружевами светского успеха,
Серебролюбьем Бога заменяем...
И вот итог –
В душе пожар иллюзий.
Всё выжжено – вокруг растут лишь кочки!
Ты как щенок, которого забыли,
Скулишь о жизни тихо в одиночку.
В душе темно, лишь только тлеет свечка.
То милость Божья, что дана с рожденья.
Маяк для тех, кто потерялся в жизни,
Надежда на Святое искупленье.
Ты ниц! Ты не в молении, а в скорби!
Дела твои гудроном жгут зловонным
Ту землю, что взрастила б дерево жизни,
Но ты из жизни сделал преисподню.
Так жги гудрон смердящий – Болью в сердце!
За все грехи, что ты творил бездарно.
Пали себя бесстыдным покаяньем,
Чтобы добыть хоть йоту почвы данной.
Вложи в неё исчахшей Веры семя!
Трудись, чтоб семя это прорастало!

Слезами, потом, кровью и делами
Рыхли гудрон, чтоб почва мягче стала.
И может быть, по милости Господней,
Взрастёт росток и весь гудрон разрушит.
И расцветёт благое древо жизни,
И исцелит твою больную душу.
Накроет тлен тенистою прохладой,
Благоуханием наполнит сердце.
Дух укрепит Божественной отрадой
И Веры ключ откроет жизни дверцу...